

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Журнал основан в 2004 г.

Выходит 4 раза в год

№ 4 (60) 2019

FORENSIC EXAMINATION

The journal is founded in 2004

Published 4 times a year

Волгоград – 2019

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза :
науч.-практ. журнал. –
Волгоград : ВА МВД
России, 2019. –
№ 4 (60). – 136 с.

Ё

Журнал основан
в 2004 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

, начальник Волгоградской академии
МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации.

, доцент кафедры основ экспертно-
криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-
криминалистической деятельности¹ Волгоградской академии МВД Рос-
сии, кандидат юридических наук, доцент.

1. , профессор кафедры судебных
экспертиз и криминалистики Российского государственного университета
правосудия, доктор юридических наук, профессор.

2. , профессор кафедры исследования
документов УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат
юридических наук, доцент.

3. , начальник кафедры уголовного
процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики
Казахстан им. М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уго-
ловного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-уральского
государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

4. , профессор кафедры исследования
документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московско-
го университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических
наук, профессор.

5. , доцент кафедры криминалистиче-
ских экспертиз Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юриди-
ческих наук, доцент.

6. , профессор кафедры юриспруденции, ин-
теллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского госу-
дарственного технического университета имени Н. Э. Баумана, доктор
юридических наук, профессор.

7. , начальник кафедры исследования доку-
ментов УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юриди-
ческих наук.

8. , профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юри-
дических наук, профессор.

9. , начальник кафедры основ экспертно-
криминалистической деятельности УНК ЭКД Волгоградской академии
МВД России, кандидат юридических наук.

10. , профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах
внутренних дел² Волгоградской академии МВД России, доктор юриди-
ческих наук, профессор.

11. , профессор кафедры уголовного
процесса УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, заслу-
женный работник высшей школы, доктор юридических наук, профессор.

¹ Далее – УНК ЭКД.

² Далее – УНК по ПС в ОВД.

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер
77-47195
от 3 ноября 2011 г.
Подписной индекс
в каталоге
«Роспечать» – **46462**
Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/sudek/
Редактор
Компьютерная верстка
Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоград,
ул. Историческая, 130.
Подписано в печать:
20.12.2019
Дата выхода в свет:
27.12.2019
Формат 60x84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 17,0.
Усл. печ. л. 15,81.
Тираж 500. Заказ № 57.
Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
413,44 руб.
(2 номера).
Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоград,
ул. Коммунистическая, 36.
© Волгоградская
академия
МВД России, 2019

12. , профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.
13. , главный научный сотрудник научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.
14. , начальник кафедры трасологии и баллистики УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
15. , доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь).
16. , начальник УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
17. , начальник кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент.
18. , профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.
19. , профессор кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, доктор химических наук, профессор.
20. , профессор кафедры трасологии и оружейведения учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.
21. , заместитель начальника Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь по научной работе, кандидат юридических наук, доцент.
22. , заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.
23. , директор Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.
24. , профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.
25. , профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.
26. , директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.
27. , директор Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.
28. , профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), доктор юридических наук, профессор.
29. , начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.
30. , декан факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

FORENSIC EXAMINATION No. 4 (60) 2019

ISSN 1813-4327

Forensic examination :
scientific and practical
journal. – Volgograd :
Volgograd Academy
of the Ministry
of the Interior
of Russia, 2019. –
No. 4 (60). – 136 p.

**Founder
and publisher Ë
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

The journal is founded
in 2004
Published 4 times a year
with the circulation
of 500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific editions
where main research
and results of PhD
doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system of the
Russian
science citation index.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed
on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI No. FS77-47195

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Ivanovich Tret yakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Natal ya Nikolaevna Shvedova, Associate Professor, Chair of Expert-Criminalistic Activities Fundamentals, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

The editorial council

1. **Aver yanova Tat yana Vital evna**, Professor, Chair of Forensic Examination and Forensics, Russian State University of Justice, Doctor of Science (Law), Professor.

2. **Anchabadze Nugzari Akakievich**, Professor, Chair of Document Examination, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Associate Professor.

3. **Aubakirova Anna Aleksandrovna**, Head of the Chair of Criminal Procedure and Forensics, Esbulatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Senior Research Associate Department of Criminal Procedure, Forensic and Forensic Examination Southern Ural State University, Doctor of Science (Law), Professor.

4. **Bobovkin Mikhail Viktorovich**, Professor, Chair of Document Examination, Training and Scientific Complex of Forensic Examination, of the Kikot' Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

5. **Bocharova Olga Stanislavovna**, Associate Professor, Chair of Forensic Examination, Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

6. **Vekhov Vitaliy Borisovich**, Professor, Chair of Jurisprudence, Intellectual Property and Forensic Examination, Moscow State Technical University n. a. N. E. Bauman, Doctor of Science (Law), Professor.

7. **Vnukov Vyacheslav Ivanovich**, Head of the Chair of Document Examination, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Science (Law).

8. **Volynskiy Aleksandr Fomich**, Professor, Chair of Criminalistics, of the Kikot' Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

9. **Dosova Anna Vladimirovna**, Head of the of Expert-Criminalistic Activity Fundamentals, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Science (Law).

10. **Eremin Sergey Germanovich**, Professor, Chair of Criminalistics, Training and Scientific Complex for Preliminary Inquiry in Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

11. **Zaytseva Elena Aleksandrovna**, Professor, Chair of Criminal Procedure, Training and Scientific Complex for Preliminary Inquiry in Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

12. **Kokin Andrey Vasil evich**, Professor, Chair of Expert-Criminalistic Activities, Training and Scientific Complex of Forensic Examination, of the Kikot' Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

of November 3, 2011
Subscription index
at the catalogue
Rospechat' – 46462

Website of the journal:
www.va-mvd.ru/sudek/

Editor
E. Yu. Provotorova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
20.12.2019

Date of publication:
27.12.2019

Format 60x84/8.
Offset printing.
Font Arial.

Physical print sheets 17,0.
Conventional
print sheets 15,81.
500 copies. Order No. 57.

Subscription price
by catalogue
Rospechat'
413,44 RUB.
(2 numbers).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400131, Volgograd,
Kommunisticheskaya
street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2019

13. *Kolotushkin Sergey Mikhailovich*, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Service for Execution of Punishment of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

14. *Kondakov Aleksandr Vladimirovich*, Head of the Chair of Traceology and Ballistics, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

15. *Kotelnikova Dina Valerievna*, Associate Professor, Chair of Expert-Criminalistic Activity Fundamentals, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law) (Executive Secretary).

16. *Koshmanov Petr Mikhailovich*, Head of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

17. *Kurin Aleksey Aleksandrovich*, Head of the Chair of Criminalistic Techniques, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Science (Engineering), Associate Professor.

18. *Latyshov Igor Vladimirovich*, Professor, Chair of Forensic Examination and Research, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

19. *Lobacheva Galina Konstantinovna*, Professor, Chair of Criminalistic Technique, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Chemistry), Professor.

20. *Maylis Nadezhda Pavlovna*, Professor, Chair of Traceology and Weapon Studies, of the Kikot' Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

21. *Matveychev Yuriy Anatol evich*, Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus for Research, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

22. *Moiseeva Tatyana Fedorovna*, Head of the Chair of Forensic Examination and Forensics, Russian State University of Justice, Doctor of Science (Law), Professor.

23. *Rossinskaya Elena Rafailovna*, Director of the Institute of Forensic Examination, Moscow State Law University n. a. O. A. Kutafin, Doctor of Science (Law), Professor.

24. *Rubis Aleksandr Sergeevich*, Professor, Chair of Criminal Procedure, Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus, Doctor of Science (Law), Professor.

25. *Ruchkin Vitaliy Anatol evich*, Professor, Chair of Expert-Criminalistic Activities Fundamentals, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

26. *Seytenov Kaliolla Kabaevich*, Director of the Institute of Forensic Examination, Kazakh Humanitarian Law University (the Republic of Kazakhstan), Doctor of Science (Law), Professor.

27. *Smirnova Svetlana Arkad evna*, Director of the Russian Federal Center for Forensic Examination, Ministry of Justice of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

28. *Khrustalev Vitaliy Nikolaevich*, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensics of the Russian University of the Transport (MIIT), Doctor of Science (Law), Professor.

29. *Chulakhov Vladislav Nikolaevich*, Head of the Chair of Forensic Technical Support for Expert Examination, Training and Scientific Complex of Forensic Examination, of the Kikot' Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

30. *Shakirov Karimzhan Nurumovich*, Dean of the International Relations Department, Al-Farabi Kazakh National University (the Republic of Kazakhstan), Doctor of Science (Law), Professor.

CONTENTS

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES AND THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN LEGAL PROCEEDINGS

- 8 *Volynsky A. F., Prorvich V. A., Khrystalev V. N.*
Forensic and "investigative" expertise
in the system of scientific and technical support
for the disclosure and investigation of crimes
- 25 *Bobovkin M. V., Didenko O. A.*
Specifics of evaluation of the findings
of a multi-object forensic handwriting analysis
by the investigator (court)
- 33 *Cheshko I. D., Tumanovskiy A. A.,
Printseva M. Yu.*
Fire-technical expertise in the system
of Federal fire fighting service of EMERCOM
of Russia: expert specialties,
technical opportunities, preparation of experts
- 41 *Kochubey A. V., Kolotushkin S. M.,
Alekseeva A. P.*
Accident scene examination in vast areas
- 51 *Bozhchenko . . .*
Priority probability in the system
of computational diagnostics
- 65 *Popov A. I.*
The genesis of scientific knowledge
about traces of using welding machines
when committing crimes
- 72 *Chulkov I. A., Nurushev A. A., Yurin V. M.,
Nalgiev R. K.*
Determining the distance of a close shot
when shooting from a 9.0 mm weapon
cartridges of 9 × 18 mm (PM)
- Судебная и «следственная» экспертизы
в системе научно-технического обеспечения
раскрытия и расследования преступлений
- Специфика оценки следователем (судом)
заключения многообъектной судебно-
почерковедческой экспертизы
- Пожарно-техническая экспертиза в системе
Федеральной противопожарной службы
МЧС России: экспертные специальности,
технические возможности,
подготовка экспертов
- Осмотр мест происшествия
на протяженных участках местности
- Априорная вероятность
в системе вычислительной диагностики
- Генезис научных знаний
о следах применения сварочных аппаратов
при совершении преступлений
- Определение дистанции близкого выстрела
при стрельбе из 9,0-мм оружия патронами
9 × 18 мм (ПМ)

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC EXAMINATIONS AND RESEARCH

О научном подходе к получению знаний
об измененном внешнем облике лица
при подготовке сотрудников правоохрани-
тельных органов

Идентификация личности
по функциональным признакам
при исследовании видеозаписей:
проблемы и пути решения

Исторический ракурс
теоретических и методических положений
криминалистики и судебной экспертизы

Исследование пересекающихся штрихов,
выполненных штемпельными красками

OCCUPATIONAL TRAINING OF FORENSIC EXPERTS

- 86** *Solodova T. A.*
On scientific approach to knowledge acquisition
about the changed portrait
of the person during training

SCIENTIFIC DISCUSSION AND EXPERIENCE EXCHANGE

- 95** *Kurin . . ., Ryzhkov I. V.*
Identification of an unidentified person
by functional characteristics in the study
of video recordings: problems and solutions

- 105** *Kotelnikova D. V., Konovalov G. G.*
A historical view of theoretical
and methodological provisions
of forensics and forensic examination

- 115** *Danilovich V. B.*
Study of crossing strokes,
made with stamp ink

130 CONTACT INFORMATION

ББК 67.53
УДК 340.69

DOI 10.25724/VAMVD.JVWX

.....,
профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

.....,
профессор кафедры экономической экспертизы и финансового мониторинга МИРЭА – Российского технологического университета, доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор, почетный профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации;

.....,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), доктор юридических наук, профессор

« »

В статье в историческом аспекте анализируются особенности требований, предъявляемых к судебной экспертизе, включая принцип процессуальной независимости эксперта; обосновывается необходимость введения в уголовный процесс, наряду с судебной экспертизой, исследования специалиста, или «следственной» экспертизы, с признанием доказательственного значения ее результатов. Отмечается обоснованность решения Межведомственной комиссии по общественной безопасности Совета безопасности России о предоставлении права производства экспертиз, кроме МВД России, другим правоохранительным министерствам и ведомствам.

В выводах предлагается организовать и провести надведомственное межнаучное программно-целевое исследование проблем научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, включая деятельность судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений.

..... : судебная экспертиза, процессуальная независимость, исследование специалиста, правоохранительные министерства и ведомства, научно-техническое обеспечение, решение Межведомственной комиссии, научное исследование.

A. F. Volynsky,

Professor of the Department of Forensics of the Moscow University of the Russian Interior Ministry n. a. V. Y. Kikot, Doctor of Science (Law), Professor, Distinguished worker of science of the Russian Federation, Distinguished lawyer of the Russian Federation;

V. A. Prorvich,

Professor of the Department of Economic Expertise and Financial Monitoring of the Federal State Budget Educational Establishment of Higher Education "MIREA – Russian Technological University", Doctor of Science (Law), Doctor of Science (Engineering), Professor; Honorary Professor of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;

V. N. Khrystalev,

Professor of Department of Criminal Law, Criminal Process and Forensics of the Russian University of Transport (MIIT), Doctor of Science (Law), Professor

FORENSIC AND "INVESTIGATIVE" EXPERTISE IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT FOR THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

The historical aspect of the article examines the specifics of the requirements for forensic examination, including the principle of the procedural independence of the expert; the need to introduce the criminal process, along with forensic examination, specialist research or "investigative" examination, with recognition of the evidentiary significance of its results is substantiated; it is noted that the decision of the Inter-agency Commission on Public Security of the Security Council of the Russian Federation to grant the right to produce examinations, except for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, other law enforcement ministries and agencies.

The findings propose that a cross-agency inter-scientific programme-targeted study of the problems of scientific and technical enforcement of the detection and investigation of crimes, including the activities of sES and EKP, be organized and conducted.

Key words: forensics, procedural independence, specialist research, law enforcement ministries and agencies, scientific and technical support, decision of the Inter-agency Commission, scientific research.

* * *

Выступая на Коллегии МВД России 27 февраля 2019 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин критически оценил раскрываемость преступлений в стране: каждое второе из числа зарегистрированных преступлений остается нераскрытым. В общей системе причин такого положения дел по своим потенциальным возможностям и значимости выделяются, безусловно, требующие

своего решения проблемы научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов. В настоящее время, как и много раз в прошлом, активно обсуждаются перспективы развития судебно-экспертной деятельности, и вновь, как и в прошлом, высказываются крайне радикальные предложения, фактически направленные на ограничение возможностей правоохранительных органов в использовании современных достижений науки и техники при раскрытии и расследовании преступлений.

Тем не менее 11 февраля 2019 г. в Государственную Думу Российской Федерации Президент Российской Федерации представил законопроект № 663034-7 о внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и в Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации», где по существу предложено разрешить производство судебных экспертиз криминалистической службе Следственного комитета Российской Федерации. Однако при этом по-прежнему осталась дискуссионной проблема о процессуальной независимости экспертов правоохранительных органов, в связи с которой в прошлом были уже допущены ошибочные организационные и правовые решения. Как их избежать в будущем? Об этом данная статья.

. Судебная экспертиза зарождалась и развивалась в отечественном судопроизводстве как один из важнейших его элементов со всеми присущими ему условностями и требованиями, включая независимость суда, а следовательно, и судебной экспертизы. Впервые слова «экспертиза», «эксперт» (*les expert*) упоминаются в отечественной литературе А. Куницыным по уголовному процессу в 1843 г. [1, с. 69].

Судебная реформа 1864 г. положила начало формированию в Российской империи судебно-следственного, вместо сословно-розыскного, уголовного судопроизводства, обусловила соответствующие требования и к судебной экспертизе, и к судебным экспертам (сведущим лицам). Однако утверждение таких требований и соответствующих принципов в реалиях следственной и судебной практики нашей страны по исторически предопределенным причинам приобрело долгосрочный и противоречивый характер с бесплодными дискуссиями, а порой с ошибочными или даже вредными решениями.

Особенно наглядно и крайне негативно это проявлялось в советское время. До начала 60-х гг. прошлого века в СССР фактически действовал розыскной процесс, который в условиях культа личности приобретал форму идеологизированного государственного террора, механизм осуществления которого особенно не нуждался в возможностях науки и техники, в том числе в судебной экспертизе.

Позитивные изменения, казалось бы, наметились в период борьбы с культом личности и преодоления его последствий (конец 50-х – 60-е гг. прошлого века). Однако при этом под влиянием тех же идеологизированных догм был совершен ряд организационно-управленческих и правовых ошибок, в частности касающихся деятельности правоохранительных органов и их экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП), в то время научно-технических отделов – НТО органов милиции, и судебно-экспертных учреждений (СЭУ), действовавших

в системе юстиции (Юридической комиссии при Совете министров СССР, позже преобразованной в Министерство юстиции СССР).

Принятый в 1961 г. новый Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР вновь утвердил судебно-следственный уголовный процесс, определил, соответственно, задачи и функции органов дознания, оперативных аппаратов и следственных органов, которые были организационно обособлены.

Впервые в уголовном процессе нашей страны была введена, наряду с судебным экспертом, и такая процессуальная фигура, как специалист, основная задача которого – оказание технической и консультативной помощи следователю в собирании, исследовании и использовании доказательств.

Однако в условиях борьбы с культом личности, в основе своей также идеологизированной, принимаются и реализуются, как показало время, откровенно ошибочные, если не сказать вредные, организационные и правовые решения. В частности, в это же время (1961 г.) ликвидировано МВД СССР, в НТО которого проводилось более 80 % криминалистических экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам. Созданные взамен республиканские министерства охраны общественного порядка (МООП) практически не взаимодействовали между собой и с системой юстиции по вопросу научно-технического обеспечения их деятельности. Представители КГБ СССР и его соответствующих подразделений в тех условиях, что объяснимо, по этой проблеме предпочитали не выступать, во всяком случае, публично.

В этой ситуации по инициативе Генеральной прокуратуры СССР и Юридической комиссии при Совете министров СССР в 1966 г. было принято дополнение к ст. 67 УПК РСФСР – «п. 3 а», которым запрещалось поручать производство экспертиз сотрудникам экспертных учреждений органов внутренних дел (ОВД), ранее участвовавшим по тому же делу в осмотре места происшествия в качестве специалистов. К каким негативным последствиям это привело, хорошо известно. Так проявился наглядный, классический пример спекулятивного использования исторических фактов, в данном случае связанных с культом личности, в целях достижения узковедомственных, а в чем-то и конъюнктурных интересов, причем вопреки интересам деятельности по борьбе с преступностью. Следует заметить, что аргументы, основанные на таких фактах, до сих пор спекулятивно используются, в основном, представителями адвокатского сообщества в дискуссиях о перспективах развития СЭУ и ЭКП, а также о месте оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе.

А вспоминать необходимо, поскольку уроки из нее пока не извлечены. В данном случае имеется в виду не только судебная экспертиза и тем более не процессуальная независимость судебных экспертов, а проблема межведомственных отношений, сдерживающих разработку и реализацию в интересах государства и общества рациональных, прагматичных организационных и правовых решений. Тем более что не без связи с этим обстоятельством, мягко говоря, спорные правовые решения появляются до сих пор, о чем свидетельствуют следующие факты:

а) законодатель признает (Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ) доказательством по существу субъективное «заключение и показания специалиста» (ст. 74 ч. 2 п. 3.1 УПК РФ), даваемые им без исследования (?). При этом не придается значение тому, что процессуальная фигура «специалист», как отмечалось выше, действовала еще по УПК РСФСР (1961 г.), а затем и УПК РФ (2001 г.), причем ориентирована она на решение совершенно иных задач. Но вот парадокс: результаты его действий, в том числе в форме исследований следов преступлений, проводимых в лабораторных условиях по заданиям органов дознания и оперативных аппаратов, с использованием апробированных экспертных методик и сложного аналитического оборудования, а потому по достоверности не уступающие выводам эксперта, доказательствами не признаются. А ведь в конечном итоге это усугубляет проблему сроков расследования и обуславливает сверхзатратность нашего уголовного судопроизводства;

б) Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ допускается производство судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, когда, строго говоря, нет не только оснований для такого процессуального решения, но и законных условий для его выполнения. Например, на судебную экспертизу должны представляться материалы, полученные только процессуальным путем, т. е. в порядке производства следственных действий. При этом отсутствует подозреваемый, которого следует ознакомить с постановлением о назначении экспертизы, в частности с вопросами, выносимыми на разрешение экспертизы (ст. 195 ч. 3 УПК РФ), и т. п.

. Произошедшие в нашей стране коренные социально-экономические преобразования обусловили принципиальные количественные и качественные изменения преступности и решаемых в борьбе с ней задач, что в свою очередь вызвало необходимость совершенствования организации деятельности ЭКП правоохранительных органов и СЭУ, причем не только системы Минюста России, но и частных экспертных учреждений. Экспертиза при этом более выражено стала выступать как средство доказывания, причем, заметим, не только в уголовном, но и в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве. Обыденным явлением стало назначение судебных экспертиз при расследовании обстоятельств международных военных и иных конфликтов, межгосударственных экономических споров. В связи с этим основные требования, предъявляемые к организации судебно-экспертной деятельности (СЭД), отражены в документах ООН, закреплены в соответствующем стандарте стран Евросоюза, в их числе – процессуальная независимость судебных экспертов, исключая их службу в системе правоохранительных органов [2]. Вследствие этого Экспертно-криминалистический центр МВД России в 2010 г. был вынужден выйти из системы СЭУ европейских стран.

Попытка имплементировать международные требования к организации СЭД в отечественное законодательство была предпринята в 2013 г., но, как известно, неудачная – принятый в первом чтении Государственной Думой России федеральный закон о СЭД по причине межведомственной несогласованности и по

сей день остается проектом. Кстати, в нем изложены положения, касающиеся организации деятельности не только государственных, но и частных СЭУ, определен порядок их аккредитации, аттестации судебных экспертов по определенной специальности, валидации методик исследования доказательств. Не был забыт и принцип процессуальной независимости судебного эксперта, хотя здесь и сказались ведомственные разногласия в изложении соответствующих положений. В результате пятилетняя дискуссия по содержанию данного законопроекта попросту оказалась бесплодной.

. Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, Генеральная прокуратура России в апреле 2017 г. внесла предложение в Совет безопасности Российской Федерации рассмотреть вопрос о состоянии СЭД в нашей стране и определить меры по доработке проекта упомянутого федерального закона. При этом в перечне проблем, требующих законодательного решения, особое внимание уделялось принципу процессуальной независимости судебного эксперта, прежде всего, в системе МВД России.

Еще при подготовке к рассмотрению предложений Генеральной прокуратуры России на заседании Межведомственной комиссии по общественной безопасности Совета безопасности Российской Федерации проявились полярные точки зрения, с одной стороны, «правоохранителей» (МВД России, Следственный комитет России и др.), а с другой – «правоприменителей» (Генеральная прокуратура Российской Федерации, Минюст России, Верховный Суд России и др.). Примечательной особенностью в их позициях было только одно – их представители вполне обоснованно и довольно убедительно, ссылаясь на реалии судебной и следственной практики ведомств, на специфику решаемых ими задач, доказывали «свое».

«Правоохранители» утверждали (не без оснований), что их деятельность, связанная с раскрытием и расследованием преступлений, объективно предполагает использование специальных знаний во всех определенных законом формах, а также соответствующей техники и технологий, реализуемых при сборании, исследовании и использовании разыскной и доказательственной информации. К тому же нужно иметь в виду исследования по материалам оперативно-разыскной деятельности, проводимые в форме проверочных действий, а также в порядке обеспечения функционирования автоматизированных информационно-поисковых систем криминалистического назначения и т. д.

Уместно напомнить и то, что при этом в ЭКП ОВД формально дублируется существенный объем работы, поскольку одни и те же объекты приходится исследовать дважды: сначала в порядке исследования специалиста, проводимого по инициативе оперативных аппаратов, затем в форме судебной экспертизы. Разрешение производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела не внесло существенных изменений в такую практику. По-прежнему государством расходуются значительные средства и время сотрудников ЭКП без соответствующего влияния на конечный результат, отмечаемый в приговоре суда.

«Правоприменители», в свою очередь, не менее убедительно обосновывали необходимость упорядочения организации СЭД в нашей стране, справедливо обращая внимание в целом на возрастающее значение судебной экспертизы в условиях рыночных социально-экономических отношений и глобализации международных отношений и в частности на необходимость упорядочения деятельности частных судебных экспертов и СЭУ. При этом особое внимание обращалось на «уважение» принципа процессуальной независимости судебного эксперта в его международном толковании, который в настоящее время приобрел характер не только организационно-правовой, но и политико-правовой категории. Несоблюдение этого принципа позволяет международным и зарубежным судам при разбирательстве исков против России не признавать заключения экспертов ЭКП системы МВД России в качестве доказательств.

Однако ни одна из указанных сторон не проявила даже попытки проникнуться пониманием позиции своих «оппонентов» и предложить компромиссные решения обозначенных Генеральной прокуратурой РФ проблем. В определенной мере это объясняется тем, что предметом обсуждения была обозначена СЭД как самоцель, а не в целом научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства, включающее и судебную экспертизу, и технико-криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования преступлений, в равной мере призванных содействовать борьбе с преступностью.

Судебная экспертиза возникла в уголовном процессе, прежде всего, как средство доказывания. Реализация ее возможностей доминирует на последующем этапе расследования, когда появляются те источники доказательств – следы преступлений, которые становятся объектами экспертных исследований, производимых в целях установления обстоятельств преступлений и причастных к их совершению лиц. Но прежде такие объекты необходимо установить, разыскать, определить их причинно-следственную связь с событиями преступлений. Эти и им подобные задачи решаются в порядке поисково-познавательной, в том числе оперативно-разыскной деятельности, осуществляемой органами дознания в основном на первоначальном этапе расследования преступлений, начиная с осмотра места происшествия.

Важнейшими особенностями такой деятельности являются безотлагательность, оперативность выполнения характерных для нее действий, а также реализация получаемых при этом результатов буквально в режиме текущего времени. Именно так осуществляется производство неотложных следственных действий, преступления раскрываются по «горячим» следам и во многом обеспечивается успех их расследования [3, с. 14–19, 65–73].

Очевидно, что судебная экспертиза с присущей ей заформализованностью порядка назначения и производства, с характерными для нее требованиями и принципами, включая процессуальную независимость эксперта, в данную систему действий никак не вписывается. Именно на это обращал внимание известный российский процессуалист И. Я. Фойницкий, который еще в 1898 г. писал, что «успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить

его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия» [4, с. 404].

Этот подход касается, прежде всего, деятельности сотрудников ЭКП ОВД в качестве специалистов, проводящих в полевых условиях так называемые предварительные исследования или осуществляющих вместе со следователем анализ обстановки и следовой картины при осмотре места происшествия. Тем более что в настоящее время все убедительней проявляется необходимость организации системного технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, а не только ситуативное оказание помощи следователю при производстве отдельных следственных действий.

Осуществляя поисково-познавательную и оперативно-разыскную деятельность, органы дознания также используют специальные знания, предполагающие реализацию научно-технических методов и средств, в том числе исследовательских, а по сути судебно-экспертных, но в иных организовано-тактических условиях и правовых формах. При этом проблема процессуальной независимости экспертов ЭКП ОВД, как нам представляется, во многом мифологизирована, как и наделение их правом производства исключительно судебных экспертиз, а не каких-то иных, под стать задачам данной стадии расследования, например «следственных», или «исследований специалистов», назначение и производство которых не должно ограничиваться формальными требованиями, а их результаты при определенных условиях следовало бы признавать доказательствами (по опыту некоторых зарубежных стран).

В нашей стране исторически сформировался некий абсолют судебной экспертизы, «приспосабливаемой» под все стадии уголовного процесса вне зависимости от их задач и организационно-тактических особенностей их решения. Сторонники такого положения утверждают: в конечном итоге все доказательства судебные. Верно, но никто не называет судебными, например, обыск, выемку, осмотр места происшествия и иные следственные действия, разумеется, если они проводятся не самим судом. И тем более не связывают это с процессуальной независимостью следователя.

Судя по всему, не придается должное значение и тому очевидному факту, что собирание и исследование следов преступлений в порядке поисково-познавательной деятельности органа дознания осуществляется специалистами ЭКП ОВД тогда, когда зачастую есть только заявление (сообщение) о преступлении, но еще нет подозреваемых и практически не проявляется активное противодействие расследованию со стороны заинтересованных в исходе дела лиц, а соответственно, и их предполагаемое воздействие на процессуальную независимость следователей и тем более специалистов. В связи с этим, не принижая существенного значения судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве в качестве средства доказывания, заметим, что ее эффективность находится в непосредственной и прямой зависимости от результатов деятельности специалистов, оказывающих помощь следователям не только в собирании доказательств, но и их непроцессуальном исследовании в рамках оперативно-

разыскной деятельности: предварительном исследовании в полевых условиях и научно-техническом исследовании в лабораторных условиях.

Таким образом, организация и правовое обеспечение деятельности специалистов – ключевая проблема всей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, начиная с раскрытия и расследования преступлений. Судебная экспертиза – всего лишь часть этой системы, причем в определенном смысле вторичная, хотя и итоговая, чем и обусловлено мнение о ее особом значении, но только как средстве доказывания.

. Это в теории, а на практике? Техника собирания (обнаружения, фиксации, изъятия) и экспресс-анализа следов преступлений и иных источников разыскной и доказательственной информации совершенствуется под влиянием ускоряющегося развития научно-технического прогресса и негативно изменяющейся в этой же связи преступности, а соответственно, обостряющихся потребностей следственной практики борьбы с ней. Еще совсем недавно вся техника специалиста-криминалиста (фотоаппарат, дактилоскопический порошок, кисточка, лупа, рулетка и т. п.) помещались в обычном портфеле школьника. Для ее применения достаточно было элементарных навыков. При этом задачи специалиста-криминалиста, как правило, ограничивались оказанием технической помощи следователю в обнаружении и изъятии материальных следов преступлений. О его роли как помощника следователя в осуществлении системного анализа «картины» таких следов, что крайне важно для установления механизма преступления и способа его совершения, упоминалось лишь в некоторых публикациях.

В настоящее время в распоряжении специалистов-криминалистов имеются высокотехнологичные, сложнейшие конструктивно, многофункциональные по назначению приборные комплексы поиска и экспресс-анализа следов преступлений: металлодетекторы и магнитомеры для обнаружения оружия и боеприпасов, детекторы паров взрывчатых веществ, газоанализаторы для поиска трупов, цианоакрилатовые камеры для обнаружения следов пальцев рук, приборы обнаружения тайников в различных средах, портативные usb-микроскопы, используемые в полевых условиях как средство обнаружения следов преступления в виде микрообъектов и как средство их предварительного исследования. В этом же ряду современные средства аудиовидеозаписи, компьютерные средства накопления и передачи информации и др. [5].

Содержание таких средств в состоянии постоянной готовности, а тем более профессионально грамотное их применение, зачастую в сложных полевых условиях, немислимы без основательной целевой специализации соответствующих сотрудников ЭКП правоохранительных органов и следователей-криминалистов Следственного комитета РФ. Та же проблема, но еще более масштабно и значимо проявляется в связи с установками на формирование системы электронного судопроизводства, использование современных информационных и цифровых технологий.

При этом очевидно, что эксперты ЭКП ОВД, как правило, не готовы к такой деятельности и не имеют четко выраженной мотивации изменять свое отношение к ней. Они традиционно сориентированы в основном на производство экспертиз. Участие в осмотрах мест происшествий ими зачастую воспринимается как дополнительная и не очень желанная нагрузка. К тому же их узкая специализация по видам экспертиз на уровне региональных центров ставит под сомнение их профессиональные способности результативно действовать на месте происшествия, собирая различные по природе и механизму образования следы преступлений.

Иначе говоря, в ЭКП ОВД сохраняется внутренне противоречивая система организации деятельности, в основе своей сложившаяся почти сто лет назад еще в НТО милиции, в которой были совмещены функции экспертов и специалистов. При этом они фактически сами себе создают собственно экспертно-исследовательскую нагрузку, что не может положительно сказываться на результатах их деятельности в качестве специалистов, особенно в территориальных ОВД, где они трудятся в составе малочисленных групп, а иногда и по одному. Этим в определенной мере объясняется довольно низкая результативность деятельности экспертов ЭКП ОВД в качестве специалистов. В среднем с одного места происшествия, осматриваемого с их участием, изымается, по данным Экспертно-криминалистического центра МВД России, один, редко два вида следов, причем впоследствии нередко выясняется, что четверть из них не имеют причинно-следственной связи с событием преступления или непригодны для идентификационных исследований.

Более того, отмечаются факты, когда эксперты ЭКП ОВД, выступая в качестве специалистов, преднамеренно сами оставляют «следы», а затем изымают их для отчета о положительных результатах своей деятельности. Два из трех анонимно опрошенных нами экспертов ЭКП ОВД отметили, что делали это неоднократно во избежание дисциплинарного наказания за низкие показатели участия в качестве специалистов в осмотрах мест происшествий. При этом, судя по всему, ими не придается значение тому, что таким образом в процесс расследования вносится лжеинформация, проверка которой сопряжена со значительными и бесполезными затратами труда и времени органов дознания, следователей и экспертов.

Все это, надо полагать, известно руководству экспертно-криминалистической службы МВД России, которое, по мнению наших респондентов, пытается решить данную проблему, реализуя меры дисциплинарного воздействия путем совершенствования не организации деятельности экспертов и специалистов-криминалистов, а методик составления отчетов об их деятельности (распоряжение МВД России от 9 апреля 2015 г. № 1/2694). Несмотря на очевидную попытку наукообразить такую методику, дифференцировать показатели, ввести коэффициенты расчета различных данных по видам преступлений, в ее основе по-прежнему остаются формальные количественные показатели о проведенных экспертизах и исследованиях, об участии в следственных действиях, о проверках по криминалистическим учетам и т. п.

Такие отчеты позволяют проследить повременную динамику роста (снижения) определенных количественных показателей, но они мало что дают для серьезного содержательного анализа результатов деятельности ЭКП, их влияния на раскрытие и расследование преступлений в соответствующем регионе, и разработки организационно-управленческих решений по ее совершенствованию. Это подобно тому, как если бы следователи отчитывались количеством произведенных ими обысков, допросов, осмотров и других следственных действий, тем более если учесть наличие в отчетах ЭКП потенциально «регулируемых» данных, например путем искусственного дробления экспертных исследований, организации их назначения и учета по количеству исследуемых объектов, а не решаемых задач. Решение этих и им подобных проблем нам видится в организационном разграничении функций экспертов и специалистов. У них общая конечная цель: способствовать раскрытию и расследованию преступлений, но совершенно разные задачи, различное правовое, организационное и научно-методическое обеспечение их решения [6, с.18–20].

На упомянутом заседании Межведомственной комиссии общественной безопасности Совета безопасности Российской Федерации, состоявшемся 30 марта 2018 г., был принят ряд решений по вопросам организации и технического обеспечения судебно-экспертной деятельности. Однако реформаторских решений, коренным образом изменяющих всю систему СЭУ и ЭКП, например по образцу Белоруссии, Казахстана или других зарубежных стран, принято не было. По нашему мнению, это результат вполне оправданного, основанного на анализе опыта ошибок прошлого, отношения к данной проблеме. Все реформы, как известно, осуществляются в два этапа: разрушительный и созидательный. Однако нельзя рискованно разрушать то, что исторически сформировано и более или менее успешно функционирует, не определившись, какая система будет создаваться взамен и насколько успешно она будет выполнять свое предназначение. В этом же контексте принято вполне ожидаемое рациональное решение в отношении процессуальной независимости экспертов ЭКП системы МВД России: «оставить все как есть» и, более того, разрешить производство экспертиз другим правоохранительным министерствам и ведомствам. По нашему мнению, в этом проявилась понимание:

а) возрастающей угрозы «рыночной» преступности, ее интеллектуализации и технизации под стать современным достижениям науки и техники;

б) особенностей задач, возложенных на правоохранительные министерства и ведомства страны, и необходимости предоставления в их непосредственное распоряжение соответствующих сил, методов и средств;

в) риска ошибочного решения рассматриваемых проблем на основе личностных предубеждений, групповых, иногда конъюнктурных мнений или узковедомственных интересов.

Можно, конечно, это решение представить как консервативное, сохраняющее межведомственную несогласованность по проблемам СЭД, обусловившее появление в прошлом и не исключающее в будущем небесспорные правовые решения и огромное множество бесплодных дискуссионных публикаций. А кто-то,

например, из представителей адвокатского сообщества могут усмотреть в этом попытку правоохранителей таким образом расширить свои возможности в получении доказательств. При этом, как обычно, вспомнят 1937-й г., приведут пример нарушения законности, связанного с производством экспертиз в ЭКП ОВД.

Однако в данном случае речь идет не о трагических событиях прошлого нашей страны (другое время и страна во многом другая) и не о примерах, а о системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства на стадии раскрытия и предварительного расследования преступлений. Таким образом, по нашему мнению, предопределена реальная перспектива дальнейшего совершенствования деятельности научно-технической службы правоохранительных органов нашей страны, способной, с учетом специфики сфер деятельности соответствующих министерств и ведомств, решать весь блок задач технико-криминалистического обеспечения собирания и исследования источников разыскной и доказательственной информации и использования их в раскрытии и расследовании преступлений.

Что же касается процессуальной независимости экспертов системы МВД России, а теперь, возможно, и иных правоохранительных министерств и ведомств, напомним, что это требование изначально в Российской империи, как и в других странах, предъявлялось к частным или присяжным экспертам (сведущим лицам). Применительно к деятельности специалистов (экспертов) органов полиции оно упоминалось лишь в некоторых научных публикациях в основном с позиции критики его абсолютизации и распространения на поисково-познавательную деятельность, характерную для осуществляемого ими дознания.

В связи с этим нам представляется некорректным, если не сказать абсурдным, заимствованное из зарубежной литературы противопоставление «эксперта обвинения» и «эксперта защиты». Тем самым подразумевается их ангажируемость, заинтересованность в исходе дела, предопределяющая содержание даваемых ими выводов. Но действительно ли ведомственная принадлежность эксперта предрешает его необъективность? 100-летний опыт деятельности экспертно-криминалистической службы Министерства внутренних дел страны свидетельствует об обратном. Еще в XIX в. в России были сформулированы основные требования, предъявляемые к судебным экспертам (компетентность и незаинтересованность в исходе дела), позволяющие им формулировать свои выводы – ответы на вопросы, поставленные перед ними следователем или судом, исключительно на основе своих специальных знаний и с учетом результатов проведенных ими исследований.

В нашей стране, как и на всем постсоветском пространстве, в период становления рыночных социально-экономических отношений широкое распространение получило такое позорное явление, как экспертная коррупция. Этим особенно отличились представители частных судебно-экспертных учреждений, независимость которых зачастую находилась в зависимости от суммы гонорара за даваемое ими заключение [7, с. 29]. Практически все нечистые на руку экс-

перты хорошо известны, но это не мешало им по-прежнему заниматься судебно-экспертной деятельностью, и даже быть своеобразной рекламой, гарантирующей востребованность со стороны заинтересованных в исходе дела лиц, в том числе представителей адвокатского сообщества [8, с. 353–358].

Оставляют желать лучшего организация и правовое регулирование деятельности частных СЭУ в целом. Здесь очевидны серьезные, требующие своего решения проблемы, связанные с их техническим, методическим обеспечением, подготовкой и переподготовкой экспертов, их аттестацией и в конечном счете с достоверностью получаемых с их участием доказательств.

Следует заметить, что в отношении коррупции не безгрешны и отдельные эксперты государственных СЭУ, но действующая в них система административного и научного контроля, а в ЭКП ОВД еще и действия службы собственной безопасности, существенно ограничивают возможности коррупционных соглашений экспертов с лицами, заинтересованными в исходе расследования. В этом отношении обращает на себя внимание положительный опыт многих зарубежных стран, в которых одним из основных критериев профессионализма любого судебного эксперта является его незапятнанная репутация, формируемая во времени на основе реестра самих экспертов и оценки результатов их деятельности в этой роли.

В итоге решением названной Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ констатируются факты существования серьезных проблем организации и правового регулирования СЭД, прежде всего обеспечения достоверности доказательств, получаемых с помощью судебных экспертов и специалистов. При этом решение о предоставлении права производства экспертиз не только МВД России, но и другим правоохранительным министерствам и ведомствам однозначно свидетельствует о том, что причины проявляющихся в этом отношении проблем следует искать вовсе не в ведомственной принадлежности судебных экспертов.

Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации“ и Федеральный закон „О Следственном комитете Российской Федерации“», а ранее 23 июля 2019 г. он одобрен Советом Федерации. Данным законом Следственный комитет РФ отнесен к числу федеральных госорганов, в которых могут создаваться государственные судебно-экспертные учреждения. Он наделен полномочиями по организации и производству судебных экспертиз, назначенных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, и по обеспечению законности при выполнении этого процессуального действия. Принятие этого закона можно считать шагом в правильном направлении.

? Да потому (нередко можно услышать ответ на этот вопрос), что науки уголовно-правового блока в условиях современного динамизма жизни общества и государства просто не успевают реагировать на происходящие в ней изменения. К тому же организационное и правовое

обеспечение раскрытия и расследования преступлений, использование в этих целях современных достижений науки и техники, в том числе в форме судебной экспертизы и исследований специалистов, по сути, многоаспектная, межнаучная проблема, которая исследуется недостаточно активно и разрозненно каждой из наук уголовно-правового блока, причем в узконаучном определении их предмета.

Весьма показательное положение сложилось в этом отношении в отечественной криминалистике. В начале своего зарождения она представлялась (по Г. Гроссу) как система «знаний о материальном уголовном праве», система методов, средств и рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений. Соответственно, в ее содержание включались отдельные положения криминологии, уголовного права (о способе преступления, личности преступника и др.), а оперативно-разыскная деятельность и криминалистическая экспертиза считались ее составными частями. Однако в советское время произошло окончательное обособление самой криминалистики от других наук уголовно-правового блока, а от нее, в свою очередь, отпочковались и оперативно-разыскная деятельность, и теория судебной экспертизы.

Следует заметить, что это имело положительное значение в развитии получившей самостоятельность теории судебной экспертизы, но крайне отрицательно сказалось на ее роли в научно-техническом обеспечении решения практических задач раскрытия и расследования преступлений [9, с. 175–185].

Приобретая самостоятельность, теория судебной экспертизы (экспертология) увлеклась проблемами своей методологии, определением своего предмета, природы, задач, системы и т. д. Заметим, что по-прежнему проводятся исследования в целях совершенствования методик экспертного исследования отдельных видов доказательств. Но практически не уделяется внимание тому, что предопределяет эффективность судебной экспертизы в уголовном процессе, – организации деятельности специалистов-криминалистов по собиранию следов преступлений, потенциальных объектов судебно-экспертных исследований. И что удивительно, эту позицию разделяют эксперты системы МВД России, на которых возложено выполнение данной функции. В основном они считают себя судебными экспертами.

С учетом современных представлений о понятии «организация раскрытия и расследования преступлений» как системы «целого», включающего в себя такие автономные, организационно обособленные «части» или виды деятельности, как процессуальная, оперативно-разыскная, судебно-экспертная, технико-криминалистическая и др., неизбежно следует вывод, что это комплексная межнаучная, а в учебном аспекте – междисциплинарная, проблема [10, с. 10].

Особенно наглядно это проявляется в выявлении и расследовании экономических преступлений, предполагающих реализацию возможностей наук не только уголовно-правового блока, но и гражданско-правовых, в том числе специальных отраслей права (земельного, финансового, градостроительного и др.).

Следовательно, общим предметом исследований криминалистики и смежных с ней наук следует рассматривать в целом организацию и методику той деятельности, которую они призваны обеспечивать. Это значит, что основные усилия следует сосредоточить на исследованиях сложных, межнаучных проблем раскрытия и расследования преступлений на стыке разнонаучных знаний – проблем чрезвычайно сложных, но потенциально значимых для поиска прорывных решений современных проблем научно-технического обеспечения борьбы с преступностью, в том числе организации деятельности СЭУ и ЭКП.

Однако следует признать, что при существующей системе организации научных исследований по криминалистике и судебной экспертизе в основном на базе кафедр юридических вузов результативные исследования обозначенных межнаучных проблем просто невозможны. Необходимо формулировать программно-целевые задания и специально под них создавать творческие коллективы, действующие при тех же учебных учреждениях. Такой способ широко распространен в зарубежных странах. Он довольно успешно был реализован и в нашей стране. Еще в 1961 г. в Высшей школе МВД СССР при кафедрах уголовного процесса и теории оперативно-разыскной деятельности были организованы и весьма результативно действовали подобные проблемные лаборатории.

о современном состоянии и возможных перспективах совершенствования правового регулирования организации научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, которые следуют из результатов изложенного.

1. Современные проблемы, в том числе процессуальной независимости судебного эксперта, в целом организации деятельности СЭУ Минюста России и ЭКП системы МВД России предопределены исторически под влиянием противоречивых явлений, происходивших в нашей стране и обществе. Это общий ответ на вопрос: «Кто виноват?» А на сакраментальный российский вопрос: «Что делать?» – верный ответ может дать лишь комплексное программно-целевое межведомственное и межнаучное исследование.

2. Исключительно важно, чтобы такому исследованию предшествовало межведомственное соглашение правоохранительных и правоприменительных министерств и ведомств по концептуально значимым вопросам:

1) о дифференциации форм использования в уголовном процессе специальных знаний (судебная экспертиза и исследование специалиста); признании, при определенных условиях, доказательственного значения результатов инструментальных исследований специалистов, в том числе проводимых в рамках оперативно-разыскной деятельности (это к вопросу о сроках расследования и сверхзатратности нашего уголовного процесса);

2) рациональном размещении по территории страны находящихся в ведении соответствующих министерств и ведомств СЭУ и ЭКП (с формированием в них соответствующих коллективов экспертов и специалистов), оснащенных дорого-

стоящей исследовательской техникой, имея в виду не только ее доступность органам следствия и дознания, но и максимально высокий коэффициент полезной эксплуатации.

Попытка решения таких вопросов на основе субъективных представлений, исходя из корпоративных и ведомственных интересов, неизбежно приведет к очередным ошибкам.

3. Реформирование системы СЭУ и ЭКП в Белоруссии и Казахстане следует рассматривать как масштабный организационно-правовой эксперимент, процесс и результаты которого необходимо обстоятельно изучить и оценить, как и опыт других зарубежных стран. Но механический перенос реализованных ими моделей на почву российских реалий невозможен. Россия имеет свои географические, демографические, экономические и тому подобные особенности, которые необходимо учитывать при решении данной проблемы, начиная с межведомственного соглашения по этому поводу и проведения предлагаемого научного исследования.

4. Целевого научного исследования и решения требует проблема (по опыту зарубежных стран) подключения к проведению экспертиз по уголовным делам научного потенциала вузов страны, где трудятся высококвалифицированные ученые (физики, химики, биологи, криминалисты, инженеры, экономисты, оценщики и др.), в распоряжении которых нередко имеется самая современная исследовательская техника. Особенно важно этот потенциал задействовать при расследовании редких, но чрезвычайно опасных и тяжких преступлений, связанных со взрывами, пожарами, техногенными и транспортными катастрофами, с массовой гибелью людей. Сюда же следует отнести и многие преступления, совершенные в сфере экономической деятельности.

5. Учитывая принципиальные различия в деятельности СЭУ и ЭКП, возложенных на них задач, условиях их решения, требованиях, предъявляемых к назначению судебных экспертиз (включая процессуальную независимость эксперта в ее международном понимании) и исследований специалистов, проводимых с применением инструментальных методов, наконец, организационно-тактических особенностях использования их результатов в деятельности органов следствия и дознания, возникает вопрос, а не следовало бы:

а) деятельность СЭУ и ЭКП регламентировать отдельными законодательными актами, тем более если последние будут действовать в нескольких правоохранительных министерствах и ведомствах;

б) как вариант, регламентировать организацию их деятельности в общем федеральном законе, но с изложением по разделам особенностей требований, предъявляемых к организации деятельности СЭУ и ЭКП.

Решение обозначенных проблем на основе узкослужебных и узковедомственных представлений или корпоративных интересов, как и личных предубеждений, обрекает всю систему научно-технического обеспечения судопроизводства, в том числе деятельности правоохранительных органов по раскрытию

и расследованию преступлений, на дальнейшие бессмысленные и бесплодные дискуссии, не исключает риска повторения ошибок прошлого.

1. Куницин А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб.: [б. и.], 1843.
2. Хазиев Ш. Н. Теоретические основы организации международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
3. Ахмедшин Р. Л. Тактика поисковых следственных действий: моногр. М.: Юрлитинформ, 2016.
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 2-е изд. Т. 2. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898.
5. Бастрыкин А. И. Как повысить качество расследования и сократить его сроки // Рос. газ. 2018. 19 окт.
6. Волынский А. Ф. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 18–20.
7. Россинская Е. Р. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика. М.: ЮРЛИТ, 2011.
8. Хрусталева В. Н. Заинтересованность экспертов в деле – основная проблема судебной экспертизы на постсоветском пространстве // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 353–358.
9. Волынский А. Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.
10. Волынский А. Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Рос. следователь. 2016. № 1. С. 10.

© Волынский А. Ф., Прорвич В. А., Хрусталева В. Н., 2019

References

1. Kunicin A. Historical image of ancient judicial proceedings in Russia. Saint-Petersburg; 1843.
2. Khaziyev S. N. The theoretical basis for organizing international cooperation in the field of forensic work. Dis. Dr. Law. Moscow; 2017.
3. Akhmedshin R. L. Tactics of search investigative actions. Monogr. Moscow: YurLitinform,; 2016.
4. Foinitsky I. Ya. Criminal Justice Course. Ed. 2nd. T. 2. Saint-Petersburg: M. M. Stasiolevich's printing house; 1898.
5. Bastrykin A. I. How to improve the quality of the investigation and shorten its terms. Russian newspaper. 2018; 2367 (104).

6. Volynsky A. F. Forensic and forensic activities: general and special. *Forensic expert*. 2013; 2: 18–20.
7. Rossinskaya E. R. Forensic examinations in civil proceedings: organization and practice. Moscow: JURLIT; 2011.
8. Khrustalev V. N. Interest of experts in the case – the main problem of forensics in the post-Soviet space. *Expert Practice Newsletter*: 2017; S1: 353–358.
9. Volynsky A. F. Subject of Forensics and "Scientific Separatism": consequences and opportunities to overcome them. *Works of the Academy of Management of the Russian Interior Ministry*. 2018; 45 (1): 175–185.
10. Volynsky A. F. Organization for The Investigation and Investigation of Crimes: Problems and Solutions. *Russian Investigator*. 2016; 1: 10.

© Volynsky A. F., Prorvich V. A., Khrustalev V. N., 2019

* * *

ББК 67.521.5
УДК 343.982.4

DOI 10.25724/VAMVD.JWXY

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета транспорта (МИИТ), профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, доктор юридических наук, профессор;

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета транспорта (МИИТ), доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук

()

Изучение специальной литературы и анализ практической деятельности по оценке результатов многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы позволили выявить ряд наиболее часто встречающихся недостатков и отсутст-

вие каких-либо рекомендаций по производству данной разновидности исследования.

Авторы предлагают рекомендации по совершенствованию рассматриваемого процесса, способствующие повышению эффективности совместной деятельности следственных органов (суда) с экспертными учреждениями в ходе многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы и позволяющие оптимизировать процесс оценки полученных результатов.

: многообъектная судебно-почерковедческая экспертиза, организационно-тактические основы многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы, объективность, всесторонность, полнота, научная обоснованность, оценка результатов экспертизы.

M. V. Bobovkin,

Professor of the Department of criminal law, criminal procedure and forensic science of the Russian University of Transport (MIIT),
Professor of the Department of document examination of forensic examination educational and scientific complex of Moscow University of the Ministry of Interior of Russia n. a. V. Ya. Kikot,
Professor of the Department of jurisprudence, intellectual property and forensic examination of the Moscow State Technical University n. a. N. E. Bauman,
Doctor of Science (Law), Professor;

O. A. Didenko,

Associate professor of the Department of criminal law, criminal procedure and forensic science of the Russian University of Transport (MIIT),
Associate Professor of the Department of document examination of forensic examination educational and scientific complex of Moscow University of the Ministry of Interior of Russia n. a. V. Ya. Kikot, Candidate of Science (Law)

SPECIFICS OF EVALUATION OF THE FINDINGS OF A MULTI-OBJECT FORENSIC HANDWRITING ANALYSIS BY THE INVESTIGATOR (COURT)

The study of specialized literature and the analysis of practical activities for the evaluation of multi-object forensic handwriting analysis results revealed a number of the most common shortcomings and the absence of any recommendations for the production of this type of study.

The authors offer relevant recommendations in order to improve this process, which will increase the efficiency of joint activities of investigative bodies (court) with expert institutions during a multi-object forensic handwriting analysis and allow to optimize the process of results evaluation.

Key words: multi-object forensic handwriting analysis, organizational and tactical foundations of a multi-object forensic handwriting analysis, objectivity, versatility, completeness, scientific validity, evaluation of analysis results.

* * *

В условиях всеобщей компьютеризации, развития информационных технологий, внедрения биометрических способов идентификации личности, применения цифровой подписи в различных сферах деятельности внушительная часть документов сегодня по-прежнему выполняется полностью или частично рукописно (рукописные тексты, краткие записи, подписи) и имеет большое юридическое значение. Область применения таких документов весьма обширна: начиная с подписания заявления о приеме на работу, оформления всевозможных договоров и сделок, бракосочетания, рождения ребенка, различного рода банковских документов (кредиты, ипотеки, открытие счетов и т. п.), включая медицинскую сферу деятельности (согласие на прививки, оказание услуг и т. д.), и заканчивая составлением и заполнением документации на государственном уровне: актов, законов, приказов, постановлений, распоряжений.

Очевидно, что стремление к снижению бюрократизации не привело к должному результату. На современном этапе развития нашего общества наблюдается устойчивый рост документооборота в экономической, образовательной, медицинской и других сферах деятельности, причем не является исключением и криминальная.

В условиях борьбы с различными правонарушениями (несоблюдение условий государственных контрактов, сделок в имущественных и прочих правоотношениях; наличие в действиях лиц, наделенных должностными властными полномочиями, коррупционной составляющей и др.) приобретает особое значение процесс судебно-почерковедческого исследования экспертами различных видов объектов (рукописного текста, краткой записи, подписи), которые могут выступать в большом количестве (до 1 500 рукописей и до 100 проверяемых лиц одновременно) неоспоримыми вещественными доказательствами по делу, свидетельствующими о наличии факта преступления. Их выявление возможно посредством полного и глубокого анализа многочисленных рукописных материалов в рамках производства многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы (МСПЭ), которая на сегодняшний день отличается еще большей актуальностью и востребованностью, также обусловленной прогрессирующим ростом документооборота во всех сферах жизни современного общества.

Несмотря на то что алгоритм указанной разновидности исследования достаточно проработан и вполне понятен, проблема оценки полученных выводов представляет большой научно-практический интерес и требует необходимых рекомендаций для уполномоченных органов. Важность оценки результатов МСПЭ в судопроизводстве не вызывает сомнений, так как именно здесь заключение эксперта выступает средством доказывания в системе других доказательств по делу.

В свою очередь, анализ результатов каждой МСПЭ тесно связан с процессом ее оценки. Согласно статье 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), ст. 26.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) оценка экспертного заключения на предмет относимости, допустимости и достоверности осуществляется полномоченными органами, а собранные в полном объеме доказательства в соответствии со ст. 74 УПК РФ, ст. 86 АПК РФ, ст. 86 ГПК РФ, ст. 26.4 КоАП РФ подлежат проверке на достаточность для разрешения дела.

Относимость, допустимость, достоверность и достаточность имеют решающее значение для процесса доказывания и постоянно находятся в центре активных научных дискуссий [1]. Оценке относимости подвергается преимущественно вывод заключения эксперта-почерковеда, содержащий информацию об интересующем следствие (суд) факте [2].

О законности и правомерности использования доказательства для установления истины свидетельствует его допустимость, определяющаяся законностью получения доказательства, допустимостью источника доказательства, а также выполнением требований уголовно-процессуального законодательства при его получении и формировании. Только при условии соблюдения предусмотренного законом порядка получения доказательства: процессуальных норм при сборе, изъятии, упаковке и хранении необходимых документов до направления на их экспертизу; установленных требований к содержанию и форме заключения; прав заинтересованных лиц – экспертное заключение признается допустимым доказательством [3, с. 98].

Существенные нарушения процессуального характера в ходе производства МСПЭ влекут сомнения в правильности выводов эксперта-почерковеда, которые согласно ч. 3 ст. 14 УПК РФ будут справедливо истолкованы в пользу обвиняемого.

Еще одним важным критерием оценки следователем (судом) заключения эксперта является достоверность доказательств, заключающаяся в оценке устанавливаемых сведений как имеющих место в действительности, т. е. соответствующих объективной истине. Главный признак достоверности экспертного заключения – его научная обоснованность, которая изучается на основе объективности, всесторонности и полноты – общих принципов производства судебной экспертизы – с учетом специфики исследования множества почерковых объектов [4].

В процессе проверки научной обоснованности заключения МСПЭ особо значимо наличие у проводившего ее лица образования, соответствующего направлению исследования, а именно свидетельства государственного образца на право производства судебно-почерковедческой экспертизы, подтверждающего квалификацию и высокий уровень специальных знаний. Важными факторами также являются экспертный стаж и опыт работы; индивидуальные свойства личности (способность к восприятию, распознаванию и анализу зрительных об-

разов, внимательность); наличие ученой степени или научных работ в изучаемой области и, наконец, выполнение экспертом-почерковедом всех действий при производстве МСПЭ в пределах своей компетенции в рамках правового поля.

В соответствии с принципом объективности необходимо осуществлять исследование и формулировать выводы на общепринятой научно-методической основе, которая соответствует современному уровню развития судебного почерковедения, т. е. представляемой экспертом-почерковедом области знаний. Следует также учитывать степень разработанности конкретного направления в судебном почерковедении и наличие в арсенале эксперта эффективных апробированных методик и методов решения поставленных задач.

Установление соответствия заключения эксперта-почерковеда принципу объективности затрагивает проблему стандартизации экспертных методик судебных экспертиз и приводит к необходимости создания соответствующих реестров.

Кроме того, если рассуждать о принципе объективности судебно-экспертных исследований, нельзя оставить без внимания вопросы сертификации и повышения квалификации экспертов. Достижение рационального решения видится в принятии закона о судебно-экспертном сообществе, предусматривающем и межведомственные структуры с соответствующими полномочиями [5].

С принципом объективности тесно связаны всесторонность и полнота как специальные принципы судебно-экспертной деятельности.

В связи с всесторонним характером МСПЭ нужно учитывать весь спектр потенциальных альтернативных решений экспертной задачи, а также все общие и частные экспертные версии, контрверсии, которые вытекают из поставленных вопросов и подвергаются проверке в ходе исследования. Следовательно, раздельно анализируются все непосредственные объекты экспертизы и сравнительные материалы, выявляются и сравниваются признаки различной природы, например диагностические, оцениваются результаты сравнения и формируются обоснованные выводы [6].

Для достижения соответствия конкретной МСПЭ принципу всесторонности, на наш взгляд, необходимо в обязательном порядке изучать таблицы-разработки признаков почерка (их должны запрашивать следователь или суд), что позволит дать качественную оценку выполнению исследования в целом и последовательно-параллельному сравнению в частности. Если какой-то из почерковых объектов не содержится в таблице-разработке, значит, он вообще не подвергался анализу, а исследование проведено не в полном объеме. Именно поэтому рациональным решением представляется придание отражающим ход и результаты исследования материалам статуса обязательной структурной части заключения МСПЭ. В противном случае нужно констатировать, что вывод эксперта построен только на экспертной версии, соответственно, является необоснованным, и полноценное глубокое исследование не проводилось.

Оценка полноты исследования осуществляется на базе:

– анализа всей совокупности непосредственных объектов МСПЭ и сравнительных материалов;

- применения всех имеющихся в распоряжении эксперта методических и технических средств, позволяющих решить конкретную экспертную задачу;
- ответов (их количество должно четко соответствовать всем перечисленным в постановлении (определении) о назначении экспертизы вопросам) [6].

Одним из важнейших компонентов судебной оценки заключения эксперта-почерковеда как доказательства с позиции достоверности является проверка его научной обоснованности. Доказательством по конкретному делу может служить только научно обоснованное экспертное заключение. В случае возникновения сомнений в логике построения исследования, обоснованности и правильности вывода, противоречия другим материалам дела следователь (суд) по собственной инициативе или по ходатайству любой из сторон может назначить повторную экспертизу у другого эксперта (ст. 207 УПК РФ, ст. 87 ГПК РФ, ст. 87 АПК РФ) в целях установления, являются ли проведенные МСПЭ полными и достаточно ли обоснованы их выводы. Следователем при анализе выполненных экспертиз с позиции известной ему или суду методики, соответствия ведомственным правилам и инструкциям также могут быть выявлены нарушения каких-либо требований, предъявляемых к доказательству.

Кроме того, при обращении к вопросу оценки необходимо остановиться на применении метода группирования в МСПЭ. В частности, из имеющих место двух разновидностей группирования – логических и технических – следует обратить внимание на использование технических группировок. Они являются неотъемлемой частью заключения эксперта и представляют собой разнообразные таблицы, которые могут содержаться как во вводной, исследовательской частях, так и в выводах, а соответственно, должны подвергаться оценке следователя (суда).

Отметим, что, с одной стороны, описание с использованием табличной формы позволяет сделать заключение более кратким и лаконичными, с другой – может несколько усложнить, на первый взгляд, оценку следователем, судом. В связи с этим, по нашему убеждению, нужно прибегать к консультационной помощи специалиста-почерковеда, который без труда изложит полученные результаты, отраженные и скомпонованные, в представленных таблицах. С учетом того что материалы определенным образом упорядочиваются, а основания группировок выбираются экспертом самостоятельно исходя из особенностей конкретной экспертной ситуации, подобные разъяснения существенно упростят оценку и позволят уяснить моменты, положенные в основу выводов эксперта. Это положительно отразится и на оценке полноты исследования, так как посредством применения всевозможных таблиц отражение хода исследования представит данный процесс более наглядным и «прозрачным», где можно ознакомиться с промежуточными результатами, проследить, весь ли массив почерковых материалов подвергался анализу (непосредственных объектов МСПЭ и сравнительных материалов), в отношении всех ли спорных документов были решены вопросы и т. д., что будет способствовать более качественному и профессиональному подходу к вопросу оценки уполномоченными органами.

Таблицы, содержащиеся в заключении эксперта, должны оцениваться сквозь призму общих результатов, полученных по итогам МСПЭ.

Форма вывода эксперта имеет определяющее значение для оценки результатов МСПЭ следователем (судом). Различают категорическую (положительную, отрицательную), вероятную (положительную, отрицательную) формы вывода и «НПВ» (когда решить вопрос не представилось возможным).

Первая форма вывода – категорическая – означает, что в результате проведенного исследования установлены устойчивые, существенные признаки, в своей совокупности достаточные, по мнению эксперта, для достоверного решения поставленного перед ним вопроса.

Вероятной формой вывода эксперт ограничивается в случае, если совокупность выявленных признаков почерка не обеспечивает безусловной достоверности вывода, но подтверждает факт высокой степени вероятности.

Исследование завершается выводом в форме «НПВ», когда невозможно установить факт выполнения рукописи конкретным лицом в какой-либо вероятной форме. Чаще всего такие выводы обусловлены кратким объемом графической информации, представленной в исследуемой рукописи, и другими факторами.

Иллюстрационные таблицы, схемы, графики и т. д., являющиеся приложением (составной частью) к заключению эксперта, оцениваются с учетом общих полученных результатов МСПЭ.

При оформлении иллюстрационного материала допустимо размещать иллюстрации по тексту заключения эксперта. С учетом большого объема графического материала (исследуемого и сравнительного) эта рекомендация приобретает особую актуальность и способствует некоторому упорядочению материалов, а также большей наглядности процесса и результатов исследования.

При дальнейшей реализации оценки заключения эксперта-почерковеда следователем (судом) на соответствие всем перечисленным требованиям важно установить отсутствие противоречий, прежде всего, в выводах и остальных частях заключения и в процессе исследования. Они, в свою очередь, могут возникнуть как в рамках самой экспертизы, так и за ее пределами.

Согласно статьям 80, 205, 282 УПК РФ следователь (суд) на стадии оценки заключения может допросить эксперта о процессе и сущности проведенного исследования, целесообразности и адекватности применения к конкретной ситуации различных методов или методик, значении промежуточных и конечных результатов, использовании специальной терминологии и др., а также попросить дополнительно аргументировать свою позицию.

Проверить качество оценки проведенной МСПЭ позволяют дополнительная и повторная экспертизы. Их производство поручается первоначальному исполнителю или другому эксперту, если вывод в заключении не является полным и ясным.

Таким образом, заключение эксперта-почерковеда как доказательство по делу оценивается следственным органом или судом, назначившим МСПЭ, на предмет относимости, допустимости и достоверности. Анализ данных критериев оценки осуществляется традиционным образом. Главный признак досто-

верности заключения – его научная обоснованность – изучается на основе общих принципов производства судебной экспертизы (объективности, всесторонности и полноты) и с учетом особенностей исследования множества почерковых объектов. Соответствие этим принципам рассматриваемой разновидности заключения эксперта обуславливает специфику подготовленных авторами рекомендаций.

1. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юрид. вузов и фак-тов. М.: Контракт: Волтерс Клувер, 2010; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008; и др.
2. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Теоретические и методические основы судебно-почерковедческой экспертизы / под науч. ред. В. Ф. Орловой. М.: Наука, 2006.
3. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005.
4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
5. Бобовкин М. В. Современные проблемы использования специальных судебно-почерковедческих знаний в правоохранительной деятельности // Современные проблемы теории и практики криминалистического исследования документов: сб. тез. докл. Волгоград: ВА МВД России, 2007. С. 139–146.
6. Диденко О. А. Совершенствование теории и практики многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

© Бобовкин М. В., Диденко О. А., 2019

References

1. Vandyshev V. V. Criminal proceedings. General and Special Parts. Textbook for legal universities and faculties. Moscow: Contract; Walters Clover; 2010; Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Criminal process. Textbook / under the general. ed. of A. V. Smirnov. 4th ed., upd. and rev. M.: KNORUS, 2008; and etc.
2. Forensic handwriting analysis. General part. Theoretical and methodological foundations of forensic handwriting analysis / under scientific ed. of V. F. Orlova. Moscow: Nauka; 2006.
3. Belkin A. R. Evidence theory in criminal proceedings. Moscow: Norma; 2005.
4. Federal law No. 73-FZ of 31 May 2001. On the state forensic expert activity in the Russian Federation. Collected acts of the Russian Federation. 2001; 23: 2291.
5. Bobovkin M. V. Current problems of using special forensic handwriting knowledge in law enforcement. Current problems of the theory and practice of forensic research of documents: collection of articles. Volgograd: VA MVD Rossii; 2007: 139–146.

6. Didenko O. A. Improvement of the theory and practice of multi-object forensic handwriting analysis. Dis. Cand. Law. Sci. Moscow, 2015.

© Bobovkin M. V., Didenko O. A., 2019

* * *

ББК 67.537

УДК 343.148.6

DOI 10.25724/VAMVD.JXYZ

.....,
ведущий научный сотрудник Исследовательского центра экспертизы пожаров Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, доктор технических наук, профессор;

.....,
начальник отдела инновационных и информационных технологий в экспертизе пожаров Исследовательского центра экспертизы пожаров Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат технических наук;

.....,
заместитель начальника отдела инструментальных методов и технических средств экспертизы пожаров Исследовательского центра экспертизы пожаров Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат технических наук

В статье рассмотрены структура, техническое оснащение и система подготовки кадров в судебно-экспертных учреждениях Федеральной противопожарной службы (ФПС) Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Подготовка пожарно-технических экспертов судебно-экспертных учреждений ФПС МЧС России осуществляется с разделением на восемь специализаций. Это позволяет обеспечить исследования на более высоком профессиональном уровне с использованием современных физико-химических методов и технических средств (хроматографических, рентгеновских, металлографии, атомной и молекулярной спектроскопии и др.).

Проанализированы методическая база современной пожарно-технической экспертизы и технические средства для ее реализации – лабораторное оборудо-

дование и автомобили-лаборатории, оснащенные комплексом приборов для работы эксперта на месте пожара «ПИРЭКС». Комплекс включает ультразвуковые дефектоскопы, коэрцитиметры, пирометры и другое оборудование. Обеспечена возможность количественной оценки термических поражений бетонных и железобетонных конструкций, стальных изделий, древесных углей и др. Полученные данные используются при установлении очага пожара и путей распространения горения. Описаны предметы исследования экспертов отдельных экспертных специализаций. Отмечены особенности подготовки экспертных кадров.

: экспертиза пожаров, судебная пожарно-техническая экспертиза, судебно-экспертные учреждения, экспертная специализация, эксперт, физико-химические методы исследования, полевые методы исследования.

I. D. Cheshko,

Leading Researcher of the Department of instrumental methods and technical means of fire examination of Fire Expertise Research Centre of Saint-Petersburg University of state fire service of EMERCOM of Russia, Doctor of Science (Engineering), Professor;

A. A. Tumanovskiy,

Head of Department of innovation and information technologies in the fire expertise of Fire Expertise Research Centre of Saint-Petersburg University of state fire service of EMERCOM of Russia, Candidate of Science (Engineering);

M. Yu. Printseva,

Deputy head of the Department of instrumental methods and technical means of fire examination of Fire Expertise Research Centre of Saint-Petersburg University of state fire service of EMERCOM of Russia, Candidate of Science (Engineering)

FIRE-TECHNICAL EXPERTISE IN THE SYSTEM OF FEDERAL FIRE FIGHTING SERVICE OF EMERCOM OF RUSSIA: EXPERT SPECIALTIES, TECHNICAL OPPORTUNITIES, PREPARATION OF EXPERTS

The article discusses the structure, technical equipment and training system in the forensic institutions of the Federal Security Service of the Emergencies Ministry of Russia. The peculiarity of the fire-technical experts of the forensic institutions of Federal Fire Fighting Service of Emercom is their division into 8 specializations. This allows to provide research at a higher professional level using modern physico-chemical methods and technical means (chromatographic, X-ray, metallography, atomic and molecular spectroscopy, etc.).

The methodical base of modern fire and technical expertise and technical means for its implementation – laboratory equipment and automobile laboratories equipped with a set of instruments for the work of the expert complex "PIRE" - are considered. The complex includes ultrasonic flaw detectors, coercimeters, pyrometers and other equipment. It is possible to quantify the thermal damage of concrete and reinforced

concrete structures, steel products, charcoals, etc. The data obtained are used to establish the source of the fire and the development paths of combustion. The subjects of research of experts of individual expert specializations are described. The features of the training of expert staff are noted.

Key words: forensic fire-technical expertise, judicial fire-technical examination, forensic institutions, expert specialization, expert, physical and chemical research methods, field research methods.

* * *

Пожарно-техническая экспертиза (ПТЭ) – единственный род судебных экспертиз, на производстве которых специализируются экспертные организации ФПС МЧС России. Потребность в их производстве обусловлена в первую очередь необходимостью экспертного сопровождения деятельности органов дознания МЧС России. Все чаще экспертизы в судебно-экспертные учреждения (СЭУ) МЧС России назначают и должностные лица Следственного комитета России.

Сотрудники пожарной охраны стали заниматься исследованием пожаров на профессиональном уровне с апреля 1945 г., когда в соответствии с приказом Народного комиссариата внутренних дел СССР были организованы первые передвижные пожарные лаборатории. Именно их накопленный опыт позволил в дальнейшем сформулировать методические основы современной ПТЭ.

Пожарные специалисты всегда гордились тем, что именно ими была подготовлена первая отечественная методика проведения ПТЭ [1], принятая Всесоюзным научно-исследовательским институтом судебной экспертизы (ВНИИСЭ). Нельзя не отметить вклад в развитие отечественной пожарно-технической экспертизы Б. В. Мегорского, К. П. Смирнова, Г. И. Смелкова, С. И. Таубкина, И. С. Таубкина, прекрасного коллектива сотрудников Брянского отделения ВНИИСЭ.

Классическая ПТЭ базировалась на информации, полученной с помощью визуального осмотра места пожара и показаний людей. И тот и другой источники были неидеальны и страдали субъективизмом. 80-90-е гг. прошлого столетия ознаменовались прорывом в ее аналитических возможностях: к исследованиям были привлечены современные физико-химические методы – хроматографические, рентгеновские, металлографические, методы атомной и молекулярной спектроскопии и др. [2].

Эксперты научились получать криминалистически значимую информацию путем исследования оплавленных проводов и иного электрооборудования, основных типов строительных материалов и их остатков после пожара.

Лабораторный комплекс, имеющийся в настоящее время в распоряжении большинства СЭУ ФПС, включает газовые хроматографы, приборы инфракрас-

ной и флуоресцентной спектроскопии, термического и рентгенофазового анализа, оборудование для металлографических исследований [3–5]. Автомобили-лаборатории укомплектованы комплексом приборов и оборудования для работы эксперта на месте пожара «ПИРЭКС» [6], включающим ультразвуковые дефектоскопы, коэрцитиметры и приборы вихретокового зондирования металлоконструкций, пирометры, электроизмерительное и иное оборудование. Благодаря этому появилась возможность объективной количественной оценки степени термических поражений бетонных и железобетонных конструкций, горячекатаных и холоднодеформированных стальных изделий, древесных углей, выявления остаточных температурных зон на теплоемких конструкциях. Полученные данные используются при установлении очага пожара и путей распространения горения [7–10].

Стало возможным перейти от решения основных вопросов, находящихся в компетенции пожарно-технических экспертов исключительно на основе общих соображений и лишенных какой-либо серьезной доказательной базы, к аргументированным суждениям, подкрепленным количественными измерениями. Воплощается в жизнь известный афоризм И. Канта: «Наука начинается там, где появляется цифра».

К сожалению, инструментальные методы, применяемые в ПТЭ, в последнее время подвергаются критике, причем чаще, чем следовало бы, и не всегда объективной [11; 12]. Критика принимается во внимание, но хотелось бы видеть в данных замечаниях реальные альтернативы и конкурентные технические разработки.

Когда в 2005 г. была организована система СЭУ ФПС МЧС России, стало ясно, что, учитывая разнообразие объектов исследования, инструментальных методов и технических средств для их реализации, нереально требовать от эксперта столь универсальных знаний и умений. В связи с этим было решено ввести в рамках общей экспертной специальности отдельные специализации. В настоящее время их восемь.

Первая – «Реконструкция процесса возникновения и развития пожара» – базируется на методологии классической пожарно-технической экспертизы, с помощью которой решаются вопросы установления очага пожара, его причины, развития пожара во времени и пространстве. При необходимости инструментальных исследований тех или иных объектов к работе подключаются другие перечисленные ниже специалисты.

Вторая специализация – «Металлографические и морфологические исследования металлических объектов судебной пожарно-технической экспертизы» – ориентирована на исследование структуры металлов и сплавов в целях поиска признаков, характерных для пожароопасных аварийных режимов работы электросети, установления причин и механизма разрушения в ходе пожара тех или иных металлических изделий. Объектами исследования в основном являются проводники тока и прочее электрооборудование.

Эксперты третьей специализации – «Рентгенофазовый анализ при исследовании объектов судебной пожарно-технической экспертизы» – занимаются качественным и количественным анализом веществ и материалов, а также определением условий формирования оплавлений медных проводников тока («вне пожара» – первичное короткое замыкание или «в условиях пожара» – вторичное короткое замыкание).

Четвертая специализация – «Молекулярная и атомная спектроскопия при исследовании объектов судебной пожарно-технической экспертизы» – направлена на установление природы, элементного и функционального состава изъятых с места пожара твердых и жидких веществ и материалов. При помощи ИК-спектроскопии решаются идентификационные задачи, дается качественная и количественная оценка температуры и степени термического поражения материалов и изделий для выявления зон термических поражений на месте пожара и установления его очага.

Пятая специализация – «Термический анализ при исследовании объектов судебной пожарно-технической экспертизы» – ориентирована на исследование процессов, происходящих в веществах и материалах при нагревании, решает задачи идентификации материалов, веществ и средств огнезащиты при сертификационных испытаниях. Термический анализ применяется и для решения ряда других задач, возникающих в ходе исследования пожаров и проведения пожарно-технических экспертиз, таких как дифференциация горючих и негорючих веществ, определение температур термического разложения вещества с возможным возникновением пламенного горения, склонности вещества к тлению и самовозгоранию, определение присутствия огнезащитных компонентов в материале и др.

Шестая специализация – «Обнаружение и классификация инициаторов горения при исследовании объектов судебной пожарно-технической экспертизы» – обнаружение и исследование остатков легковоспламеняющихся и горючих жидкостей, изымаемых с места пожара, в случае если причиной пожара был поджог.

Седьмая специализация – «Полевые инструментальные методы при исследовании объектов судебной пожарно-технической экспертизы» – направлена на исследование широкого спектра объектов – неорганических строительных материалов; холоднодеформированных металлических изделий и конструкций; окарины на металлических объектах; деревянных конструкций и предметов; отложений копоти на конструкциях и предметах; а также на поиск мест локализации остатков интенсификаторов горения и проведение их предварительной классификации. Данная специализация введена в целях подготовки специалистов, которые могут работать с комплексом специального оборудования непосредственно на месте пожара (приборным комплексом «ПИРЭКС»).

Восьмая специализация – «Анализ нарушений нормативных требований в области пожарной безопасности, прогнозирование и экспертное исследование их последствий» – ориентирована на исследование соответствия объекта пожара нормативным требованиям в области пожарной безопасности и установление причинно-следственных связей между такими нарушениями и возникающими

ми последствиями. В рамках данной специализации проводятся расчеты пожарного риска и математическое моделирование процессов, происходящих при пожаре, эвакуации людей.

Обучение экспертов по указанным выше специализациям в МЧС России в основном ведется на базе головного экспертного подразделения (Исследовательского центра экспертизы пожаров Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России) в форме предатестационной подготовки (10 календарных дней, 78 академических часов). В том же объеме и по близким по содержанию программам, но без разделения на специализации проводится обучение пожарно-технических экспертов в системе МВД России [13].

Опыт обучения и работы экспертов по отдельным специализациям подтвердил целесообразность такого разделения: оно обеспечивает применение в ПТЭ на достойном профессиональном уровне современных научно-технических методов и средств. Конечно, подготовить полноценного металловеда или другого из перечисленных специалистов без профильного технического или естественнонаучного образования невозможно. Неслучайно поэтому названия почти всех специализаций заканчиваются уточнением «при исследовании объектов судебной пожарно-технической экспертизы». Эксперты обучаются только частным экспертным методикам исследования узкого перечня характерных для места пожара объектов.

Необходимо отметить, что в названном университете готовят специалистов по специальности «Судебная экспертиза». Однако по окончании вуза автоматический допуск к самостоятельному производству судебных пожарно-технических экспертиз выпускники не получают. Для самостоятельной работы им, как правило, не хватает опыта практической экспертной деятельности. По причине этого какое-то время они работают в качестве экспертов-стажеров, а затем представляют результаты своей работы, выполненные в форме технических заключений, на экспертно-квалификационную комиссию, которая и решает вопрос о выдаче допуска к самостоятельной экспертной работе по определенной специализации.

В развитии и совершенствовании методического обеспечения пожарно-технической экспертизы, подготовки экспертов, научных исследований необходимо искать общий язык экспертам различных школ и ведомств. У головных экспертных организаций МВД России и МЧС России это неплохо получается в форме совместных методических разработок.

1. Зайцев М. К., Мегорский Б. В., Смирнов К. П. Основные вопросы организации и проведения пожарно-технической экспертизы: метод. пособие. М.: ВНИИПО, 1977. 48 с.

2. Чешко И. Д. Экспертиза пожаров (объекты, методы, методики исследования). СПб.: СПбИБПБ МВД России, 1997. 562 с.

3. Инструментальные методы в раскрытии и расследовании поджогов: юбилейн. сб. тр. ФГБУ ВНИИПО МЧС России / И. Д. Чешко [и др.]. М.: ВНИИПО, 2012. 602 с.
4. Методы газовой хроматографии и ИК-спектроскопии как инструменты пожарно-технической экспертизы / А. А. Шубин [и др.] // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2017. № 3 (6). С. 22–27.
5. Ильин П. И. Развитие испытательных пожарных лабораторий в современной России: пожарная охрана на службе государства. 1918–2018 гг.: сб. ст. Уфа: РИК УГАТУ, 2018. С. 84–88.
6. Многофункциональный приборный комплекс модульного типа для инструментального обеспечения работы пожарно-технического эксперта на месте пожара «ПИРЭКС» // Расследование пожаров: сб. ст. М.: ВНИИПО, 2007. Вып. 2. С. 317–325.
7. Плешаков В. В., Скуматова И. А., Борисенко В. В. Использование ультразвуковой дефектоскопии металлов при проведении пожарно-технической экспертизы // Технологии техносферной безопасности: интернет-журнал. 2014. № 6 (58). Ст. 15.
8. Соколова А. Н., Плотников В. Г. Использование магнитного метода для установления очага пожара в здании склада // Расследование пожаров: сб. ст. М.: ВНИИПО, 2009. Вып. 3. С. 20–29.
9. Соколова А. Н. Применение коэрцитиметров при исследовании и экспертизе пожаров (современное состояние вопроса) // Расследование пожаров: сб. ст. М.: ВНИИПО, 2007. Вып. 2. С. 48–56.
10. Соколова А. Н., Мокряк А. Ю. Применение магнитного метода при поиске очага пожара // Расследование пожаров: сб. ст. М.: ВНИИПО, 2007. Вып. 2. С. 56–63.
11. Таубкин И. С. Определение температуры и длительности горения древесины на пожаре по параметрам обугленного слоя: методические рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 4. С. 37–47.
12. Таубкин И. С., Саклантй А. Р. О методических материалах по установлению причинно-следственной связи между аварийными режимами в электропроводке с медными проводниками и возникновением пожара // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 3. С. 38–46.
13. Синюк В. Д. Дополнительное профессиональное образование в системе МВД России по направлению пожарно-технической судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 472–475.

© Чешко И. Д., Тумановский А. А., Принцева М. Ю., 2019

References

1. Zaitsev M. K., Megorsky B. V., Smirnov K. P. The main issues of the organization and realization of fire-technical expertise. Method. manual. Moscow.: VNIIPPO; 1977: 48 p.

2. Cheshko I. D. Examination of fires (objects, methods, research methods). Saint-Petersburg: SPbIPB MVD Rossii; 1997: 562 p.
3. Cheshko I. D., Printseva M. Yu., Klapyuk I. V., Yatsenko L. A. Instrumental methods in the disclosure and investigation of arson: an anniversary collection of works of VNIIPO, EMERCOM of Russia. Moscow: VNIIPO; 2012: 602 p.
4. Shubin A. A., Lagunov A. N., Bogdanov A. A., Gaponenko M. V. Methods of gas chromatography and IR spectroscopy as tools for fire-technical expertise. Siberian Fire and Rescue Bulletin. 2017; 6 (3): 22–27.
5. Ilyin P. I. The development of fire testing laboratories in modern Russia: fire protection in the service of the state 1918–2018. Collection of articles. Ufa: RIK UGATU; 2018: 84–88.
6. Federal State Institution VNIIPO EMERCOM of Russia St. Petersburg Branch. Fire Examination Research Center. Multifunctional instrument complex of modular type for instrumental support of the fire and fire-technical expert complex Pirex. Fire investigation. Collection of articles. Moscow: VNIIPO; 2007; 2: 317–325.
7. Pleshakov V. V., Skumatova I. A., Borisenko V. V. The use of ultrasonic flaw detection of metals during a fire-technical examination. Technosphere safety technologies. 2014; 58 (6): 15.
8. Sokolova A. N., Plotnikov V. G. Using the magnetic method to establish the source of a fire in a warehouse building. Fire investigation. Collection of articles. Moscow: VNIIPO; 2009; 3: 20–29.
9. Sokolova A. N. The use of coercimeters in the study and examination of fires (current status of the issue). Fire investigation. Collection of articles. Moscow: VNIIPO; 2007; 2: 48–56.
10. Sokolova A. N., Mokryak A. Yu. The use of the magnetic method in the search for a fire source. Fire investigation. Collection of articles. Moscow: VNIIPO; 2007; 2: 56–63.
11. Taubkin I. S. Determination of the temperature and duration of wood burning in a fire according to the parameters of the charred layer. Guidelines. Theory and practice of forensics. 2017; V. 12; 4: 37–47.
12. Taubkin I. S., Saklantiy A. R. About methodological materials for establishing a causal relationship between emergency conditions in electrical wiring with copper conductors and the occurrence of a fire. Theory and Practice of Forensics. 2018; V. 13; 3: 38–46.
13. Sinyuk V. D. Additional professional education in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the direction of fire-technical forensics. Theory and practice of forensics in modern conditions. Materials of the VII Intern. Scientific-practical conference. Moscow; 2019: 472–475.

© Cheshko I. D., Tumanovskiy A. A., Printseva M. Yu., 2019

* * *

ББК 67.522.1
УДК 343.985.4

DOI 10.25724/VAMVD.KABC

.....,
профессор кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат химических наук, доцент;

.....,
главный научный сотрудник Научно-исследовательского института
ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

.....,
профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Представленные в статье положения направлены на оптимизацию технологии фиксации следовой картины при осмотре мест происшествий на протяженных участках местности. В первую очередь речь идет о дорожно-транспортных происшествиях, крушениях железнодорожного и авиационного транспорта, при которых количество отделившихся фрагментов может достигать нескольких сотен, а их разлет – больше километра. Как правило, в подобных случаях следовая картина формируется случайным образом и знание точного местоположения каждого элемента при решении диагностических экспертных задач не требуется.

Для сокращения временных затрат на фиксацию следов предлагается разбить место осмотра на сектора с фиксацией и изъятием не каждого отделившегося от транспортного средства элемента, а их группы с указанием номера сектора, отмеченного на плане. При взрывах боеприпасов на открытой местности для решения диагностических и ситуационных задач поиск следов должен быть направлен на обнаружение элементов, указывающих на их тип, – предохранительной скобы от унифицированного запала ручной гранаты модифицированного (УЗРГМ), головного взрывателя снаряда, хвостового оперения минометной мины и небольшого количества осколков, образованных при разрушении корпуса.

..... : осмотр места происшествия, дорожно-транспортное происшествие, механизм слеодообразования, фиксация следовой картины, самодельное взрывное устройство, боеприпас.

A. V. Kochubey,

Professor of the Chair of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Chemistry), Associate Professor;

S. M. Kolotushkin,

Chief researcher of Scientific research Institute FSIN of Russia, Doctor of Science (Law), Professor;

A. P. Alekseeva,

Professor of the Chair of Criminal Law Department of Training and Scientific Complex for Preliminary Inquiry in Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor

ACCIDENT SCENE EXAMINATION IN VAST AREAS

The article focuses on the optimization of technologies for recording a trace picture when examining accident scenes in vast areas. First of all, it implies traffic accidents, railway and aircraft accidents when the number of separated fragments may amount to several hundreds while their dispersion is more than a kilometer. As a rule, in such cases a trace picture is being randomly formed, and to solve diagnostic problems it is not necessary to know the exact location of each element.

To reduce the time for trace recording the authors propose to divide a particular scene into sectors and to record and remove not every element separated from a transport vehicle but groups of them indicating a sector number as it is marked in the map. When ammunition explodes in an open area, to solve diagnostic and situational problems the search for traces must aim at detecting elements indicating their type such as a trigger guard of a modernized standard igniter set for hand grenades, a projectile point fuse, the tail assembly of a mortar bomb, and a small amount of debris caused by a body rupture.

Key words: accident scene examination, traffic accident, mechanism of trace formation, recording of a trace picture, self-made explosive device, ammunition.

* * *

Изучение специальной литературы, посвященной тактическим и методическим аспектам осмотра места происшествия [1, с. 532–543; 2, с. 228–235 и др.], показывает, что к числу основных требований, предъявляемых к этому следственному действию, относятся полнота обнаружения всех имеющихся следов и их фиксация, предполагающая подробное описание внешних признаков с точным указанием местоположения. Однако, по нашему мнению, их выполнение в полном объеме в некоторых случаях не всегда оправданно, а само значе-

ние для решения многих диагностических экспертных задач несколько преувеличено.

Так, например, для отнесения взорвавшегося взрывного устройства к боеприпасу эксперту необходимы лишь несколько осколков и элементы взрывателя. Знание же точной топографии разлета осколков для этого ему не требуется. Соответственно, невыполнение основного требования криминалистики в данном случае вполне оправданно, а это может существенно снизить трудовые и временные затраты по осмотру места происшествия.

При осмотре места взрыва в первую очередь необходимо уяснить, что было взорвано. Для большинства типов боеприпасов есть характерные признаки, указывающие на это. Например, осмотр места взрыва, как правило, проводится от его центра – воронки. Если на расстоянии примерно 7–10 м от нее обнаружена предохранительная скоба запала УЗРГМ (рис. 1), а в воронке или около нее – осколки в форме, близкой к кубической, размером 4–6 мм (рис. 2), то очевидно, что была взорвана граната Ф-1. Если обнаружены осколки ромбовидной или прямоугольной формы размером примерно 3–5 мм (рис. 3), то взорвана граната РГД-5. В подобных случаях такого объема данных эксперту будет достаточно для ответа на вопрос о типе взорванного устройства и нет необходимости обнаруживать, фиксировать и изымать все осколки, если это сопряжено с определенными трудностями.

. 1. Предохранительная скоба запала УЗРГМ¹

¹ Фото из архива старшего преподавателя кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности ВА МВД России М. Ю. Гераськина.

. 2. Осколки гранаты Ф-1

. 3. Осколки гранаты РГД

Степень актуальности возможности сокращения времени, необходимого для осмотра места взрыва, можно проиллюстрировать следующим примером. При взрыве 152-мм артиллерийского снаряда на грунте разлет осколков составляет примерно 1 200 м, т. е. площадь, которую они покрывают, равна 4 521 600 м² (4,5 км²). Для детального осмотра такой площади следственно-оперативной группе, даже с привлечением дополнительных сил и средств, понадобится не один день. При этом головная часть взрывателя в достаточно хорошо сохранившемся состоянии обычно находится от места взрыва на расстоянии не более 30–50 м (максимальная площадь – 7 850 м²). Эта часть изготовлена из металла серого цвета, обладает характерным металлическим блеском, что существенно облегчает ее обнаружение (рис. 4). Следственно-оперативной группе для этого может понадобиться меньше часа. За это время на данной площади будет обнаружено и необходимое количество осколков. По внешнему виду взрывателя и маркировке на его корпусе, а также по радиусу кривизны осколков устанавливаются калибр снаряда и его тип, т. е. в полном объеме решается поставленная задача.

. 4. 152-мм артиллерийский снаряд с головным взрывателем

Следует подчеркнуть, что речь не идет об осмотре места происшествия, связанного со взрывом самодельного взрывного устройства. Для его полной реконструкции необходим максимальный объем данных – фрагменты оболочки, поражающие элементы, конструктивные элементы взрывателя и др. (рис. 5). В подобных случаях полнота обнаружения и изъятия всех следов – требование, не подлежащее сомнению.

5. Поражающие элементы (а) и элементы взрывателя (б) самодельного взрывного устройства

Помимо взрывов на открытой местности, где площадь места происшествия составляет не одну сотню квадратных метров и даже километров, существенные трудности вызывают осмотры мест крупных дорожно-транспортных происшествий (ДТП) (рис. 6), железнодорожных и авиационных катастроф. Огромное количество фрагментов, их рассредоточенность на значительных расстояниях приводят к повышенным трудозатратам при фиксации и описании местоположения.

Существуют методы измерительной фотографии [3, с. 77–93], где все измерения можно проводить по фотоснимкам. Сегодня внедряется также аэрофото съемка с использованием беспилотных летательных аппаратов, которые существенно оптимизируют процесс фиксации следовой картины. Однако и с использованием этих методов фиксация каждого отделившегося от автомобиля, поезда или самолета элемента предполагает его описание в протоколе осмотра места происшествия. Соответственно, и время, требующееся на осмотр, сокращается незначительно.

. 6. Место ДТП со значительным разлетом фрагментов поврежденных автомобилей

Вместе с тем механизм этих происшествий в каждом конкретном случае уникален, а следовательно, уникален и процесс слеодообразования. Отделение частей происходит случайным образом, траектория их разлета зависит от большого количества факторов. По этой причине она не может быть описана с достаточной степенью вероятности. Решение обратной задачи – установления механизма происшествия по разлету фрагментов – еще более сложное. Реконструировать, например, характер столкновения автомобилей – направление их движения, скорости, взаиморасположение в момент столкновения, особенно если они опрокинуты или попали в круговой занос – даже при наличии точной фиксации топографии разлета можно только в каких-то достаточно широких интервалах значений, т. е. с незначительной степенью вероятности.

Основное значение при решении подобных задач играет не столько местоположение каждого элемента, сколько характер их взаиморасположения. При этом погрешность фиксации местонахождения без потери информативности может быть в пределах как минимум 10 %.

Технологию осмотра места происшествия на значительных территориях можно проиллюстрировать на примере двух осмотров мест падения самолетов, произошедших в Волгоградском военном гарнизоне в марте 2005 г. и феврале 2011 г. Оба происшествия были вызваны разными причинами, но схожи по механизму слеодообразования. В обоих случаях самолеты совершили «жесткую» посадку на взлетно-посадочную полосу (ВПП), получили серьезные повреждения, приведшие к частичному разрушению корпуса фюзеляжа, и без выпущенных шасси скользили, подпрыгивая, по ВПП. Дистанция от первого контакта самолетов с бетонным покрытием до полной их остановки составляла 1 100–1 200 м.

Первый осмотр проводился следственно-оперативной группой, в состав которой входили три следователя военной прокуратуры и три специалиста-криминалиста. Осмотр проходил по всем правилам: составлялся подробный план, вычерченный с соблюдением масштаба, на котором указывались все фрагменты, отделившиеся от самолета, с указанием их координат от места первоначального касания самолета с ВПП – расстояние и угол по отношению к заданной линии (линии ВПП). Кроме того, для оказания помощи в правильном описании фрагментов к следственному осмотру были привлечены два техника-инженера летной воинской части. Всего было описано и изъято более 400 объектов. Привязка обнаруженных фрагментов к устойчивым ориентирам потребовала проведения свыше 800 измерений, многие из которых осуществлялись на больших дальностях.

В общей сложности вся работа по осмотру места происшествия заняла два полных световых дня, объем протокола составил 52 страницы машинописного текста, а из всех данных, зафиксированных в нем, в качестве исходных в процессе производства экспертизы было использовано менее 10 %. Это связано с тем, что, как и при крупном ДТП, разлет фрагментов корпуса происходит вне каких-либо закономерностей, а следовательно, их местонахождение на момент осмотра случайно. Пользоваться такими координатами при расчетах, объясняющих механизм произошедшего события, даже приближенно нельзя, и эксперты используют совершенно другие зависимости. В частности, их интересует, на каком этапе произошло отделение того или иного элемента обшивки, на каком расстоянии от первоначального контакта с поверхностью ВПП и совместно с какими другими элементами разрушился тот или иной фрагмент, и т. д. Без привязки к координатам каждого элемента в расчетах использовались только приблизительные координаты групп элементов, отделившихся одновременно.

При реконструкции механизма ДТП правила использования данных, полученных при осмотре места происшествия, достаточно близки. Из этого можно прийти к выводу, что при осмотре мест происшествий на протяженных участках местности целесообразно проводить фиксацию не каждого элемента вещной обстановки, а групп элементов, взаимосвязанных между собой, например, по траектории полета, удаленности от центра, и связанных друг с другом конструктивно.

После такого вывода и консультации с экспертами в области безопасности полетов, проводящих экспертные исследования по авиакатастрофам, второй осмотр места падения самолета проводился по совершенно иному сценарию.

Следовая картина на месте происшествия была рассредоточена на изолированных друг от друга участках, расположенных в местах контакта самолета с ВПП, и представляла собой скопления обломков, отделившихся при очередном ударе. Всего таких участков было восемь. Изъятие фрагментов самолета проводилось не каждого в отдельности, а по группам. В протоколе указывались

лишь размеры участка и его местоположение относительно первого контакта самолета с ВПП, расстояние от самой ВПП и количество изъятых фрагментов. При таком способе удалось избежать двух самых трудоемких элементов осмотра – привязки местоположения каждого объекта к устойчивым ориентирам и их описания с указанием названий элементов и индивидуализирующих их признаков. Второй из этих элементов является самым сложным, так как вследствие сильных повреждений и деформаций даже авиационные инженеры не всегда могли установить, фрагмент какой части самолета обнаружен, а следовательно, в протоколе необходимо давать подробнейшее описание их внешнего вида. В нашем случае эта часть работы была выполнена экспертами в ходе экспертизы, которая проводится в любом случае: есть их описание в протоколе, или нет. Собранных и зафиксированных в протоколе данных было достаточно для ее полноценного проведения – никаких дополнительных материалов (по материалам осмотра) не потребовалось.

В отличие от первого описанного осмотра второй занял не более трех часов и, как видно, без потери информативности.

Чаще рассмотренных случаев встречаются ситуации, когда максимальное количество следов (фрагментов транспортных средств, в том числе самолетов, осколков взрывного устройства) располагается в центре места происшествия – на месте столкновения автомобилей, столкновения самолета с землей, в воронке при взрыве взрывного устройства. Уменьшается плотность этих фрагментов по мере удаления от центра.

Подобная следовая картина сложилась после крушения военного самолета-перехватчика в 2016 г. При отказавшем во время полета двигателе самолет столкнулся с землей под достаточно острым углом, носовая часть практически полностью разрушилась, и за счет силы инерции ее фрагменты разлетелись по полю на расстояние до 1 500 м, образовав угол разлета около 50°. Максимальная плотность обломков была сосредоточена вокруг самолета и резко снижалась по мере удаления от него.

Осмотр места происшествия было решено проводить по представленному выше варианту без точной фиксации (описания индивидуализирующих признаков и указания местоположения) каждого фрагмента. Всю площадь разлета фрагментов разбили на сегменты, размеры которых варьировались в зависимости от плотности сосредоточения обломков. Первая окружность была обозначена вокруг обломков носовой части самолета на расстоянии 1 м от нее. Из-за высокой концентрации обломков в этой зоне окружность дополнительно была разбита на четыре сегмента. Каждому сегменту присваивался порядковый номер, с его площади изымались все обломки, а в протоколе указывались их количество, номер сегмента и его местоположение (рис. 7).

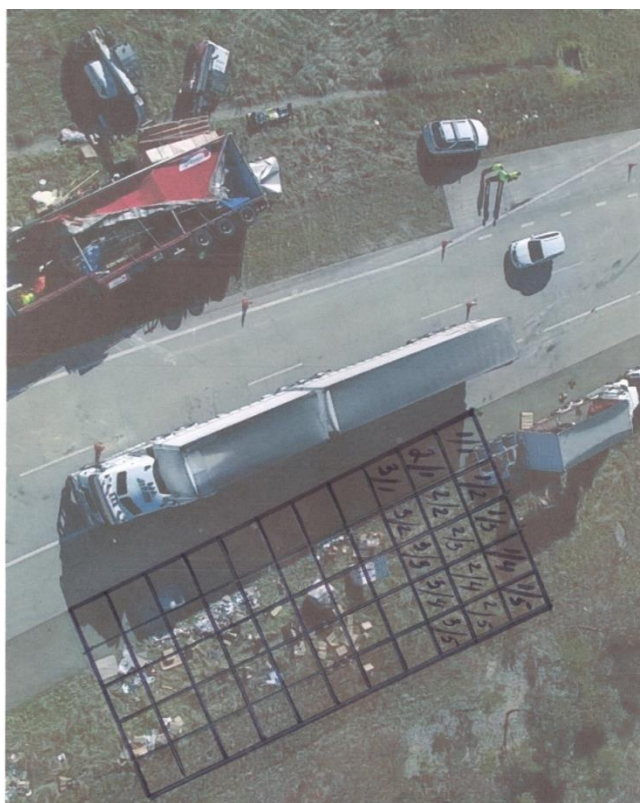
. 7. Схема места происшествия по факту падения самолета

По мере удаления от центра падения размеры сегментов увеличивались таким образом, чтобы количество фрагментов в каждой зоне было примерно одинаковым.

Несмотря на то что при таком способе фиксации следовой картины место обнаружения каждого фрагмента в протоколе не фиксировалось, их взаиморасположение при необходимости можно было воспроизвести достаточно точно – с погрешностью не более размеров сегмента, в котором они были обнаружены, в том числе в ходе производства экспертизы. Объем данных, отраженных в протоколе осмотра места происшествия, и в этом случае полностью удовлетворил экспертов.

По такому же принципу возможно проведение осмотра места ДТП, если оно занимает значительную территорию и имеет большое количество следов – фрагментов автомобилей (рис. 8).

Все приведенные примеры, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о справедливости, на первый взгляд, противоречащего основному принципу криминалистической техники тезиса о возможности несоблюдения правила полной фиксации и изъятия всех следов. В ситуациях, когда место происшествия занимает значительную по протяженности территорию, а формирование следовой картины происходит случайным образом, подробное описание каждого обнаруженного предмета и указание его точного местоположения могут быть неполными.

. 8. Схема осмотра места происшествия по факту ДТП

В рассмотренных случаях должно соблюдаться другое правило: количество информации, зафиксированное в протоколе осмотра места происшествия, должно быть достаточным для последующего производства экспертизы.

1. Криминалистика: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. / Т. В. Аверьянова [и др.]. М., 2007. 944 с.
2. Топорков А. А. Криминалистика: учебник. М., 2012. 464 с.
3. Математические методы в криминалистической экспертизе: курс лекций / А. В. Кочубей [и др.]. Волгоград, 2004. 124 с.

© Кочубей А. В., Колотушкин С. М., Алексеева А. П., 2019

References

1. Averianova T. V., Belkin R. S., Korukhov Iu. G., Rossinskaia E. R. Forensics. Textbook for higher education institutions. 3rd ed. updated and revised. Moscow; 2007: 944 p.

2. Toporkov A. A. Forensics. Textbook. Moscow; 2012: 464 p.
3. Kochubei A. V., Bulgakov V. G., Kurin A. A., Kolotushkin S. M. Mathematical methods in forensic examination. The course of lectures. Volgograd; 2004: 124 p.

© Kochubey A. V., Kolotushkin S. M., Alekseeva A. P., 2019

* * *

ББК 67.521.3
УДК 343.982.35

DOI 10.25724/VAMVD.KBCD

профессор кафедры судебной медицины
Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова,
доктор медицинских наук, доцент

В статье рассмотрены сущность, возможности и варианты применения априорной вероятности диагностируемого свойства (признака) применительно к решению практических задач криминалистики и судебной медицины. Раскрыты ее субъективные и объективные стороны, сходство и различие с «экспертной интуицией».

Приведены исторически первые примеры использования априорной вероятности в математике (теорема Байеса, дающая возможность более точно оценить вероятность событий на основе эмпирических данных), криминалистике (решение вопроса об уникальности сочетаний частных признаков папиллярных узоров, постулаты Бальтазара) и судебной медицине (производство экспертизы кровного родства по делам о спорном отцовстве на основе серологического исследования групп крови), а также оригинальные способы учета априорной вероятности при решении диагностических задач по определению общих признаков личности (пола, возраста и расы) в рамках судебной антропологии (идентификации личности) на примере дерматоглифического метода исследования.

Показаны преимущества (большая точность и конкретизация) результатов диагностики, основанных на учете априорной вероятности, а также расширение сферы применимости традиционных диагностических методик. Рассмотрен вопрос о роли эксперта, следователя и суда в выборе источника априорной информации и оценке ее конкретного значения.

: априорная вероятность, дактилоскопия, дерматоглифика, диагностика, папиллярный узор, теорема Байеса, экспертная интуиция.

. . Bozhchenko,

Professor of faculty of forensic medicine of Military Medical Academy,
Forensic Medicine Department, Doctor of Science (Medicine),
Associate Professor

PRIORITY PROBABILITY IN THE SYSTEM OF COMPUTATIONAL DIAGNOSTICS

The article discusses the nature, possibilities and options for applying the a priori probability of a diagnosed property (trait), phenomenon or process as applied to solving practical problems of forensic science and forensic medicine. Its subjective and objective sources, similarities and differences with the "expert intuition" are revealed.

Historically, the first examples of the use of a priori probability in mathematics (Bayes theorem), in forensic science (Balthazar's postulates) and in forensic medicine (examination of consanguinity in cases of controversial paternity) are given, as well as original ways of taking into account a priori probability when deciding the diagnosis tasks to identify common signs of identity (gender, age and race) on the basis of dermatoglyphic research method.

The advantages (greater accuracy and specification) of diagnostic results based on a priori probability as well as expanding the range of applicability of traditional diagnostic methods are shown. The question of the role of the expert, the investigator and the court in choosing the source of a priori probability and assessing its specific value is considered.

Key words: prior probability, fingerprinting, dermatoglyphics, diagnosis, papillary pattern, Bayes theorem, expert intuition.

* * *

Тезис о математизации современных знаний, пожалуй, не требует доказательства, однако если в начале и середине XX в. это было более чем очевидно, то в настоящее время, в век бурного развития и повсеместного распространения средств вычислительной техники, внешняя (видимая) часть этого процесса постепенно ускользает от наблюдателя. Тем не менее в основе большинства достижений современной науки и техники так или иначе лежат математика и ее производные – комбинаторика, статистика, информатика и т. п.

Одной из составных частей математики, играющих все бóльшую роль в развитии передовых технологий, является теория вероятностей – система представлений о случайных событиях, закономерностях их возникновения и возможностях предсказания наступления в будущем либо подтверждения существования в прошлом [1; 2]. Анализ применяющихся в повседневной экспертной практике экспертных методик (криминалистических, судебно-медицинских) показывает, что в большинстве своем они являются инструментом для решения

задач как раз такого рода. Вместе с тем возможности математических знаний вообще и теории вероятностей в частности используются крайне редко [3–5] и не в той мере, в которой можно было бы ожидать исходя из значимости экспертных методик для расследования преступлений, с одной стороны, и доступности экспертному сообществу современных достижений науки и техники, с другой.

Так, Российским центром судебно-медицинских экспертиз Минздрава России за последние 5 лет (в период с 2014 по 2018 г.) подготовлено и издано 46 методических рекомендаций, медицинских технологий и информационных писем (не считая образовательных программ, учебных пособий и монографий). В 25 из них (т. е. в 54 %) математические приемы и методы в том или ином виде были применены для получения основных результатов, легших в основу практических рекомендаций, либо были непосредственно рекомендованы для практического использования, будучи включенными в экспертную методику. Однако положения теории вероятностей (не учитывая элементарный частотный анализ) нашли применение всего лишь в четырех методических документах (что составило $\approx 8\%$), а представление об априорной вероятности – только в одном (2 %). Близкий результат дает и анализ оригинальных статей, опубликованных за тот же период в профильном журнале «Судебно-медицинская экспертиза».

Цель настоящей публикации в том, чтобы приблизить экспертное сообщество к осознанию необходимости и возможности более широкого использования положений теории вероятностей в решении экспертных задач. Предметом рассмотрения избрано одно из начальных и при этом ключевых положений теории вероятностей, а именно представление об априорной вероятности. В связи со спецификой области научного и практического интереса объектом рассмотрения, на примере которого будут представлены сущность, возможности и варианты применения априорной вероятности, послужили диагностические задачи по установлению общих признаков личности (пола, возраста и расы) в рамках судебной антропологии.

Априори (от лат. *a priori* – «от предшествующего») – знание, которое получено до опыта, т. е. как бы заранее известное; противоположностью априори является апостериори (от лат. *a posteriori* – «от последующего») – знание, полученное из опыта [1; 2]. Данные понятия являются философскими и имеют нюансы трактовки в различных системах философских воззрений, которые находятся вне предмета настоящего рассмотрения. В математике используются производные от них понятия априорной и апостериорной вероятностей.

Априорная вероятность – это состояние убежденности в чем-либо, приобретенное до наблюдения нового свидетельства (до опыта); апостериорная вероятность – состояние убежденности, приобретенное после наблюдения нового свидетельства (следующее из опыта). Априорная вероятность является безусловной, апостериорная – условной (зависит от наблюдавшегося свидетельства, результата опыта, т. е. от условия). Априорная вероятность задается исследователем субъективно, хотя при этом может быть не только произвольной, интуитивной (буквально субъективной), но и эмпирически обоснованной, следо-

вать из вполне определенного предшествующего опыта (иметь объективное начало). Апостериорная вероятность прямого влияния исследователя не имеет и в этом смысле объективна, однако, представляя собой согласно теореме Байеса произведение функции, учитывающей влияние условия (функции правдоподобия), на априорную вероятность, имеет или может иметь (как и этот последний сомножитель) субъективные истоки [1; 2].

Упомянутая выше теорема принадлежит английскому математику Т. Байесу (1702–1761), который не только обратил внимание на то, что правильный результат оценки события зависит от интуитивно ожидаемого (априорного), но и попытался его формализовать. Вместе с тем он же обратил внимание и на то, что основанный только на такой оценке результат может сильно отличаться от ожидаемого, в связи с чем предложил для корректировки убеждений использовать обновленные данные о произошедшем другом событии, которое статистически взаимозависимо с ним, – в виде функции правдоподобия [2].

По мере развития идей Байеса (прежде всего, в научных исследованиях) стало ясно, что для более правдоподобного прогноза важно не просто учитывать влияние полученного в опыте условия (функции правдоподобия, а именно она стала основным предметом подавляющего большинства научных изысканий), но и более точно оценивать значение исходной (априорной) вероятности. «Субъективное начало», лежащее в основе выводимой в последующем апостериорной вероятности, оказалось одной из явно недооцененных причин, вследствие которых учеными зачастую недостаточно точно определяется вероятность события на основе, казалось бы, объективных данных, полученных опытным путем. Стало очевидным, что требуются возможно большие конкретизация, объективизация, формализация исходного состояния убежденности в чем-либо, приобретенного до наблюдения нового свидетельства.

Экспертам в своей профессиональной деятельности свойственно вовсе не учитывать априорную вероятность (в отличие от ситуаций, связанных с решением ими же, как и любым другим человеком, сугубо житейских задач). Исключение составляет так называемая экспертная интуиция, которую можно рассматривать как субъективный вариант априорной вероятности¹. Однако она скорее означает неосознаваемую часть внутреннего процесса познания, которая, хотя и может помочь эксперту в решении стоящих перед ним задач (например, при общей оценке экспертной ситуации или в выборе оптимальной последовательности действий), не может быть формализована и подвергнута проверке, а потому и не ложится в систему экспертной аргументации.

Примечательно, но игнорирование априорной вероятности может иметь вполне пристойный математический вид «неинформативного априорного распределения», простейшим примером которого является «принцип безразличия», т. е. назначение равных вероятностей для всех возможностей [2]. В действительности для большинства изучаемых событий это далеко не так. Примером

¹ Некоторыми исследователями экспертная (следственная) интуиция воспринимается не столько как знание из прошлого, основанное на предшествующем опыте, сколько как чутье, озарение, «знание будущего» или «знание из будущего». Подробнее о разных точках зрения можно найти, например, в «Курсе криминалистики» Р. С. Белкина [6].

известных заблуждений на этой почве являются «число Бальтазара» в дактилоскопии, показывающее, сколько минуций (деталей папиллярного узора) должно совпасть для достоверного суждения о неповторимости их сочетания, а также расчет вероятности отцовства в судебной медицине исходя из априорной вероятности 0,5. Фактически вероятности встречи различных минуций не равны (а именно это положено в основу постулатов Бальтазара), более того, они различны у представителей разных народов, а потому и выводимое на их основе число не может быть одинаковым для всех стран [7–10]. Что касается расчета вероятности отцовства (например, на основе серологического исследования групп крови) исходя из априорной вероятности 0,5, то в случаях, когда по делу проходят не 2, а 3, 4 или более мужчин, даже если у каждого из них были одинаковые шансы стать отцом, априорное значение для каждого из них не может быть равным 0,5 (что часто постулируется как единственно верное значение), а должно уменьшаться соответственно до 0,33, 0,25 и т. д. [1].

Важно понять ограниченность «принципа безразличия», с одной стороны, и существование у априорной вероятности не только субъективных, но и объективных истоков, с другой. Варианты использования априорной вероятности в решении диагностических задач (вне рамок экспертной интуиции) рассмотрим на примерах установления общих признаков личности (пола, возраста и расы) в судебно-медицинской практике идентификации личности по неопознанному трупу.

1. Решая вопрос о половой принадлежности неизвестного лица (например, по частям или фрагментам трупа), эксперты выявляют диагностически значимые признаки, оценивают их информативность и формулируют итоговый вывод об искомом свойстве личности (примерно так можно представить традиционный алгоритм диагностики). Очевидно, что результат диагностики пола будет зависеть от расы, возраста и других свойств личности неизвестного лица – полодиагностическая информативность исходных, положенных в основу примененной методики признаков, как правило, в той или иной мере зависит от них и должна соответствующим образом учитываться. Пока сведений об иных свойствах личности неизвестного лица не имеется, необходимая корректировка данных не производится. Как только такие сведения поступают, эксперт корректирует свои результаты: либо производит переоценку полученных значений вероятностей о поле (например, при появлении сведений о расе, если имеются расовозависимые полодиагностические признаки); либо применяет другую полодиагностическую методику, рекомендованную для более узкой группы лиц (для европеоидов, если стало известно, что неизвестный европеоидного происхождения, и т. п.). В традиционной системе диагностики представленные варианты корректировки возможны, если имеются соответствующие частные методики. Для большинства ситуаций такие методики отсутствуют, а потому дополнительная информация о новом установленном свойстве личности зачастую не может быть адекватно учтена.

Между тем еще до получения сведений о расе или возрасте неизвестного лица корректировка данных все-таки возможна, если использовать данные

об априорной вероятности и функции правдоподобия исследуемых событий. Такой подход не гарантирует успех в каждом конкретном случае экспертной диагностики, но увеличивает количество верных решений в целом (в объемах работы эксперта за тот или иной промежуток времени, в масштабах деятельности экспертного учреждения или экспертной службы), что нельзя недооценивать, так как, по сути, это означало бы игнорирование самой возможности улучшения показателей эффективности экспертной деятельности.

Как правило, эксперты в своих расчетах исходят из равной вероятности того, что части или фрагменты трупа неизвестного лица, обнаруженные на месте происшествия, принадлежат лицу мужского или женского пола. И это кажется верным (почему должно быть отдано предпочтение той или иной стороне?). Однако представление о равном соотношении полов более-менее справедливо лишь по отношению к населению страны в целом. Общеизвестно, что рождается несколько больше мальчиков, равенство полов имеет место примерно в детские и юношеские годы – мальчики чаще болеют, по медико-биологическим причинам чаще элиминируются из популяции, и к этому времени их доля сравнивается с долей девочек. В дальнейшем (в период зрелости и в пожилом возрасте) наблюдается перевес лиц женского пола, так как мужчины, выбирая более рискованные для жизни сферы деятельности, быстрее и в большем количестве элиминируются из популяции по социально-биологическим причинам. Среди погибающих от действия внешних причин их больше в сравнении с женщинами примерно в 3–5 раз [4; 5].

Представленные выше сведения получены на основе «опыта», и в этом смысле они являются апостериорными (причем в данном примере вполне обоснованными и надежными, а не произвольными, «интуитивными»). Применительно к конкретной новой задаче их можно использовать уже в качестве априорных. И если результаты диагностики на основе морфологических признаков (по системе дерматоглифических признаков или по иной группе признаков) будут, например, в 9 раз в пользу мужского пола (вероятный вывод), то учет априорных данных может кардинально изменить ситуацию (вплоть до практически достоверного вывода).

Вариант 1 (традиционный расчет апостериорной вероятности без учета априорных данных). Допустим, некая подлежащая экспертному исследованию выборка состоит из 100 человек (в данном примере на результаты расчетов объем экспертной выборки принципиального влияния не оказывает), в которой соотношение представителей двух полов равно, как это часто принимается за истину, 1 : 1, т. е. она состоит из 50 мужчин и 50 женщин. Если в результате проведенных исследований станет известно, что установленный у исследуемого объекта комплекс признаков Σ_x встречается с частотой 90 % у мужчин ($P_M = 90,0 \%$) и 10 % у женщин ($P_{Ж} = 10,0 \%$), то из этого следует, что в данной выборке комплекс признаков Σ_x ожидаемо встретится 45 раз за счет присутствия в ней мужчин (частота комплекса признаков Σ_x у мужчин 90,0 %, а количество мужчин – 50) и еще 5 раз за счет присутствия в ней женщин (частота признака у женщин

10,0 %, а женщин 50) – всего 50 раз. Из этих 50 наблюдений 90 % мужчин и 10 % женщин.

Вариант 2 (предлагаемый расчет апостериорной вероятности – с учетом априорных данных). Допустим, в той же выборке из 100 человек соотношение представителей двух полов не 1 : 1, а пропорционально априорным данным о вероятности полов среди погибших от действия внешних причин (насильственная смерть) и равно $\approx 4 : 1$, т. е. она состоит не из 50 мужчин и 50 женщин, а из 80 мужчин и 20 женщин. В результате проведенных исследований известно, что исследуемый комплекс признаков Σ_x встречается у 90 % мужчин ($P_M = 90,0 \%$) и лишь у каждой десятой женщины ($P_{Ж} = 10,0 \%$). Из сделанного посыла следует, что в исследуемой выборке комплекс признаков Σ_x ожидаемо встретится 72 раза за счет присутствия в ней мужчин (частота комплекса признаков Σ_x у мужчин 90,0 %, а количество мужчин 80) и еще 2 раза за счет присутствия в ней женщин (частота признака у женщин 10,0 %, а женщин – 20) – всего 74 раза. Из этих 74 наблюдений 97 % мужчин и 3 % женщин. Таким образом, приняв во внимание априорные данные о доле мужчин среди погибших от действия внешних причин, эксперт повысил вероятность диагностируемого свойства личности из категории «вероятно» (90 %) до категории «практически достоверно» (97 %). Кратность различий с 9 : 1 увеличилась в 4 раза – до 36 : 1 (значение «97 %» быстрее и проще выводится по формуле: $36 / (36 + 1) \times 100 \%$ [1]).

После получения дополнительной информации о каком-либо ином свойстве личности появляется еще больше возможностей для корректировки первичных результатов, причем, как было отмечено ранее, и без дополнительного задействования частных диагностических методик. Так, если станет известно, что погибший является представителем монголоидной или смешанной (европеоидно-монголоидной) расы (например, в случае если местом обнаружения трупа явилось общежитие гастарбайтеров – выходцев из Средней Азии), можно учесть тот факт, что среди приезжающих на заработки из этого региона преобладают лица мужского пола, а среди погибающих из этой же группы, судя по судебно-медицинским данным [11], в подавляющем большинстве лица мужского пола – соотношение полов достигает 10–15 крат (в среднем около 12). Нехитрые расчеты позволят прийти к заключению, что в таком случае исходная кратность различий с 9 : 1 увеличится в 12 раз до 108 : 1, что будет означать вероятность диагностируемого свойства личности («мужской пол») около 99 %.

С позиции организации экспертного исследования дискуссионным является вопрос об источнике априорной информации: должен ли ее представлять следователь (суд), или же она может исходить от самого эксперта как носителя специальных знаний. На наш взгляд, возможны оба варианта. Когда априорная информация исходит от эксперта (например, в порядке экспертной инициативы), целесообразно представить результаты вычислительной диагностики в двух вариантах – традиционном и с использованием априорной вероятности. Несомненно,

мненно одно: эксперт в своем заключении обязан указать источник априорной информации (при необходимости обосновать ее величину), а формулировка экспертных выводов, основанных на априорной информации, должна быть не безусловной, а условной. Кроме того, со стороны следователя (суда) должна быть соответствующая готовность к восприятию вероятностных и условных выводов, а также рассмотрению более широкого спектра возможностей (условий) (в отношении некоторых видов экспертиз, например молекулярно-генетических, вероятностные и условные выводы уже сейчас воспринимаются как должные).

2. Большинство судебно-медицинских методик определения возраста разработаны относительно лиц в возрастном диапазоне от 16–18 до 65–75 лет, т. е., исключая детский, старческий возраст и возраст долгожителей. Традиционное объяснение строится на том, что крайние возрастные группы людей имеют свои возрастные закономерности развития и инволюции, резко отличающие их от средней (основной) группы. Однако такое объяснение является неполным. Вторым в порядке перечисления, но, возможно, первым по значению является объяснение на основе характеристики судебно-медицинского материала [4; 5; 11] – не менее чем в 95 % случаев объектами судебно-медицинской идентификационной экспертизы являются лица юношеского, молодого, зрелого и пожилого возрастов (в некоторых ситуациях доля погибших по возрастам может соответствовать только одной возрастной группе, например стариков). Таким образом, практический интерес оказывается важнейшей исходной (априорной) информацией для разработчиков экспертных методик, на основе которой составляются планы их научно-исследовательских работ.

В экспертной практике не учитывать это обстоятельство также нельзя, причем не только относительно всего возрастного диапазона, но и применительно к подгруппам средней (основной) группы. Так, по судебно-медицинским данным [11], наибольшее количество погибающих приходится на возрастную подгруппу от 20 до 60 лет (социально наиболее активная часть населения), с двумя пиками максимума – 25–35 и 45–55 лет. На возрастные подгруппы от 16 до 20 и от 60 до 75 лет приходятся минимумы насильственной смертности. Для каждой возрастной подгруппы имеются свои соотношения по полу среди погибших. Например, мужчин больше (в 3–5 раз) во всех возрастных подгруппах, кроме пожилого возраста. Последняя подгруппа представлена преимущественно женщинами (средняя продолжительность жизни в России, по данным Росстата [12], у мужчин – 67,5 лет, у женщин – 77,6), а потому именно они в 1,5–2 раза чаще становятся объектами насильственных действий. При введении в расчеты априорной информации о вероятности половой принадлежности пока еще неизвестного лица можно тем самым «влиять» на результат диагностики возраста – при прочих равных установленный женский пол «сдвинет» определяемую условную (апостериорную) вероятность в сторону пожилого возраста.

Возраст, как и многие другие свойства личности, зависит не от одного, а от множества условий. Расчеты просты (на уровне устных рассуждений и элементарных вычислений) в случаях, когда принимаются во внимание одно-два условия, но при большем их количестве и расчеты, и вычисления прогрессивно усложняются. Долгое время это служило одной из причин, вследствие которых представленный метод не находил широкого распространения в научной и тем более в экспертной среде. Современные программные средства и технические устройства снимают отмеченное выше ограничение. Однако во многих экспертных ситуациях и одного-двух условий оказывается вполне достаточно для значимого улучшения результативности диагностического процесса и (или) его оптимизации. Эксперт должен обладать определенной широтой познаний, уметь выбрать приоритетные условия, определить наиболее вероятные значения априорных вероятностей и руководствоваться ими в своей работе. В той или иной мере это происходит на практике без осознания самого факта, что в основе принимаемых решений лежит представление об априори.

Так, если среди погибших все лица пожилого возраста (например, в результате пожара в доме престарелых), то априорная вероятность пожилого возраста будет приближена к 1,0 или к 100 % (для остальных возрастных групп – к 0,0). Следовательно, и апостериорная вероятность для пожилого возраста также будет приближена к 1,0 или к 100 % (для остальных возрастных групп – к 0,0). В таких условиях экспертная диагностика возраста теряет всякий смысл: возраст погибших (в категориях возрастных групп) может быть установлен априори. Вероятнее всего, следователь не станет выносить перед экспертом вопрос о возрасте погибших, иначе будет иметь место неоправданная загрузка экспертов неактуальной в конкретных условиях задачей.

3. Среди отечественных экспертов доминирует представление о том, что при проведении вычислительной диагностики в отношении расы следует исходить из равной возможности встречи в популяции представителей двух основных рас: европеоидной или монголоидной. В действительности доля представителей этих рас в Российской Федерации не равна и составляет $\approx 89,0\%$ и $1,8\%$ [13; 14]. Оставшаяся доля ($\approx 9,2\%$) приходится на народы и этногруппы, относящиеся к смешанной европеоидно-монголоидной расе (негроидная раса в нашей стране представлена ничтожно малым количеством людей).

В системе вычислительной диагностики важно учитывать тот факт, что расселение народов на территории Российской Федерации крайне неоднородно. Согласно анализу результатов последней переписи населения 2010 г. [13] встречаются регионы со значительным (в 10–100 раз) преобладанием европеоидов (их большинство), с небольшим (в 3–10 раз) преобладанием европеоидов, с примерно равным соотношением европеоидов и монголоидов и с небольшим преобладанием монголоидов (таковых меньшинство – см. табл.).

()

Субъекты Российской Федерации	Раса, %		
	монголоидная	европеоидная	смешанная
Республика Калмыкия	59,7	37,1	3,2
Республика Саха (Якутия)	54,9	40,2	4,9
Республика Бурятия	31,8	67,3	0,9
Астраханская область	18,5	71,8	9,7
Тюменская область	11,1	82,0	6,9
Камчатский край	5,0	91,3	3,7
Республика Татарстан	3,2	41,4	55,4
Республика Башкирия	2,9	38,8	58,3
Томская область	2,7	95,2	2,1
Хабаровский край	2,5	95,0	2,5
Волгоградская область	2,5	94,1	3,4
Новосибирская область	2,4	96,2	1,4
Красноярский край	2,4	91,7	5,9
Приморский край	2,0	96,4	1,6
Архангельская область	1,3	97,5	1,2
Алтайский край	0,9	98,2	0,9
Санкт-Петербург	0,9	96,7	2,4
Московская область	0,8	96,6	2,6
Ленинградская область	0,7	97,0	2,3
Москва	0,7	95,7	3,6
Республика Крым	0,4	85,6	14,0

: результаты расчетов представлены по 21 из 85 субъектов Российской Федерации; в отношении остальных регионов сведения можно получить с опорой на соседние с ними субъекты РФ (так, в отношении Новгородской области сведения о расовом составе аналогичны данным по Ленинградской области).

Очевидно, что сведения об априорной вероятности встречи в том или ином регионе европеоида, монголоида или представителя смешанной расы позволяют получить более точный, конкретизированный результат вычислительной диагностики при решении экспертного вопроса о расовом типе неизвестного

человека. Так, если не вообще в мире, а конкретно в России (или еще точнее – в Астраханской области, например) априорные вероятности монголоидной, европеоидной и смешанной рас равны соответственно 18,5, 71,8 и 9,7 % (в сумме 100 % – полная группа событий, все события несовместные), а некий диагностически значимый (установленный при исследовании конкретного объекта) комплекс признаков Σ_Y встречается в каждой из групп с частотой соответственно 5, 80 и 30 %, то полная вероятность встречи диагностически значимого комплекса признаков Σ_Y составит $0,185 \times 0,05 + 0,718 \times 0,80 + 0,097 \times 0,30 = 0,009 + 0,574 + 0,029 = 0,613$, или 61,3 %. В таком случае вероятность того, что неизвестный человек окажется представителем монголоидной расы, равна $0,009 / 0,613 = 0,015$, или 1,5 % (а не 4,2 %, как можно было предполагать ранее), европеоидной – $0,574 / 0,613 = 0,938$, или 93,8 % (а не 69,6 %), смешанной – $0,029 / 0,613 = 0,047$, или 4,7 % (а не 26,2 %).

В случаях, когда эксперт не имеет документально подтвержденных данных об априорной частоте встречаемости того или иного диагностируемого свойства (признака) или явления, но обладает соответствующим диагностическим опытом, он может воспользоваться им, дав свою (субъективную) оценку априорной вероятности. В таком случае априорная вероятность, несмотря на субъективизм, не будет произвольной или интуитивной. После ее формализации можно включить ее значение в систему вычислительной диагностики и тем самым изменить итоговое решение основной исследовательской (экспертной) задачи.

Допустим, что совершена кража, совершил кражу мужчина, а у эксперта-криминалиста на основе многолетнего опыта сформировалась убежденность, что среди совершающих кражи мужчин в подавляющем большинстве встречаются европеоиды (примерно в соотношении 10 : 1 к монголоидам). Тогда среди совершивших данное преступление мужчин примерно 91 % европеоидов и 9 % монголоидов. Если диагностически значимый комплекс признаков Σ_Z встречается в каждой из групп с частотой соответственно 80 % и 5 %, то полная вероятность встречи Σ_Z составит $0,91 \times 0,80 + 0,09 \times 0,05 = 0,728 + 0,005 = 0,733$, или 73,3 %. В таком случае вероятность того, что неизвестное лицо, обладающее комплексом признаков Σ_Z , окажется представителем европеоидной расы, равна $0,728 / 0,733 = 0,993$, или 99,3 % (а не 94 %, как можно было предполагать ранее), а монголоидной – $0,005 / 0,733 = 0,006$, или 0,6 % (а не 6 %). Соотношение рас равно 160 : 1. Монголоидная раса тем самым окажется крайне маловероятной.

При условии ограниченной и небольшой по объему исследовательской выборки (до 5–10 человек) использование в расчетах априорной вероятности приобретает более определенный и вместе с этим динамичный (пошагово изменяющийся) характер.

Например, в частном вертолете, потерпевшем крушение, было 6 человек. Известно, что все погибшие лица мужского пола: четыре европеоида и два монголоида. Проверка дактилокарт погибших по дактилоскопическим учетам дала положительный результат только в отношении одного погибшего – монголоида.

Для установления личности остальных 5 погибших требуется проведение судебно-медицинской идентификационной экспертизы. Метод выбора – дерматоглифический (имеются дактилокарты).

На первом этапе априорная вероятность рас (европеоидная и монголоидная) исходя из соотношения 4 : 1 равна 80 % и 20 %. В отношении погибшего № 1 комплекс дерматоглифических признаков более характерен для европеоида, чем для монголоида – частота его встречаемости соответственно 92 % и 8 % (например, если на пальцах рук имеются только дуговые типы папиллярных узоров). В отношении погибшего № 2 аналогичные показатели: 88 % и 12 % (сочетание дуговых и петлевых узоров). В отношении погибшего № 3 – 75 % и 25 % (только петлевые узоры). В отношении погибшего № 4 – 70 % и 30 % (петлевые и завитковые узоры). В отношении погибшего № 5 – 20 % и 80 % (только завитковые узоры). С учетом априорных данных вероятность европеоидной расы в отношении погибшего № 1 равна 98 %, № 2 – 97 %, № 3 – 92 %, 4 – 90 %, № 5 – 50 %. Из этих данных следует, что раса (европеоидная) может быть уверенно установлена в отношении погибших № 1 и 2 (практически достоверный результат стал возможен только при учете априорной вероятности). Погибшие № 3 и 4 – вероятно европеоиды. В отношении погибшего № 5 – неопределенный результат диагностики.

На втором этапе априорная вероятность рас в отношении погибших № 3, 4 и 5 исходя из нового соотношения 2 : 1 (а не 4 : 1) равна соответственно 67 % и 33 %. В таком случае вероятность европеоидной расы в отношении погибшего № 3 – 86 %, № 4 – 82 %, № 5 – 33 %. Из этих данных следует вероятный вывод, что погибшие № 3 и 4 – европеоиды, и такой же вероятный (а не неопределенный, как ранее) вывод, что погибший № 5 – монголоид. Для окончательного решения вопроса о расе, очевидно, требуется применить иные методы исследования (например, краниоскопические, одонтоскопические).

Таким образом, использование априорной вероятности позволило вероятные выводы в отношении двух погибших перевести в категорию практически достоверных, с необходимой и достаточной степенью уверенности решить вопрос об их расовой принадлежности и тем самым оптимизировать исследовательский (экспертный) процесс, почти вдвое сократив количество дополнительных (более трудоемких) исследований.

Представленные выше рассуждения показывают, что теория вероятностей при корректном использовании может служить важным инструментом в решении диагностических задач судебной медицины и криминалистики. Введением дополнительно в систему вычислительной диагностики только одного параметра – априорной вероятности – возможно значительно расширить сферу применимости традиционных диагностических методик, повысить категоричность и достоверность принимаемых диагностических решений, сделать экспертные выводы в большей мере соответствующими конкретным условиям расследуемого дела.

1. Вейр Б. Анализ генетических данных. М.: Мир, 1995. 400 с.
2. Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 555 p.
3. Фокина А. А. Идентификация личности по папиллярным узорам рук с применением математических методов исследования. Киев: РИО МВД УССР, 1973. 117 с.
4. Божченко А. П., Попов В. Л., Заславский Г. И. Дерматоглифика при идентификации личности: учеб. пособие. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2008. 194 с.
5. Божченко А. П., Исаков В. Д. Возможности диагностики половой принадлежности человека на основе анализа дерматоглифических признаков пальцев рук // Проблемы экспертизы в медицине. 2004. № 2. С. 19–22.
6. Белкин Р. С. Курс криминалистики: общая теория криминалистики. В 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. 480 с.
7. Evett I., Williams R. A Review of the Sixteen Points Fingerprint Standard in England and Wales // Fingerprint Whorl. 1995. Vol. 21. № 82. P. 125–143.
8. Возможности и перспективы судебно-медицинской дерматоглифики / А. П. Божченко [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 3. С. 33–36.
9. Божченко А. П. Особенности строения папиллярных узоров пальцев рук, обусловленные их анатомической локализацией // Судебная экспертиза. 2016. № 4 (48). С. 67–80.
10. Ригонен В. И., Божченко А. П. Особенности дерматоглифической конституции русских Республики Карелия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 6 (151). С. 56–59.
11. Божченко А. П., Гомон А. А. Некоторые эпидемиологические особенности черепно-мозговой травмы в расово-этническом аспекте (на примере Санкт-Петербурга) // Судебная медицина: вопросы, проблемы, экспертная практика: сб. науч. тр. Новосибирск: ООО «СТТ», 2017. Вып. 3. С. 22–26.
12. Демография. Демографические расчеты. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://cbsd.gks.ru> (дата обращения: 15.12.2018).
13. Национальный состав населения. Всероссийская перепись населения 2010. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 16.12.2018).
14. Dermatoglyphics from all Chinese ethnic groups reveal geographic patterning / H. Zhang [etc.] // zhanghaiguo2002@yahoo.com.cn (дата обращения: 18.12.2018).

© Божченко А. П., 2019

References

1. Weir B. Genetic data analysis. Moscow: Mir; 1995: 400 p.
2. Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases. Cambridge: Cambridge University Press; 2005: 555 p.

3. Fokina A. A. Personal identification by papillary patterns of hands with the use of mathematical methods of research. Kiev: RIO MVD USSR; 1973: 117 p.
4. Bozhchenko A. P., Popov V. L., Zaslavskii G. I. Dermatoglyphics in personal identification. Study guide. Saint-Petersburg; 2008.
5. Bozhchenko A. P., Isakov V. D. Possibilities of diagnostics of sexual identity of an individual on the basis of the analysis of dermatoglyphic features of fingers. Problems of Examination in Medicine. 2004; 2: 19–22.
6. Belkin R. S. Forensics course. General theory of forensics. 3 vol. Vol. 3. Moscow: Iurist; 1997: 480 p.
7. Evett I., Williams R. A review of the sixteen points fingerprint standard in England and Wales. Fingerprint Whorl. 1995; V. 21; 82: 125–143.
8. Bozhchenko A. P., Tolmachev I. A., Moiseenko S. A., Kolkutin V. V., Rakitin V. A. Possibilities and prospects of forensic medical dermatoglyphics. Sudebno-Meditsinskaia Ekspertiza [Forensic Medical Examination]. 2009. No. 3. Pp. 33-36.
9. Bozhchenko A.P. Peculiarities of the structure of papillary patterns of fingers determined by their anatomical localization. Forensic Examination. 2016; 48 (4): 67–80.
10. Rigonen V. I., Bozhchenko A. P. Peculiarities of dermatoglyphic body type of Russians in the Republic of Karelia. Proceedings of Petrozavodsk State University. 2015; 151 (6): 56–59.
11. Bozhchenko A. P., Gomon A. A. Some epidemiological peculiarities of traumatic brain injury in a racial and ethnic aspect (through the example of Saint-Petersburg). Forensic Medicine: Issues, Problems, and Expert Practice. Novosibirsk: OOO "CTT"; 2017; 3: 22–26.
12. Demography. Demographic calculations. Federal State Statistics Service. Available from: <http://cbsd.gks.ru> [Accessed 15 December 2018].
13. National composition of the population. Russian census 2010. Federal State Statistics Service. Available from: <http://www.gks.ru> [Accessed 16 December 2018].
14. Zhang H., Chen Y., Ding M., Jin L. Dermatoglyphics from all Chinese ethnic groups reveal geographic patterning. Available from: zhanghaiguo2002@yahoo.com.cn [Accessed 18 December 2018].

© Bozhchenko A. P., 2019

* * *

ББК 67.521.3
УДК 343.982.35

DOI 10.25724/VAMVD.KCDE

.....,
старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России

В статье проведен исторический анализ развития научных знаний о сварке в криминалистике. Так, начиная с 1960-х гг. в криминалистической литературе встречаются работы по исследованию следов применения сварочных аппаратов. Однако в этих трудах разнятся понятия, отсутствует единая терминология в описании признаков, указывающих на вид примененного сварочного аппарата. Описание отобразившихся признаков основано на анализе недостаточного количества проведенных экспериментов.

Сегодня процесс формирования научных знаний о дифференциации сварочных аппаратов по следам их применения нашел свое отражение в работе А. Н. Бардаченко, которым были решены задачи, касающиеся понятий и теоретических основ криминалистического исследования следов термического воздействия при взломе металлических преград. Им впервые проведена оценка признаков в следах, образованных газовыми, дуговыми и плазменными металлорежущими аппаратами, предложена классификация сварочных аппаратов и их следов.

Вместе с тем, признавая теоретическую значимость проведенных исследований, считаем необходимым рассмотреть сварочные аппараты не только как средства разрушения преград, но и как инструмент (орудие преступления) для изготовления незаконных врезок в нефтепровод, самодельного производства огнестрельного оружия и взрывных устройств, незаконного внесения изменений в номерные обозначения и конструкцию транспортных средств, а также сокрытия следов иных преступлений посредством выполнения сварных работ.

..... : сварочные аппараты, электродуговая сварка, газовая сварка, следы сварки, следы резки металла.

A. I. Попов,

Senior Lecturer of the Chair of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activity of Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

THE GENESIS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE ABOUT TRACES OF USING WELDING MACHINES WHEN COMMITTING CRIMES

The article represents a historical analysis of development of scientific knowledge about welding in forensics. Thus, works on examination of traces of using welding machines have been published in forensic literature since the 1960s. However, the conducted examinations are incomplete. The notions are quite different in them, and there is no unified terminology in the description of specific features characterizing a particular type of the welding machine that was used. The description of the exposed features is based on the analysis of an insufficient number of experiments.

At the current stage, the development of scientific knowledge about welding machines' differentiation according to traces of their use is reflected in the work by A. N. Bardachenko. He managed to solve problems related to the notions and theoretical basics of forensic examination of traces of thermal impact caused by breaking metal obstacles. He was the first to evaluate specific features in traces formed by gas, arc and plasma metal-cutting machines and to offer classification of welding machined and their traces.

Along with this, the author admits the theoretical significance of the conducted examinations and supposes it is necessary to consider welding machines not only as means for breaking obstacles but also as tools (instruments of crime) for making illegal cuttings into an oil pipeline, producing self-made firearms and explosive devices, making illegal changes to numerical designators and transport vehicle design as well as covering traces of other crimes by carrying out welding works.

Key words: welding machines, electric arc welding, gas welding, welding traces, metal cutting traces.

* * *

История развития научных знаний о сварке и сварочных процессах прослеживается в письменных источниках с середины XVIII в. Однако потребовались многие годы совместных усилий ученых и инженеров, направленных на создание источников энергии, необходимых для реализации процесса электрической сварки металлов. Важную роль в этих разработках сыграли открытия и изобретения в области магнетизма и электричества.

Так, еще в 1753 г. занимавшийся исследованием атмосферного электричества академик Российской академии наук Г. В. Рихман вывел гипотезу о возможности использования «электрических искр» для плавления металлов.

В 1802 г. явление электрической дуги продемонстрировал на практике профессор Санкт-Петербургской военно-хирургической академии В. В. Петров. Позднее в 1882 г. российский ученый-инженер Н. Н. Бенардос, работая над созданием аккумуляторных батарей, открыл способ электродуговой сварки и резки металлов неплавящимся угольным электродом. В 1888 г. в ходе проведенных исследований были внесены предложения российским инженером Н. Г. Славяновым о проведении сварки электродом из металлического плавящегося стержня. В 1907 г. шведский инженер О. Кьельберг усовершенствовал электрод из металлического стержня и предложил наносить на него специальное покры-

тие, которое обеспечивало защиту сварочной ванны от воздействия кислорода и значительное улучшение сварного соединения.

Начиная с середины 1920-х гг. исследования технологии сварочных процессов были продолжены в Москве (К. К. Хренов, Г. А. Николаев), Владивостоке (В. П. Вологдин, С. А. Данилов, Н. Н. Рыкалин, Г. К. Татур), Ленинграде (В. П. Никитин, А. А. Алексеев, Н. О. Окерблом) и Киеве, где Е. О. Патон в 1929 г. организовал институт электросварки (ИЭС).

В настоящее время различают более 150 видов сварочных процессов: от дуговой до электронно-лучевой и лазерной сварки.

С развитием сварочных процессов совершенствовались и сварочные источники энергии. Трудность приобретения, большие габариты и вес промышленных сварочных аппаратов затрудняли их использование на месте происшествия, поэтому преступники изготавливали их самодельным способом, стремились модернизировать и улучшить их рабочие характеристики. По сравнению с предшественниками сварочные аппараты значительно уменьшились по весу и размеру и стали портативными, переносимыми, общей массой до 3 кг. В связи с этим следы их применения все чаще можно обнаружить на месте происшествия.

Анализ криминалистической литературы показал, что первые работы по исследованию следов сварки начинаются с 60-х гг. прошлого столетия и посвящены преимущественно исследованию следов взлома металлических хранилищ [1–5]. Так, в 1965 г. вышла одна из первых работ, в которой Е. Мирошниченко и М. В. Салтевским был описан случай хищения денежных средств из сейфа бухгалтерии на заводе прачечных машин, взломанного с помощью режущего аппарата [4 с. 30]. На основании проведенных экспериментов ими были описаны признаки взлома, образованные сварочными аппаратами дуговой резки, автогеном и бензорезом. По результатам работы установлено влияние вида применяемой энергии на следовую картину в целом. Помимо этого, исследователями получен ряд ценных сведений о побочных следах, сопутствующих применению режущих аппаратов.

Позднее в 1967 г. в журнале «Следственная практика» Г. В. Дашков [2] рассмотрел еще несколько случаев хищения денег из сейфов. Автором было установлено, что практика применения электросварочных аппаратов для резки металла в то время применялась крайне редко, обычно использовалась газовая резка. Электросварочный аппарат, не имея никаких существенных конструктивных преимуществ перед другими видами аппаратов, например перед ацетиленовым генератором, обладал рядом свойств, затрудняющих, а порой делающих невозможным его применение при резке металла. На данном основании в случае обнаружения признаков применения электросварочного аппарата можно было предположить, что либо у преступника не было возможности применить другой вид режущего аппарата, либо он, не имея профессиональных навыков и знания основ резания металла, совершенно случайно воспользовался аппаратом данного вида.

Позже в 1981 г. В. Ю. Владимиров провел эксперименты, результатом которых стало выявление отличия следов, образуемых аппаратами, специально предназначенными для газовой резки, от следов резки металла с использованием электросварочной аппаратуры [6]. Получены также результаты воздействия на преграду сварочных газов (ацетилена и пропан-бутана) и заметное отличие перечисленных двух групп объектов (следов газорезающей и газосварочной аппаратуры) от следов электрорезки по ширине реза, наличию капель и брызг, копоти светло-коричневого цвета в основном с противоположной стороны реза.

Перечисленные немногочисленные работы носили разрозненный характер, так как были основаны лишь на результатах проведенных экспериментов. В них не было общей методики исследования и рекомендаций по работе с такими следами на месте происшествия.

Недостаточная разработанность теоретических положений криминалистической экспертизы следов орудий взлома на металлических преградах и отсутствие практических рекомендаций по ее проведению были обозначены в 1985 г. в диссертации Б. П. Аугустинаса «Криминалистическое исследование взломанных (разрушенных) металлических преград» [7]. В ней на основе достижений того времени комплексно исследовались теоретические положения и практические вопросы производства криминалистических исследований следов взлома, образованных сварочными аппаратами. Автором были решены задачи, касающиеся понятий и теоретических основ криминалистического исследования следов термического воздействия при взломе металлических преград. Им впервые была проведена оценка признаков в следах, образованных различными металлорежущими аппаратами, и предложена классификация сварочных аппаратов и следов их отображений. Разработана методика осмотра места происшествия в целях получения исходных данных для назначения и производства криминалистических экспертиз. Даны рекомендации по обнаружению, фиксации и изъятию следов, необходимых для производства экспертизы, применительно к экспертизе следов взлома показана возможность проведения ситуалогической экспертизы.

Впервые Б. П. Аугустинас применил и исследовал в судебной экспертизе экспресс-методы для обнаружения меди на взломанных металлических преградах, когда разрез металла произведен посредством электродуговой резки; разработал и предложил формулы и математические методы подсчета для установления скорости резки металла, времени, необходимого для образования разрезов, количества необходимых горючих веществ и других материалов.

Таким образом, работа Б. П. Аугустинаса положила начало дальнейшим исследованиям и получению научных знаний в этой области криминалистики.

Позднее в 1989 г. вышло в свет учебное пособие «Исследование сварочных материалов и продуктов ручной дуговой сварки (резки)» [8], подготовленное сотрудниками ВНИИ МВД СССР А. И. Колмаковым, Б. В. Степановым, В. Е. Капитоновым. Авторами были рассмотрены вопросы исследования сварочных материалов ручной электродуговой сварки и разработана комплексная методика ис-

следования электродной проволоки, покрытий, сварного шва и шлака для установления марки электрода.

В этом же году Б. В. Степанов, В. Е. Капитонов, Н. В. Иванов опубликовали методические рекомендации «Криминалистическое исследование следов на металлических хранилищах, взломанных аппаратами термической резки» [9], где были рассмотрены вопросы, решаемые при исследовании следов на металлических хранилищах, взломанных аппаратами газовой и дуговой резки.

Позднее вышло еще несколько работ, в которых проводились исследования следов газорезающих и электродуговых режущих аппаратов, а также следов термического воздействия на металлические преграды паяльно-сварочными карандашами «Оксал-1», «Оксал-2» и «Оксал-М» [10].

Вместе с тем в 2014 г. существенный вклад в усовершенствование научных знаний по применению электродуговой и газокислородной резки металлов внес А. Н. Бардаченко. В своей диссертации «Криминалистическое исследование следов термической резки на преградах» [11] автор проанализировал конструктивные особенности и возможности современного портативного оборудования для термической резки металла, в частности портативных аппаратов плазменной резки. Им была предложена классификация следов термической резки и отображающихся в них признаков [11, с. 42]: в зависимости от места образования следов, например на самих преградах или на предметах окружающей обстановки, их следует делить на основные и дополнительные. Автором были разработаны методические рекомендации по обнаружению, фиксации и изъятию следов термической резки на преградах, а также их исследованию на месте происшествия для получения разыскной информации о виде оборудования, обстоятельствах его применения и навыках использования примененного аппарата лицом, совершившим взлом [11].

А. Н. Бардаченко экспериментально доказал возможность решения идентификационной задачи установления целого по частям объектов, разделенных с помощью аппаратов плазменной резки, а также разработал частную экспертную методику проведения такого исследования. В рамках комплексного экспертного исследования следов термической резки на преградах им был выделен комплекс организационно-правовых и методических проблем, а также на основе полученного эмпирического материала усовершенствована методика установления вида примененного для взлома сварочного аппарата. Для решения организационных проблем, возникающих у экспертов различных специальностей, автор предложил поэтапный алгоритм действий при решении подобной экспертной задачи. Разработаны также методические рекомендации по применению металлографического анализа, позволяющего определить параметры структурных составляющих материала металлической преграды, подвергшейся термической резке [11, с. 86].

В работе рассмотрены вопросы организации и использования экспертно-криминалистического учета следов орудий взлома, в частности следов термической резки на преградах. Даны рекомендации по его совершенствованию для более эффективного накапливания и использования следовой информации

о преступнике и примененных им орудиях: ведение учета данного вида следов также на федеральном уровне (в Экспертно-криминалистическом центре МВД России); приобщение к информационным картам натуральных объектов – фрагментов преград со следами термической резки; формирование компьютеризированных справочно-информационных фондов [11, с. 116].

Анализ научных источников, посвященных криминалистическому исследованию сварочных аппаратов и следов их применения, позволяет сделать вывод о том, что приоритет в решении теоретических и прикладных задач был отдан рассмотрению сварочных аппаратов как средства преодоления преград (резки металла). Признавая теоретическую и практическую значимость этих исследований, все же отметим, что возможности получения криминалистически значимой информации об использованном при совершении преступления сварочном аппарате по его следам на месте происшествия далеко не исчерпаны. При этом значительная часть вопросов научно-методического обеспечения криминалистического исследования сварочных аппаратов и следов их применения остается без должного внимания.

Таким образом, считаем необходимым выработать подход к криминалистической и судебно-экспертной оценке сварочных аппаратов не только как средств разрушения преград (стен и ворот металлических гаражей и др.), но и как инструмента для проведения незаконных врезок в трубы нефтепроводов, самодельного производства огнестрельного оружия и взрывных устройств, незаконного внесения изменений в номерные обозначения и конструкцию транспортных средств, изготовления контрафактной продукции, а также сокрытия следов иных преступлений посредством выполнения сварных работ.

1. Аугустинас Б. П. Криминалистическое исследование взломанных (разрушенных) металлических преград: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИСЭ, 1985. 205 с.

2. Дашков Г. В. Изучение следов взлома, образуемых в результате применения режущих аппаратов (электросварка, бензорез, автоген) // Следственная практика. 1967. Вып. 75. С. 82–92.

3. Ладин В. Н. Определение вида режущего аппарата по следам взлома на сейфе // Экспертная практика. 1962. Вып. 13. С. 99–104.

4. Мирошниченко Е., Салтевский М. В. К вопросу о криминалистическом исследовании следов взлома, образованных в результате применения режущих аппаратов // Экспертная техника. 1965. Вып. 6–7. С. 3–11.

5. Столбовский А. А. Определение вида сварочного аппарата, примененного для взлома запирающих устройств // Экспертная практика. 1978. № 11.

6. Владимиров В. Ю. Некоторые особенности экспертизы следов резки металла с использованием газосварочной аппаратуры // Экспертная практика. 1981. Вып. 17. С. 20–26.

7. Аугустинас Б. П. Исследование следов взлома преград, образованных металлорежущими аппаратами электрической и газовой резки металлов // Теоретические проблемы и практика трасологических и баллистических исследований: сб. науч. тр. М.: [б. и.], 1975. С. 34–66.

8. Колмаков А. И., Степанов Б. В., Капитонов В. Е. Исследование сварочных материалов и продуктов ручной дуговой сварки (резки): учеб. пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. 80 с.

9. Степанов Б. В., Капитонов В. Е., Иванов Н. В. Криминалистическое исследование следов на металлических хранилищах, взломанных аппаратами термической резки: метод. рекомендации. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. 40 с.

10. Ченцов Ю. Н., Ярмак В. А. О криминалистическом исследовании следов газорезающих аппаратов на металлах // Использование специальных познаний при расследовании преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1996. С. 8–15; Калякин А. В., Столбушкин В. А., Ляпин В. Ю. Особенности экспертного исследования следов термического воздействия на металлические преграды паяльно-сварочными карандашами типа «Оксал» // Судебная экспертиза. 2001. Вып. 1. С. 142–144.

11. Бардаченко А. Н. Криминалистическое исследование следов термической резки на преградах: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: ВА МВД России, 2014. 185 с.

© Попов А. И., 2019

References

1. Augustinas B. P. Forensic examination of broken (destroyed) metal obstacles. Dis. Cand. Law. Sci. Moscow: VNIISE; 1985: 205 p.

2. Dashkov G. V. Studying break-in traces formed as a result of using cutting machines (electric welding, power cutter, autogenous welder). Investigative Practice. 1967; 75: 82–92.

3. Ladin V. N. Determining the type of a cutting machine by break-in traces on a safe. Expert Practice. Kharkov; 1962: 13: 99–104.

4. Miroshnichenko E., Saltevskii M. V. Concerning forensic examination of break-in traces formed as a result of using cutting machines. Expert Technique. 1965; 6–7: 3–11.

5. Stolbovskii A. A. Determining the type of a welding machine used for breaking locking devices. Expert Practice. Moscow; 1978; 11.

6. Vladimirov V. I. Some peculiarities of examination of traces of metal cutting with the use of gas welding equipment. Expert Practice. 1981; 17: 20–26.

7. Augustinas B. P. The examination of traces of breaking obstacles formed by metal-cutting machines of electric and gas metal cutting. Theoretical problems and the practice of traceological and ballistic examinations. Collection of articles. Moscow; 1975: 34–66.

8. Kolmakov A. I. The examination of welding materials and manual arc welding (cutting) products. Study guide. A.I. Kolmakov, B.V. Stepanov, V.E. Kapitonov. Moscow: VNII MVD SSSR, 1989. 80 p.

9. Stepanov B. V. Kapitonov V. E., Ivanov N. V. Forensic examination of traces on metal vaults broken by thermal cutting machines. Methodological recommendations. Moscow: VNII MVD SSSR; 1989: 40 p.

10. Chentsov I. N., Iarmak V. A. Concerning forensic examination of gas electric cutting machines' traces on metals. The use of special knowledge in criminal investigation. Collection of articles. Volgograd: VIUI MVD Rossii; 1996: 8–15. Kaliakin A. V., Stolbushkin V. A., Liapin V. I. Peculiarities of expert examination of traces of thermal impact on metal obstacles by soldering and welding Oksal pencils. Forensic Examination. 2001; 1: 142–144.

11. Bardachenko A. N. Forensic examination of thermal cutting traces on obstacles. Dis. Cand. Law. Sci. Volgograd: VA MVD Rossii; 2014: 185 p.

© Попов А. И., 2019

ББК 67.521.4

УДК 343.983.22

DOI 10.25724/VAMVD.KDEF

.....,
старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;

.....,
доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук;

.....,
профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики
и судебных экспертиз Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н. Г. Чернышевского,
кандидат юридических наук;

.....,
начальник следственного управления Приволжского линейного управления
МВД России на транспорте, кандидат юридических наук

9,0-

9 × 18 ()

В статье рассматриваются вопросы установления дистанции близкого выстрела при производстве стрельбы из 9,0-мм оружия патронами 9 × 18 (ПМ). На основе серий экспериментальной стрельбы из 9,0-мм пистолетов-пулеметов «Кипарис», «Кедр» и пистолета Макарова (ПМ) проведен сравнительный анализ морфологической картины следов близкого выстрела на определенных рас-

стояниях в пределах 200 см, выявлены некоторые закономерности, позволяющие дифференцировать определенные группы следов, образующихся при стрельбе из 9,0-мм огнестрельного оружия исследуемых моделей. Описывается комплекс информационно значимых признаков, которые надлежит выявлять и принимать в расчет при исследовании аналогичных повреждений в ходе определения дистанции близкого выстрела.

Результаты представленного исследования дают возможность экспертам-криминалистам достаточно точно определять следы близкого выстрела из данного оружия, что, по мнению авторов, существенно повысит эффективность судебно-баллистических экспертных исследований, а также осмотров мест происшествий при установлении обстоятельств применения огнестрельного оружия.

: патроны 9 × 18 мм, огнестрельное повреждение, следы близкого выстрела, судебно-баллистическая экспертиза, дистанция выстрела.

I. A. Chulkov,

Senior Lecturer of the Chair of Traceology and Ballistics
of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia;

A. A. Nurushev,

Associate Professor of the Chair of Traceology and Ballistics
of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law);

V. M. Yurin,

Professor of the Chair of Criminal Procedure, Criminalistics
and Forensic Expertise of the Saratov National Research State University
n. a. N. G. Chernyshevsky, Candidate of Science (Law);

R. K. Nalgiev,

Head of the Investigation Department of the Volga Linear Directorate
of the Ministry of Interior of Russia in Transport, Candidate of Science (Law)

**DETERMINING THE DISTANCE OF A CLOSE SHOT WHEN SHOOTING
FROM A 9.0 MM WEAPON CARTRIDGES OF 9 × 18 MM (PM)**

The article is devoted to determining the distance of a close shot when firing from 9.0 mm weapons with 9 × 18 cartridges (PM). Based on a series of experimental firing of 9.0 mm cypress, Kedr and PM pistol submachine guns, a comparative analysis of the morphological picture of the traces of a close shot at certain distances within 200 cm was carried out, some patterns were revealed that made it possible to distinguish certain groups of traces formed when firing from 9.0 mm firearm of the studied models. A set of informationally significant features is described that should be identified and taken into account when examining similar injuries when determining the distance of a close shot.

The results of the presented study enable forensic experts to accurately determine the traces of a close shot from a given weapon, which, according to the authors, will significantly increase the effectiveness of forensic ballistic expert studies, as well as inspections of the accident scene when establishing the circumstances of the use of firearms.

Key words: 9x18 mm cartridges, fire damage, traces of a close shot, forensic ballistic examination, shot distance.

* * *

При раскрытии и расследовании преступлений различных категорий получение достоверной информации об обстоятельствах применения огнестрельного оружия, в частности в котором при стрельбе используются патроны 9 × 18 мм (ПМ), является важнейшим фактором успешного разрешения уголовного дела [1, с. 23].

Анализ оперативно-следственной и экспертной практики свидетельствует о том, что при установлении обстоятельств преступления, связанных с применением огнестрельного оружия, в той или иной ситуации на экспертное исследование нередко направляются объекты со следами воздействия дополнительных факторов выстрела, в отношении которых ставятся на разрешение задачи по определению дистанции выстрела.

В криминалистической литературе последних лет достаточно внимания уделяется исследованию следов, образующихся в результате воздействия дополнительных факторов выстрела при производстве стрельбы из огнестрельного нарезного оружия [2; 3–5 и др.]. Однако не все аспекты криминалистической характеристики следов близкого выстрела изучены с исчерпывающей полнотой. Пробел в исследовании образуется в результате появления новых моделей оружия и их разновидностей, используемых патронов и т. д.

Не вызывает сомнения тот факт, что, наряду с определенной схожестью морфологической картины следов близкого выстрела, выявляются и известные различия, обусловленные, например, длиной ствола используемого оружия. Так, в пистолетах-пулеметах «Кипарис» и ПП-93 длина ствола составляет 156 мм, у «Кедра» и «Клина» – 120 мм, в автоматическом пистолете Стечкина (АПС) – 124 мм, ПМ – 93 мм.

На этом основании авторами были определены следующие задачи научного исследования: проанализировать морфологическую картину следов близкого выстрела из исследуемого оружия и выделить проявляющиеся тем или иным образом группы следов близкого выстрела в целях определения дистанции выстрела при производстве стрельбы из огнестрельного нарезного оружия с использованием патронов 9 × 18 мм (ПМ).

В целях решения обозначенных задач авторы провели специальное экспериментальное исследование для изучения морфологии следов близкого выстрела из 9,0-мм пистолетов-пулеметов «Кипарис», «Кедр» и пистолета ПМ.

Постановка экспериментальных стрельб осуществлялась с использованием трех пистолетов-пулеметов «Кипарис», трех пистолетов-пулеметов «Кедр» и пяти пистолетов ПМ с малоизношенными каналами стволов патронами 9 × 18 мм с условным обозначением патрона правоохранительных органов в мишени, изготовленной из белой бязи малой степени износа, размером 400 × 400 мм под углом 90° на дистанциях от 0 см (упор) до 200 см. Ткань крепилась на кусках гофрированного картона. На каждой из дистанций производилось по три выстрела из каждого оружия. Для обнаружения ионов меди оболочки пули в зоне повреждения на мишенях использовался диффузно-контактный метод (ДКМ) [6, с. 7].

Для определения наличия меди использовался достаточно опробованный в практике раствор рубеановодородной кислоты ($\text{NH}_2\text{C}(\text{S})\text{C}(\text{S})\text{NH}_2$) в этиловом спирте. При этом в качестве растворителя применялся 12 %-й раствор аммиака (квалификация «Ч»).

В качестве носителя будущей контактограммы выступила отфиксированная фотобумага «Унибром» (глянцевая, нормальная, тонкая), которая промывалась в дистиллированной воде, выдерживалась в реактиве-растворителе в течение 10 минут. Излишки реактива-растворителя удалялись фильтровальной бумагой. Под прессом мишень и фотобумага выдерживались 10 минут.

Фотобумага с полученными контактограммами промывалась в дистиллированной воде, затем высушивалась.

Анализ картины со следами близкого выстрела, сформировавшейся в результате применения названного огнестрельного нарезного оружия, позволил установить следующее.

1. Повреждения, в том числе выявленные разрывы ткани, образуются в результате механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха. Они обнаруживаются при производстве выстрелов из пистолетов-пулеметов «Кипарис», «Кедр» и пистолета ПМ на дистанциях до 3 см. При этом важно отметить, что при исследовании одного и того же оружия можно встретить противоречивые данные о механическом воздействии газов. Это объясняется невозможностью повторения всех условий эксперимента (различные экземпляры оружия, патроны и материал для мишеней). В связи с этим при решении вопроса о дистанции выстрела экспериментальные отстрелы должны проводиться в условиях, максимально приближенных к условиям производства выстрела на месте происшествия. Конкретные результаты, полученные в части выявления характера и особенностей повреждений (разрывов) ткани, приведены в табл. 1.

()

	« - »	« - »	
0 (упор)	Крестообразный разрыв размером 15–55 мм от краев повреждения	Крестообразно-лоскутный разрыв размером 5–10 мм от краев повреждения	Крестообразно-лоскутный разрыв размером 17–31 мм от краев повреждения
1	Крестообразный или крестообразно-лоскутный разрыв размером 35–80 мм от краев повреждения	В ряде случаев линейный разрыв с размером лучей до 40 мм от краев повреждения	Крестообразный разрыв размером 17–55 мм от краев повреждения
3	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует

2. Отложение копоти. Наличие и особенности отложения копоти – очень важный признак при установлении дистанции выстрела. При этом важно отметить, что факторы, способные оказывать влияние на расстояние, на которое возможно продвижение облака копоти в воздушном пространстве, достаточно разнообразны. Однако в первую очередь к ним следует отнести факторы, связанные с патроном, который был использован в ходе стрельбы: его вид, состояние, количество пороха; вид, состояние капсюльного состава; материал снаряда (пули), гильзы и капсюля.

Исследованием установлено, что отложения копоти разной степени интенсивности выявляются: у пистолета-пулемета «Кипарис» и пистолета ПМ на дистанциях до 45 см, а у пистолета-пулемета «Кедр» – до 40 см. При этом копоть в виде двух зон – центральной и периферийной – встречается при стрельбе из пистолета-пулемета «Кипарис» и пистолета ПМ на дистанциях в пределах 25 см, а из пистолета-пулемета «Кедр» – до 20 см. Конкретные результаты установления особенностей отложения копоти при стрельбе из исследуемого оружия представлены в табл. 2.

	« - »	« - »	
0 (упор)	Центральная и периферийная зоны диаметром 25–30 мм и 45–60 мм соответственно	Центральная и периферийная зоны диаметром 20–25 мм и 30–40 мм соответственно	Центральная и периферийная зоны диаметром 25 мм и 30–35 мм соответственно. В периферийной зоне наблюдается кольцо

1	Центральная и периферийная зоны диаметром 35–40 мм и 70–90 мм соответственно	Центральная и периферийная зоны диаметром 70–75 мм и 120–125 мм соответственно. В центральной зоне просматриваются радиальные лучи	Центральная и периферийная зоны диаметром 50–55 мм и 100–110 мм соответственно
3	Центральная и периферийная зоны диаметром 55–60 мм и 125–140 мм соответственно. По краю периферийной зоны наблюдаются фрагменты кольца	Центральная и периферийная зоны диаметром 85–90 мм и 160–170 мм соответственно. В отложении просматриваются четыре радиальных луча	Центральная и периферийная зоны диаметром 80–90 мм и 120–130 мм соответственно. В центральной зоне наблюдаются радиальные лучи, в периферийной – кольцо
5	Центральная и периферийная зона диаметром 90–95 мм и 120–125 мм соответственно. В центральной зоне наблюдаются дуги и радиальные лучи	Центральная и периферийная зоны диаметром 50–55 мм и 185–200 мм соответственно. В зонах наблюдаются радиальные лучи, кольца или их фрагменты	Центральная и периферийная зоны диаметром 80–90 мм и 120–130 мм соответственно. При этом в центральной зоне часто наблюдается отложение в виде радиальных лучей
7	Центральная и периферийная зоны диаметром до 35 мм и до 140 мм соответственно. В средней части наблюдается отложение копоти в виде кольца	Центральная и периферийная зоны диаметром 35–40 мм и 200–220 мм соответственно. В зонах наблюдаются радиальные лучи. В периферийной зоне наблюдаются кольца или их фрагменты	Центральная и периферийная зоны диаметром 45–50 мм и 130–150 мм соответственно. На расстоянии 35–40 мм от центра повреждения наблюдается кольцо
10	Центральная и периферийная зоны диаметром 20–25 мм и до 140 мм соответственно. В средней части наблюдается отложение копоти в виде кольца	Центральная и периферийная зоны диаметром 30–35 мм и 200–210 мм соответственно. В зонах просматриваются слабо выраженные радиальные лучи. В периферийной зоне – отложения копоти в виде колец или их фрагментов	Центральная и периферийная зоны диаметром 25–40 мм и 145–165 мм соответственно. При этом на расстоянии 45–50 мм от центра выявляемого повреждения отложение в виде кольца с четырьмя выраженными дугообразными участками

	« - »	« - »	
15	Центральная и периферийная зоны диаметром 24–35 мм и до 110 мм соответственно. Ближе к краю периферийной зоны наблюдается отложение копоти в виде кольца	Центральная и периферийная зоны диаметром 25–30 мм и 190–210 мм соответственно. При этом в центральной зоне выявляются слабовыраженные радиальные лучи, а в периферийной зоне – проявления в виде колец или их фрагментов	Центральная и периферийная зоны диаметром 40–50 мм и 155–175 мм соответственно. На расстоянии 40–50 мм от центра повреждения отложение в виде кольца с четырьмя слабовыраженными дугообразными участками
20	Центральная и периферийная зоны диаметром до 30 мм и 110–120 мм соответственно. Ближе к краю периферийной зоны наблюдается копоть в виде кольца	Центральная и периферийная зоны четко не разделены. Отложение диаметром 185–200 мм. Также просматриваются нечетко выраженные радиальные лучи, кольца, их фрагменты	Центральная и периферийная зоны диаметром 60–65 мм и 120–130 мм соответственно. На расстоянии 55–60 мм от центра повреждения отложение в виде кольца
25	Центральная и периферийная зоны четко не разделены между собой. Копоть небольшой интенсивности диаметром, не превышающим 110 мм. Ближе к краю – отложение копоти в виде кольца	Центральная и периферийная зоны не разделены. Отложение копоти диаметром 200–210 мм. Просматриваются слабовыраженные кольца или их фрагменты	Центральная и периферийная зоны не разделены. Отложение копоти диаметром 120–125 мм небольшой интенсивности
30	Отложение небольшой интенсивности диаметром до 75 мм	Отложение небольшой интенсивности диаметром 170–190 мм	Отложение крайне слабой интенсивности диаметром 130–145 мм
35	Отложение копоти весьма слабой интенсивности	Отложение копоти весьма слабой интенсивности	Отложение копоти весьма слабой интенсивности
40	Степень проявления неустойчивая. В случаях отложения интенсивность весьма слабая	Отложение весьма слабой интенсивности, островкового и облачного характера	Степень проявления неустойчивая. В случаях отложения интенсивность весьма слабая
45	Отсутствует	Степень проявления неустойчивая. В случаях отложения интенсивность весьма слабая	Отсутствует
50	–	Отсутствует	–

3. Отложение зерен пороха. Обнаружение несгоревших, полусгоревших зерен пороха или их частиц является также очень значимым диагностическим признаком при определении дистанции выстрела. При этом важно отметить, что, несмотря на попытки добиться сгорания пороха в патронах, в момент выстрела часть порохового заряда в измененном или даже неизменном состоянии выбрасывается в воздух. На дальность полета несгоревших пороховинок или их остатков и характер их отложения на преградах влияют, как правило, те же факторы, которые действуют на копоть выстрела и о которых упоминалось ранее. Однако следует отметить еще одно обстоятельство, оказывающее влияние на дальность полета, – форму зерен пороха. Как показали наши исследования при стрельбе из пистолетов-пулеметов «Кипарис», «Кедр» и пистолета ПМ, зерна пороха обнаруживаются на дистанциях в пределах 200 см. Конкретные результаты в части установления особенностей отложения зерен пороха, полученные при производстве стрельбы из исследуемого оружия, представлены в табл. 3.

3

	« »	« »	
0 (упор)	Единичные в отдельных случаях	Единичные	В незначительном количестве
1	Единичные	Единичные	В незначительном количестве
3	В значительном количестве	Единичные	В небольшом количестве
5	В значительном количестве	Единичные	В незначительном количестве
7	Основная масса в виде осыпи в центральной зоне отложения копоти	Единичные	В небольшом количестве
10	Основная масса в виде осыпи в центральной зоне отложения копоти	В небольшом количестве	Основная масса в виде осыпи диаметром 50–55 мм
15	Основная масса в виде осыпи в центральной зоне отложения копоти	В небольшом количестве	Основная масса в виде осыпи диаметром 65–70 мм
20	Основная масса в виде осыпи диаметром до 55 мм	В небольшом количестве	Основная масса в виде осыпи диаметром 80–85 мм

	« »	« »	
25	Основная масса в виде осыпи диаметром до 60 мм	В небольшом количестве	Основная масса в виде осыпи диаметром 80–90 мм
30	Основная масса в виде осыпи диаметром до 85 мм	В небольшом количестве	Основная масса в виде осыпи диаметром 95–100 мм
35	Основная масса в виде осыпи диаметром до 70 мм	В небольшом количестве	Основная масса в виде осыпи диаметром до 100–110 мм
40	Основная масса в виде осыпи диаметром до 65 мм	В небольшом количестве	Основная масса в виде осыпи диаметром 100–120 мм
45	В виде осыпи в окружности повреждения	В небольшом количестве	Основная масса в виде осыпи диаметром 110–120 мм
50	В виде осыпи в окружности повреждения	В небольшом количестве	Основная масса в виде разреженной осыпи диаметром 170–180 мм
55–60	В умеренном количестве	В небольшом количестве	Основная масса в виде разреженной осыпи диаметром 120–130 мм
70–80	В небольшом количестве	В небольшом количестве	В небольшом количестве
100–130	Единичные	В небольшом количестве	Единичные
140–160	Единичные	В небольшом количестве	Единичные
165–200	Единичные	Единичные	Единичные

4. Отложение ионов меди. Обнаружение на объекте конкретных металлов, в том числе ионов меди, также является важным диагностическим признаком при определении дистанции выстрела. Выявление при производстве стрельбы из пистолетов-пулеметов «Кипарис», «Кедр» и пистолета ПМ гомогенного отложения ионов меди с помощью ДКМ возможно на дистанциях до 35 см. Гомогенное отложение разной степени интенсивности в виде центральной и периферийной зон наблюдается при производстве стрельбы из пистолетов-пулеметов на дистанциях до 30–35 см, а из пистолета ПМ – в пределах 40 см. Конкретные

результаты обнаружения особенностей отложения ионов меди, полученные при производстве стрельбы, представлены в табл. 4.

4

	« - »	« - »	
0 (упор)	Гомогенное отложение диаметром 25–30 мм	Центральная зона диаметром до 35 мм, периферийная – до 50 мм	Центральная зона диаметром 30–35 мм, периферийная – до 65 мм
1	Центральная зона диаметром 30–40 мм, периферийная – 65–90 мм	Центральная зона диаметром до 35 мм, периферийная – до 85 мм	Центральная зона диаметром до 60 мм, периферийная – до 130 мм
3	Центральная зона диаметром 20–25 мм, периферийная – 70–75 мм. Точечные отложения занимают доминирующее положение по сравнению с мелкоочаговыми отложениями	Центральная зона диаметром до 30 мм, периферийная – до 95 мм. Мелкоочаговые отложения преобладают над точечными	Центральная зона диаметром до 90 мм, периферийная – облачного характера. В зоне диаметром 30–40 мм наблюдается осыпь мелкоочаговых отложений
5	Центральная зона диаметром до 30 мм, периферийная – 80–95 мм. По краю периферийной зоны – отложение в виде кольца. Точечные отложения занимают доминирующее положение по сравнению с мелкоочаговыми отложениями	Центральная зона диаметром до 30 мм, периферийная – до 95 мм. В зоне диаметром до 95 мм часто выявляется осыпь как точечных, так и мелкоочаговых отложений	Центральная зона диаметром до 100 мм. В зоне диаметром 40–50 мм часто выявляется осыпь мелкоочаговых отложений
7	Центральная зона диаметром 20–35 мм, периферийная – 100–105 мм. Точечные и мелкоочаговые отложения локализованы в основном в периферийной зоне	Центральная зона диаметром до 30 мм, периферийная – весьма слабой интенсивности. В зоне диаметром до 110 мм выявляется осыпь точечных и мелкоочаговых отложений	Центральная зона диаметром до 40 мм, периферийная – облачного характера. В зоне диаметром 50–55 мм выявляется осыпь мелкоочаговых отложений

	« - »	« - »	
10	Центральная зона диаметром 22–32 мм, периферийная – 110–120 мм. Точечные и мелкоочаговые отложения локализованы в основном в периферийной зоне	Центральная зона диаметром до 30 мм, периферийная – крайне слабой интенсивности. В зоне диаметром до 130 мм наблюдается осыпь точечных и мелкоочаговых отложений	Центральная зона диаметром до 40 мм, периферийная – облачного характера. В зоне диаметром до 70–80 мм выявляется осыпь мелкоочаговых отложений
15	Центральная зона диаметром 33–35 мм, периферийная – 75–90 мм, облачного характера. Выявляется осыпь мелкоочаговых отложений диаметром 40–45 мм	Центральная зона диаметром до 20 мм, периферийная – крайне слабой интенсивности. В зоне диаметром до 150 мм выявляется осыпь точечных и мелкоочаговых отложений	Центральная зона диаметром 50–55 мм. Выявляется осыпь в виде мелкоочаговых отложений диаметром до 75 мм
20	Гомогенное отложение диаметром 35–40 мм. Зоны не имеют четкого разделения. Выявляется осыпь в виде мелкоочаговых отложений диаметром 40–50 мм	Отложение в центральной зоне слабой интенсивности диаметром до 20 мм, в периферийной – очень слабой интенсивности. В зоне диаметром до 150 мм выявляется осыпь в виде точечных и мелкоочаговых отложений	Отложение в центральной зоне диаметром не более 60 мм, в периферийной зоне – облачного характера. Выявляется также осыпь в виде мелкоочаговых и точечных отложений диаметром до 75 мм
25	Гомогенное отложение диаметром 40–45 мм. Точечные и мелкоочаговые отложения распределены сравнительно равномерно	Отложение в центральной зоне диаметром до 15 мм, в периферийной – крайне слабой интенсивности. В зоне диаметром до 130 мм наблюдается осыпь точечных и мелкоочаговых отложений	Отложение слабовыраженное, остроконечного характера, диаметром до 100 мм. Выявляется осыпь мелкоочаговых и точечных отложений диаметром до 80 мм
30	Гомогенное отложение диаметром 30–35 мм, слабой интенсивности. Мелкоочаговые и точечные отложения распределены сравнительно равномерно	Гомогенное отложение крайне слабой интенсивности. В зоне диаметром до 130 мм наблюдается осыпь в виде точечных и мелкоочаговых отложений	Гомогенное отложение слабовыраженное, диаметром не более 100 мм. В зоне диаметром до 90 мм наблюдается осыпь в виде мелкоочаговых и точечных отложений

. 4

	« - »	« - »	
35	Мелкоочаговые и точечные отложения в преобладающем количестве, распределены относительно равномерно	Мелкоочаговые и точечные отложения. В зоне диаметром до 120 мм наблюдается осыпь в виде точечных и мелкоочаговых отложений	Гомогенное отложение очень слабой интенсивности, наблюдается в отдельных случаях. Мелкоочаговые и точечные отложения в виде осыпи диаметром не более 100 мм
40	Мелкоочаговые и точечные отложения в большом количестве. Распределены сравнительно равномерно	Мелкоочаговые и точечные отложения локализованы преимущественно на участке диаметром до 120 мм. Точечные отложения занимают доминирующее положение по сравнению с мелкоочаговыми отложениями	Мелкоочаговые и точечные отложения. Основная масса мелкоочаговых отложений просматривается в зоне диаметром, не превышающим 150 мм. Точечные отложения имеют преобладающее значение по сравнению с мелкоочаговыми отложениями
45–80	Мелкоочаговые и точечные отложения распределены относительно равномерно	Мелкоочаговые и точечные отложения распределены относительно равномерно	Мелкоочаговые и точечные отложения распределены относительно равномерно
100–130	Единичные мелкоочаговые и точечные отложения	Мелкоочаговые и точечные отложения в малом количестве, распределены сравнительно равномерно	Мелкоочаговые и точечные отложения в малом количестве, распределены сравнительно равномерно
140–160	Единичные мелкоочаговые и точечные отложения	Единичные мелкоочаговые и точечные отложения	Мелкоочаговые и точечные отложения в небольшом количестве
165–200	В отдельных случаях обнаруживаются точечные единичные отложения	В отдельных случаях обнаруживаются точечные единичные отложения	Мелкоочаговые и точечные отложения в малом количестве

. На основе проведенных авторами исследований можно сделать следующие выводы:

1. Максимальные дистанции, фиксируемые в результате выявления одноименных дополнительных следов выстрела при производстве стрельбы из 9,0-мм огнестрельного оружия патронами 9 × 18 мм (ПМ), являются практически одинаковыми. При этом длина ствола не оказывает существенного влияния на картину выявляемых признаков. Обнаруживаются отдельные различия в пределах, не превышающих 5 см.

2. Характер и степень выраженности, а также локализация и другие характеристики выявляемых следов близкого выстрела на одних и тех же дистанциях позволяют разграничивать обнаруживаемые огнестрельные повреждения, образующиеся в результате использования конкретного вида оружия при производстве стрельбы с близких дистанций.

3. В ряду выделяемых одноименных дистанций в следах выстрела на пораженных объектах достаточно отчетливо проявляются морфологические признаки (особенности), характерные для определенной модели оружия, используемого при стрельбе патроном 9 × 18 мм (ПМ).

4. Полученные результаты экспериментального исследования могут быть использованы для дальнейшего более точного установления дистанции близкого выстрела из оружия патронами 9 × 18 мм (ПМ). Эти результаты также будут способствовать повышению эффективности деятельности по подготовке и проведению экспертных экспериментов в части определения дистанции выстрела с использованием указанных патронов.

1. Расследование преступлений против личности и собственности: курс лекций / А. И. Гаевой [и др.]; под общ. ред. В. М. Юрина. М.: ДГСК МВД России, 2011.

2. Бардаченко А. Н., Бобовкин М. В., Ручкин В. А. Сравнительная характеристика следов близкого выстрела на преградах из охотничьего карабина «ОПСКС» и карабина «СКС» // Судебная экспертиза. 2015. № 2 (42). С. 62–71.

3. Латышов И. В., Чулков И. А., Донцов Д. Ю. Сравнительные характеристики следов близкого выстрела при стрельбе из 5,45-мм автоматов АК-74М и АКС-74У // Судебная экспертиза. 2013. № 1 (33). С. 60–70.

4. Латышов И. В., Никитин И. И., Чулков И. А. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Ч. 12: 9,0-мм автоматический пистолет Стечкина (АПС): справ.-метод. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2009.

5. Резван А. П., Никитин И. И., Чулков И. А. Сравнительные характеристики следов близкого выстрела при стрельбе из 7,62-мм автомата Калашникова (АКМ) и 7,62-мм самозарядного карабина Симонова // Судебная экспертиза. 2012. № 1 (29). С. 94–101.

6. Афанасьев И. Б., Юдина Т. Ю. Диффузно-контактный метод при исследовании следов продуктов выстрела: метод. рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2015.

© Чулков И. А., Нурушев А. А., Юрин В. М., Нальгиев Р. К., 2019

References

1. Gayevoy A. I., Kolchugin A. G., Kunitsyna A. V., Yurin V. M. Investigation of crimes against individuals and property. Lecture Course / under the General Ed. V. M. Yurina. Moscow: DGSK MVD Rossii; 2011.

2. Bardachenko A. N., Bobovkin M. V., Ruchkin V. A. Comparative characteristics of traces of a close shot on the obstacles from the hunting rifle "OP-SKS" and the carbine "SKS". Forensic examination. 2015; 42 (2): 62–71.

3. Latyshov I. V., Chulkov I. A., Dontsov D. Yu. Comparative characteristics of close-shot traces when shooting from 5.45 mm AK-74M and AKS-74U rifles. Forensic examination. 2013; 33 (1): 60–70.

4. Latyshov I. V., Nikitin I. I., Chulkov I. A. Small arms and their traces on bullets, sleeves and barriers. P. 12: 9.0 mm Stechkin automatic pistol (APS). Sprav. Method. allowance. Volgograd: VA MVD Rossii; 2009.

5. Rezvan A. P., Nikitin I. I., Chulkov I. A. Comparative characteristics of traces of a close shot when firing from a 7.62 mm Kalashnikov assault rifle (AKM) and a 7.62 mm self-loading Simonov rifle. Forensic examination. 2012; 29 (1): 94–101.

6. Afanasyev I. B., Yudina T. Yu. Diffuse-contact method in the study of traces of shot products. Guidelines. Moscow: EKTS MVD Rossii, 2015.

© Chulkov I. A., Nurushev A. A., Yurin V. M., Nalgiev R. K., 2019

* * *

ББК 67.521.6
УДК 343.982.323

DOI 10.25724/VAMVD.KEFG

.....,
преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье анализируется актуальность криминалистической идентификации лиц по признакам внешности, объясняется ее эффективность для решения задач, возложенных на сотрудников правоохранительных органов. Отмечается вклад в габитоскопию ученых-криминалистов, чьи труды легли в основу учения о внешнем облике человека. Рассматриваются свойства внешнего облика человека и условия использования признаков внешности для его идентификации, а также ряд факторов изменения внешнего облика человека, затрудняющих его отождествление.

Приводятся примеры неудачной оперативной идентификации разыскиваемых лиц вследствие несущественного изменения признаков внешности наблюдаемого лица. Разбираются психофизиологические особенности деятельности человека, обеспечивающие избирательный характер психических процессов и способные воспрепятствовать отождествлению разыскиваемого человека по его мысленному образу либо описанию, в числе которых отмечены сила раздражителя, новизна раздражителя, объем и направление внимания. Даются рекомендации, позволяющие развить способность управлять вниманием, а также добиться автоматизма при наблюдении признаков внешности проверяемых лиц. Высказываются предложения по совершенствованию теоретической и практической подготовки сотрудников правоохранительных органов.

: изменение внешнего облика человека, габитоскопия, направленность внимания, признаки внешности, идентификация, свойства внешнего облика, наблюдаемое лицо, память, управление вниманием, учебный процесс.

T. A. Solodova,

Lecturer of the Chair of forensic expertise
of educational-scientific complex forensic
of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia n. a. V. Ya. Kikot

**ON SCIENTIFIC APPROACH TO KNOWLEDGE ASQUISITION
ABOUT THE CHANGED PORTRAIT OF THE PERSON DURING TRAINING
OF THE LAW ENFORCEMENT OFFICERS**

The article analyzes the relevance of criminalistic identification of persons on the basis of appearance, its effectiveness for solving problems imposed on the law enforcement officers. The contribution to the habitoscopy made by forensic scientists, whose works formed the basis for the theory of human appearance, is noted. The properties of the personal appearance and the conditions of using the features of appearance for identification, as well as a number of factors confirming changes in the human appearance that make it difficult to identify, are considered.

The examples are given in relation to the unsuccessful operational identification of wanted persons, the cause of which was insignificant changes in the appearance of the observee. The psychophysiological features of human activity are analyzed, ensuring the selective nature of mental processes that can prevent the wanted person from being identified on the basis of his/her mental image or description, including the strength of excitant, the novelty of excitant, the volume and focus of attention. The recommendations are given to develop the ability to control attention, as well as to achieve automatic performance when observing the appearance features of the subject of an investigation. The article provides suggestions for improvement of theoretical and practical training of the law enforcement officers.

Key words: changes in the human appearance, habitoscopy, focus of attention, features of appearance, identification, appearance properties, observee, memory, attention control, educational process.

* * *

Полноценная криминалистическая идентификация лиц по признакам внешности непосредственно влияет на розыск преступников, скрывающихся от правосудия, лиц, пропавших без вести, на установление личности неизвестных живых лиц и неопознанных трупов, что относится к обязанностям, возложенным на полицию и закрепленным в ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 03.08.2018). Наиболее эффективно решать подобные задачи с помощью использования признаков, характеризующих внешний облик человека и являющихся неотъемлемым элементом его личности, помогает криминалистическое учение о внешнем облике человека. В современных условиях эта отрасль криминалистической техники разработана благодаря трудам криминалистов, в числе которых и отечественные ученые: И. Н. Якимов [1], А. П. Краснов и В. И. Зубков [2], А. А. Гусев [3], Н. В. Терзиев [4], В. А. Снетков [5], подготовивший, в том числе, учебник по дисциплине «Габитоскопия», изданный Высшей следственной школой МВД СССР в 1979 г. В этом же направлении работали Е. Ю. Брайчевская, Н. М. Зюскин, Н. В. Завизист, Н. С. Полевой. Значительный вклад в развитие криминалистического учения о внешнем облике человека внес А. М. Зинин – основоположник научной школы, занимающейся развитием науки о криминалистическом установлении личности с использованием признаков внешности. Его наиболее заметными трудами стали учебно-практическое пособие «Криминалист в следственных действиях», «Габитоско-

пия», «Руководство по портретной экспертизе», «Участие специалиста в процессуальных действиях» и др.¹

Анализ работ перечисленных авторов показывает, что базовыми теоретическими основами идентификации лица по признакам внешнего облика остаются следующие предпосылки:

- определенность, т. е. закономерность отображения внешнего облика лица;
- адекватность, т. е. соответствие характеристик внешности изображенного на носителях информации лица действительным признакам его внешности при условии соблюдения закономерностей отображения;
- полнота, т. е. наличие достаточного для решения диагностических и идентификационных вопросов объема информации [6, с. 9–10].

Использование диапазона научных знаний, рассматриваемых в рамках криминалистического учения о внешности человека, возможно в связи с индивидуальностью (неповторимостью), относительной устойчивостью и рефлекторностью внешнего облика. Данные свойства были описаны еще В. А. Снетковым в 1970-е гг. [7, с. 5, 10]. Индивидуальность внешности каждого человека обусловлена значительным количеством признаков внешности, присущим конкретному индивидууму, а также неисчислимым количеством вариантов каждого из признаков, что делает возможным выделить конкретного человека из многочисленной группы других людей.

Рефлекторность внешнего облика находится в прямой зависимости от наглядности признаков внешности и, соответственно, способности к их достоверному отображению на носителях информации. Под относительной устойчивостью понимается неизменяемость внешности человека в течение определенного временного периода, когда его идентификацию возможно осуществить, а также информированность о факторах изменения признаков за пределами идентификационного периода. Указанные факторы можно разделить на две группы: основные (постоянно функционирующие закономерности развития и старения человека и преходящие факторы, связанные с заболеваниями либо изменением образа жизни) и дополнительные (косметическая коррекция внешности либо намеренное изменение внешнего облика в целях затруднения отождествления; в этой же группе следует рассматривать и кратковременные воздействия на некоторые элементы внешности, к которым можно отнести мимические изменения лица).

Изменения, связанные с влиянием дополнительных факторов, а также основных факторов, возникновение которых обусловлено заболеваниями либо изменениями в образе жизни человека, носят непостоянный, временный характер: внешний облик человека, изменившийся вследствие заболевания, как правило, восстанавливается после полного выздоровления. Например, эритематозная рожа на лице может проявляться в виде красного пятна с четко очерченными границами, возвышающегося над уровнем кожного покрова; после

¹ А. М. Зинин – заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, является автором более 300 научных публикаций. Под его руководством защитили кандидатские диссертации И. Н. Подволоцкий, С. А. Пичугин, Н. Н. Ильин и др.

проведенного лечения воспаление в патологических зонах уменьшается, очищение кожи может произойти уже по истечении трех дней; соблюдение низкокалорийной диеты позволяет людям, страдающим от ожирения, вернуть утраченную физическую форму; мимические изменения лица, возникшие в связи с нарушением психоэмоционального состояния, сглаживаются при восстановлении психологического фона. Данная группа факторов существенно не изменяет характеристики внешности человека, практически не влияет на процесс идентификации, однако, безусловно, должна учитываться при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Группа факторов, связанных с изменением признаков внешности из-за развития и старения человека, может оказать более значительное влияние на процесс и результаты отождествления лица, но не исключает этой возможности и за пределами идентификационного периода, если учитывать закономерности изменения внешнего облика, наиболее общие из которых описывает В. А. Снетков [7]: элементы и признаки внешности стабильны в определенный период возрастного развития человека; элементы и признаки внешности человека изменяются постепенно, направление этих изменений, их динамика и смены фаз известны; изменившиеся признаки внешности не исчезают, а лишь преобразуются в иные элементы и признаки, характерные для естественного процесса развития; скорость изменения разных элементов и признаков внешности неодинакова.

Закономерности собирания, изучения и использования данных о внешности человека традиционно изучаются в рамках курса криминалистики как для высших, так и для средних специальных учебных заведений, осуществляющих подготовку по специализациям «Юриспруденция», «Судебная экспертиза», «Правоохранительная деятельность». Из этого следует, что лицо, получившее высшее либо среднее специальное юридическое образование, приобретает комплекс знаний, входящих в предмет криминалистического учения о внешности человека, в числе которых система элементов и признаков внешности человека, виды фото- и видеоизображений и возможности их использования для установления личности; факторы фотосъемки и видеозаписи, влияющие на полноту и достоверность отображения признаков внешности; факторы, определяющие состояние внешности лица в момент фото- и видеосъемки, субъективные отображения внешности человека, а также специфику криминалистического описания внешности лица. Таким образом, большинство сотрудников правоохранительных органов способны применять специальные знания, позволяющие выделить индивидуализирующий комплекс признаков внешности наблюдаемого лица, произвести дифференциацию элементов внешности человека на постоянные, временные, необходимые, случайные, естественные, патологические (как врожденные, так и приобретенные).

Однако весьма часто при оперативной идентификации преступников возникают затруднения, связанные с влиянием таких факторов изменения признаков внешности, как преобразование образа жизни, повлекшее значительную потерю веса, косметическая коррекция внешности, намеренное искажение внешнего

облика в целях затруднения идентификации. Приведем некоторые примеры, получившие широкую известность благодаря публикациям в средствах массовой информации.

Летом 1996 г. из Бутырской тюрьмы впервые совершила побег женщина – Наталья Сорокожердева. Она сумела выйти из учреждения, выдав себя за сокамерницу, подлежащую освобождению. Возможность осуществления данного преступления возникла в результате действий Сорокожердевой и ее соучастницы, которые, воспользовавшись сходством внешностей, сумели ввести в заблуждение сотрудников службы исполнения наказаний Бутырской тюрьмы [8].

С 1996 по 2010 г. скрывался от органов внутренних дел один из участников преступной группы, совершившей убийство четырех человек в центре г. Владикавказа. Изменив внешность и получив новый паспорт, преступник переехал в г. Ростов, где скрывался 14 лет [9].

В 2011 г. в г. Самаре задержали участника преступной группировки, грабившей и убивавшей дальнбойщиков на латвийско-эстонской границе. Более 12 лет преступника разыскивали сотрудники Интерпола. Основной причиной, объяснявшей столь длительные поиски, было названо изменение косметического оформления внешности: преступник сбрил бороду, изменил прическу и похудел [10].

В ранее опубликованных работах по данной тематике [11] мы уже отмечали, что косметическая коррекция внешности наблюдаемого лица лишь затрудняет его отождествление и при всесторонней объективной оценке изменившихся и оставшихся неизменными признаков внешности на результат отождествления не влияет. Аналогичной точки зрения придерживаются некоторые ученые, в разные периоды занимавшиеся данной проблемой [12].

Итак, наблюдается некоторое противоречие, в условиях которого, с одной стороны, сотрудники правоохранительных органов в соответствии с теоретическими знаниями, навыками и умениями, полученными в образовательных организациях, как правило, обладают достаточным объемом знаний, позволяющим отождествить разыскиваемое лицо даже при условии некоторого изменения внешности, а с другой – весьма частые прецеденты неспособности реализовать полученные познания в процессе практической деятельности. Для выявления объективных причин подобного противоречия считаем возможным обратиться к разделу психологии, изучающему внимание человека и факторы, его направляющие.

Избирательный характер деятельности сознания человека, обусловленный ее объективными психофизиологическими особенностями и отвечающий за осуществление выбора требуемой информации, обеспечение избирательных программ действий и поддержание перманентного контроля над их протеканием, а также факторы, его определяющие, принято называть вниманием. Психологи выделяют две группы факторов, обеспечивающих избирательный характер психических процессов. Перечислим их основные особенности.

Факторы первой группы характеризуют структуру внешних раздражителей человеческого сознания, или структуру внешнего поля. К ним относятся сила

раздражителя и новизна раздражителя, отвечающие за направление внимания. Влияние силы раздражителя легко проиллюстрировать, если предложить какому-либо субъекту некоторое количество предметов, один из которых существенно выделяется из группы по признакам размера, формы, цветовых характеристик, яркости. Новизна же раздражителя отличает один конкретный предмет от ряда остальных, привлекая внимание в первую очередь к тем, которые наблюдающий субъект ранее не встречал [13, с. 169–171].

Таким образом, применительно к объектам криминалистического учения о внешности человека направление внимания наблюдателя будет обращено на какие-либо бросающиеся в глаза особенности внешности человека, например шляпу, яркий шарф, экстравагантную прическу, очки, бороду, крупное пигментное пятно на лице, бородавку, относящиеся к вспомогательным либо временным и легко имитируемым элементам внешности человека. К этой же группе факторов относятся внешние факторы, отвечающие за объем внимания. Весьма затруднительно управлять значительным количеством несистематизированных и беспорядочно сгруппированных раздражителей, тогда как при рациональной организации данная задача представляется выполнимой. Актуальность продуманного подхода к управлению структурированием объема информации можно осознать применительно к тому факту, что на сегодняшний день онлайн-сервис «Внимание, розыск!» на портале МВД России содержит 70 фотоизображений лиц, среди которых 10 – наиболее опасные разыскиваемые преступники, 60 – дети [14]. Следовательно, в данной ситуации процесс узнавания такого количества лиц при одновременном выполнении обязанностей по охране общественного порядка, раскрытию и расследованию преступлений, профилактике преступлений и правонарушений без должного подхода к организации структуры воспринимаемого поля с большой долей вероятности окажется безрезультатным.

Вторая группа факторов характеризует внутреннее поле, т. е. связана как с потребностями, интересами и «установками» субъекта, так и со структурой его деятельности. А. Р. Лурия утверждает: «Деятельность человека определяется потребностью или мотивом и всегда направлена на определенную цель» [13, с. 169–171]. Из этого можно заключить, что сигналы, которые направлены на достижение поставленной цели либо входят в сферу интересов субъекта, становятся доминирующими. При постановке общей задачи деятельности человека его внимание направлено на систему сигналов, которые способствуют решению поставленной задачи. Конкретная цель, стоящая перед субъектом, перемещает относящиеся к ней сигналы в центр его внимания. В процессе автоматизации деятельности субъекта по достижении цели его отдельные разрозненные действия, на которых было сконцентрировано внимание, преобразуются в автоматические операции, что смещает внимание субъекта на конечные цели.

Если учитывать объективное влияние факторов первой и второй групп на избирательный характер сознательной деятельности человека, то можно научить-

ся не только управлять вниманием, но и достигать высокую степень автоматизма при наблюдении признаков внешности. Для этого необходимо:

1) правильно и объективно оценивать закономерность влияния на направленность внимания силы и новизны раздражителя и переключать его с доминирующего положения на периферийное (вспомогательное, подчиненное);

2) иметь навыки по организации и систематизации структуры воспринимаемой информации;

3) уметь в максимально сжатые сроки, приближенные к периоду наблюдения человека, движущегося в толпе, дифференцировать постоянные элементы внешности и временные, необходимые и случайные, естественные и искусственные либо патологические;

4) обладать способностью фиксировать в памяти внешность наблюдаемого лица, выявлять индивидуализирующий комплекс признаков, присущих конкретному человеку, избегая концентрации внимания на легко имитируемых либо сопутствующих элементах, например очках, парике, накладных усах;

5) владеть методикой составления полного и достоверного криминалистического описания внешности человека.

Приобретение перечисленных знаний и умений считаем затруднительным в условиях самообразования, поскольку уяснение специфики теории и приобретение автоматизма в навыках выявления комплекса индивидуализирующих признаков, по сути, происходит на стыке психологии и криминалистики. Недостаточно изучить систему признаков, характеризующих внешний облик человека. Для того чтобы эффективно применить на практике комплекс теоретических познаний из области габитоскопии в условиях, когда внешность разыскиваемого лица подвергалась изменениям, наблюдатель должен в режиме автоматизма свести к минимуму влияние факторов первой группы, направляющих его внимание на силу либо новизну раздражителя, и, пользуясь структурированным объемом информации о разыскиваемых лицах, сконцентрироваться на основных элементах, неотъемлемо присущих человеку. Подобные компетенции крайне желательно приобретать в процессе лекционных, семинарских и практических занятий, проводимых под руководством специалиста соответствующего профиля.

Вместе с тем в целях повышения эффективности работы по розыску скрывающихся преступников либо лиц, пропавших без вести, необходимы знания и умения, получаемые в рамках криминалистического учения о внешности человека, не только у лиц, прошедших специальное обучение по программам «Субъективный портрет» и «Портретная экспертиза», но и у сотрудников органов внутренних дел, в чьи служебные обязанности входит несение службы по охране общественного порядка. Таким образом, считаем весьма востребованной организацию стажировок, курсов повышения квалификации, занятий по служебной подготовке для сотрудников правоохранительных органов, в рамках которых будут подробно рассмотрены вопросы теории и практики идентификации человека по признакам внешности с последующим практическим применением полученных знаний.

1. Якимов И. Н. Оpozнaвание преступников. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1928.
2. Краснов А. П., Зубков В. И. Техника экспертизы документов. Вып. III: Идентификация личности по фотокарточкам. М.: МВД СССР, 1953.
3. Гусев А. А. Установление личности по признакам внешности: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1955.
4. Терзиев Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности. М.: [б. и.], 1956.
5. Снетков В. А. Экспертное отождествление личности по чертам внешности. М.: [б. и.], 1959.
6. Зинин А. М. Внешность человека в криминалистике и судебной экспертизе: моногр. М.: Юрлитинформ, 2015.
7. Снетков В. А. Габитоскопия: учебник. Волгоград: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1979.
8. Сергей Ъ-ТОПОЛЬ. Дело о побеге из Бутырской тюрьмы // Kommersant.ru: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/238253> (дата обращения: 25.10.2018).
9. Материалы сайта <https://www.oseia.ru> (дата обращения: 25.10.2018).
10. Бондарева Ю. Интерпол искал преступника 12 лет. А он изменил внешность и жил в Самаре // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/25704.4/905315/> (дата обращения: 25.10.2018).
11. Солодова Т. А. Проблемы криминалистического исследования внешнего облика человека, измененного в результате пластических операций // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 72–75; Усков И. Н., Солодова Т. А. О влиянии косметической коррекции внешности на идентификацию личности при производстве опознания и судебно-портретной экспертизы // Энциклопедия судебной экспертизы. 2017. № 2 (13). С. 139–147.
12. Анчабадзе Н. А., Попов М. Ю. Проблемы идентификации лиц, подвергшихся изменению внешности путем косметико-хирургической операции, по фотокарточкам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 41–48, Торопов С. А., Рудик М. В. Методические аспекты выявления возможных изменений внешности для проведения идентификации по мысленному образу // Таврический научный обозреватель. 2016. № 7 (12). С. 44–46, Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. К вопросу об экспертной оценке признаков внешности лиц, подвергшихся косметико-хирургическим операциям // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КрУ МВД России, 2014. С. 113–116; Давыдов Е. В., Шкоропат Е. А., Финогенов В. Ф. Факторы, влияющие на полноту и достоверность отображения признаков внешности лица человека, запечатленного на цифровых видеоизображениях // Судебная экспертиза. 2015. № 4 (44). С. 79–88.
13. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.
14. Материалы сайта <https://мвд.рф> (дата обращения: 27.10.2018).

© Солодова Т. А., 2019

References

1. Yakimov I. N. Identification of criminals. Moscow: Izd-vo NKVD RSFSR, 1928.
2. Krasnov A. P., Zubkov V. I. Documentation expertise methods. Vol. III. of Person identification using the photographs. Moscow: MVD SSSR, 1953.
3. Gusev A. A. Personal identification based on appearance: thesis for a candidate degree in law sciences. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova, 1955.
4. Terziev N. V. Criminalistic identification of a person on the basis of appearance. Moscow, 1956.
5. Snetkov V. A. Expert identification of person according to the features of appearance. M., 1959.
6. Zinin A. M. Personal appearance in forensic science and forensic examination: monograph. Moscow: Yurлитinform; 2015.
7. Snetkov V. A. Habitoscopy. Textbook. Volgograd: NIIRIO VSSH MVD SSSR; 1979.
8. Sergey Topol "The case of the escape from the Butyrka prison. Kommersant.ru. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/238253> [Accessed 25 October 2018].
9. Materials from the website <https://www.osestia.ru> [Accessed 25 October 2018].
10. Bondareva Yu. Interpol has been searching for a criminal for 12 years. But he changed his appearance and lived in Samara. Available from: <https://www.m.kp> [Accessed 25 October 2018].
11. Solodova T. A. Issues of forensic investigation of the personal appearance changed as a result of plastic surgery. Bulletin of Moscow University of the Ministry of International Affairs of Russia. 2012; 3: 72–75; Uskov I. N., Solodova T. A. On the effect of cosmetic appearance remodeling on personal identification during the authentication and forensic portrait examination. Encyclopedia of forensic examination. 2017; 13 (2): 139–147.
12. Anchabadze N. A., Popov M. Yu. Issues of identification of persons subjected to changes in appearance using the cosmetic surgery, by the photographs. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2010; 13 (2): 41–48; Toropov S. A., Rudik M. V. Methodological aspects of identifying possible changes in appearance for identification using the mental image. Tavricheskiy Scientific Observer. 2016; 12 (7): 44–46, Davydov E. V., Finogenov V. F. On the issue of expert evaluation of appearance features of the persons subjected to cosmetic surgery. Forensic sciences and forensic activities in modern conditions. Materials of the 2-nd All-Russian Research and Practic Conference. Krasnodar: KrU MVD Rossii; 2014: 113–116; Davydov E. V., Shkoropat E.A., Finogenov, V. F. Factors affecting the completeness and accuracy of the appearance features of a persons face captured on digital video images. Forensic examination. 2015; 44 (4): 79–88.
13. Luria A. R. Lectures on general psychology. Saint-Petersburg: Piter, 2006.
14. Materials from the website <https://мвд.рф> [Accessed 10 October 2018].

© Solodova T. A., 2019

* * *

ББК 67.521.6
УДК 343.982.323

DOI 10.25724/VAMVD.KFGH

.....
начальник кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат технических наук, доцент;

.....
преподаватель кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России

:

Статья посвящена проблеме исследования видеозаписей неудовлетворительного качества в целях идентификации неизвестного лица и поиску направлений устранения данной проблемы. При решении поставленных задач было выявлено две тенденции. Первая из них указывает на необходимость разработки методических рекомендаций и внесения изменений в действующую методику судебной портретной экспертизы, которые регулировали бы вопросы, касающиеся оценки качества видеозаписи, установления факта монтажа и объективной оценки значимости выявленных групповых и индивидуальных анатомических признаков элементов внешнего облика. Вторая тенденция определяет важность исследования функциональных (динамических) признаков при идентификации лица по видеоизображениям неудовлетворительного качества.

В ходе анализа криминалистической литературы и методик проведения судебных экспертиз выдвинуто обоснованное предложение о выделении данного криминалистического исследования в самостоятельную экспертизу для увеличения значимости выявленного комплекса признаков и результативности исследования в целом. В статье определено также место идентификации личности по функциональным признакам в системе судебных экспертиз.

: видеозаписи неудовлетворительного качества, исследование видеозаписей в целях идентификации лица, анатомические признаки, динамические признаки, функциональные навыки человека, совокупность признаков, судебная экспертиза, система судебных экспертиз.

. . Kurin,

Head of the Chair of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Engineering), Associate Professor;

I. V. Ryzhkov,

Lecturer of the Chair of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

**IDENTIFICATION OF AN UNIDENTIFIED PERSON
BY FUNCTIONAL CHARACTERISTICS
IN THE STUDY OF VIDEO RECORDINGS: PROBLEMS AND SOLUTIONS**

The article is devoted to the problem of studying videos of unsatisfactory quality in order to identify an unknown person, and finding directions for solving this problem. When solving the tasks, two trends were identified. The first trend indicates the need to develop methodological recommendations and make changes to the current methodology of forensic portrait examination, which would regulate issues related to assessing the quality of video recordings, establishing the fact of editing videos and objective assessment of the significance of identified group and individual anatomical features of the appearance elements. The second trend indicates the need to study functional (dynamic) features when identifying a person from video images of unsatisfactory quality.

After analysis of the forensic literature and forensic techniques was put forward a substantiated proposal to distinguish this forensic study into an independent examination in order to increase the significance of the identified set of features and the effectiveness of the study as a whole. The article also determined the place of the forensic examination of personality identification by functional features in the system of forensic examinations.

Key words: videos of unsatisfactory quality, study of videos to identify a person, anatomical features, dynamic features, human functional skills, set of features, forensic examination, forensic examination system.

* * *

Развитие систем видеозаписи привело к резкому увеличению частоты использования видеокамер и оборудования для видеонаблюдения. Повсеместное распространение мобильных и стационарных устройств видеозаписи среди граждан существенно увеличило объем информации о внешнем облике человека в глобальном информационном пространстве и в материалах уголовных дел. Однако получение доказательственной информации по результатам их исследования остается сложной задачей для правоохранительных органов.

Практика показывает, что частные охранные предприятия и государственные структуры устанавливают системы видеозаписи, которые позволяют наблюдать общую картину происходящего, например перемещение людей относительно периметра охраняемого объекта либо передвижение большого потока людей с одного ракурса и с использованием одной видеокамеры. В большинстве случаев системы видеозаписи установлены с нарушением правил видео- и фото-съемки: телекамеры устанавливаются в непосредственной близости от источника освещения, ракурсная съемка приводит к искажению размерных характеристик предметов и внешности человека. Как следствие, стали развиваться две тенденции.

Первая тенденция связана с увеличением количества преступлений, раскрытых по горячим следам за счет использования систем видеонаблюдения. В период с 2002 по 2014 г. количество проведенных в экспертно-криминалистических подразделениях страны судебных портретных экспертиз, объектом исследования которых выступили именно видеозаписи, увеличилось в семь раз [1, с. 3].

Вторая тенденция, препятствующая получению ориентирующей, розыскной и доказательственной информации, связана с использованием видеоаппаратуры низкого разрешения и нарушением правил установки видеокамер. В связи с этим признаки анатомических элементов внешности человека на видеозаписях отображаются фрагментарно или не отображаются совсем [1, с. 3]. Данное обстоятельство сводит к минимуму возможности идентификации при проведении судебной портретной экспертизы.

В соответствии с первой тенденцией установлено, что при производстве судебных портретных экспертиз в качестве объектов исследования вместо фотографий неустановленного лица инициаторы представляют видеозаписи, на которых запечатлены преступные действия. Стоит отметить, что существующая методика проведения судебной портретной экспертизы не в полной мере может быть применена в том случае, если исследуется видеозапись, а не фотографическое изображение лица.

Экспертами ЭКЦ МВД России отмечается, что при проведении портретной экспертизы по видеозаписи необходимо предоставлять в распоряжение эксперта видеозапись, а не отдельные кадры, так как отдельные кадры увеличивают количество вероятных выводов и не позволяют произвести полный анализ выявленных анатомических признаков внешности. Стоит упомянуть о необходимости предоставления непосредственно оригинала видеозаписи, так как при копировании файла могут возникнуть «новые» признаки внешности и помехи, которые затруднят процесс идентификационного исследования.

Перед проведением портретной экспертизы по материалам видеозаписи необходимо исключить факт внесения изменений в ее содержание в целях изменения признаков внешности неизвестного лица, поэтому требуется проведение

судебной видеотехнической экспертизы с указанием конкретных выводов. Наличие результатов видеотехнической экспертизы позволит эксперту объективно анализировать совпадающие и различающиеся анатомические признаки внешности.

Для решения поставленных перед экспертом вопросов возможно назначение комплексной судебной видеотехнической и судебной портретной экспертизы. Однако не исключена возможность проведения экспертизы одним лицом, имеющим допуск на право самостоятельного производства судебной портретной экспертизы и судебной видеотехнической экспертизы.

Решение указанной выше проблемы производства судебных портретных экспертиз по видеозаписям требует разработки методических рекомендаций и внесения дополнений к действующей методике проведения судебной портретной экспертизы. В методических рекомендациях требуется отразить порядок предварительного исследования видеозаписи на предмет монтажа, определения параметров качества предоставляемой видеозаписи и оценки установленных анатомических признаков внешности человека.

Вторая тенденция, в отличие от первой, требует более тщательного подхода. Из-за низкого качества видеозаписей анатомические признаки внешности либо отображаются фрагментарно, либо не отображаются совсем, что сводит к минимуму возможность идентификации по признакам внешности. Анализ экспертной практики показывает, что при исследовании таких видеозаписей эксперт выявляет ряд функциональных признаков неустановленного лица, которые несут ценную индивидуализирующую информацию. Однако действующая методика производства портретной экспертизы не позволяет использовать данные признаки в процессе идентификации. Стоит заметить, что в рамках габитоскопии (учения о внешности человека) подробно изучаются функциональные признаки человека и их характеристика.

О возможностях использования функциональных признаков для идентификации неизвестного лица написано немало трудов, среди которых особого внимания заслуживают работы В. А. Шендерова, Н. Н. Китаева, М. Б. Негреевой [2], Л. В. Чулахова [3], В. Г. Булгакова [4; 5].

Стоит отметить, что В. Г. Булгаков провел глубокий анализ основ становления и индивидуализации функционально-двигательных навыков человека, определил методические основы при исследовании функционально-двигательных навыков человека и сформировал примерный комплекс признаков, необходимых для идентификации человека по походке, а также коснулся вопроса идентификации неизвестного лица по мимике и жестике.

В ходе изучения криминалистической литературы было установлено, что на данный момент существует необходимость идентификационного криминалистического исследования функциональных навыков человека. Поддерживая мнение В. Г. Булгакова, отметим, что динамические (функциональные) признаки

человека должны исследоваться в комплексе и во взаимосвязи как друг с другом, так и с анатомическими признаками внешности лица в целях увеличения криминалистической значимости выявленного комплекса признаков.

Исходя из необходимости идентификационного криминалистического исследования функциональных (динамических) признаков и навыков человека целесообразным является становление одноименной судебной экспертизы, основной задачей которой будет идентификация личности по функциональным признакам.

Высказанное предложение предполагает три варианта такого исследования:

1) проведение комплексной судебной экспертизы специалистами, обладающими знаниями в разных направлениях (специалист в области портретной экспертизы, биомеханики, видеотехнической экспертизы, фоноскопической экспертизы и т. д.);

2) проведение комплекса экспертиз экспертом, имеющим право на проведение всех перечисленных экспертиз;

3) проведение самостоятельной и отдельной судебной экспертизы.

Мы придерживаемся третьего варианта, так как данный подход позволит использовать анатомические и динамические признаки в комплексе, что существенно повысит результативность идентификационного исследования. Два других подхода не позволяют устанавливать единый идентификационно значимый комплекс признаков, потому что каждый эксперт будет формировать этот комплекс, не учитывая особенности смежных областей знания. Следовательно, степень значимости локальных комплексов будет значительно ниже.

По нашему мнению, самостоятельная экспертиза идентификации человека по функциональным (динамическим) признакам должна основываться на учении о внешности человека и биомеханике, иметь свою методологию, методы и средства исследования, а также конкретное место в системе судебных экспертиз.

Как известно, классификация судебных экспертиз имеет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку дает возможность определить методическое и организационное обеспечение [6, с. 54]. Для установления места в классификации судебных экспертиз и характера производства данной экспертизы необходимо рассмотреть понятийный аппарат судебной экспертизы, отдельных видов судебных экспертиз и предложенной нами судебной экспертизы идентификации личности по функциональным признакам.

В своих работах Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин отмечают, что классификация судебных экспертиз по родам и видам основывается на специфике исследуемых объектов и задачах, поставленных перед экспертом, которые, в свою очередь, неразрывно связаны с предметом экспертизы [7, с. 84].

По мнению Н. П. Майлис, предмет судебной экспертизы стоит рассматривать с двух противоположных, но важных позиций – научной и практической [6, с. 20].

Для определения места предложенной нами судебной экспертизы идентификации личности по функциональным признакам в классификации судебных экспертиз необходимо детально изучить предмет данного вида судебной экс-

пертизы в прикладном аспекте, так как практическая сторона предмета судебной экспертизы непосредственно связана с содержанием методики проведения судебных экспертиз.

Как считает Е. Р. Россинская, предметом судебной экспертизы являются обстоятельства дела, которые устанавливаются при применении специальных знаний в науке, технике, ремесле и искусстве [8, с. 6]. Данную точку зрения при определении предмета судебной экспертизы с практической позиции поддерживают А. М. Зинин и Н. П. Майлис [6, с. 20].

Т. А. Аверьянова считает, что предметом экспертизы являются не сами обстоятельства, факты или явления, а непосредственно установление этих обстоятельств, фактов и явлений с применением специальных знаний, научных методов и средств.

Анализируя основные подходы к определению предмета судебной экспертизы с практической точки зрения, мы поддерживаем точку зрения Е. Р. Россинской, А. М. Зинина и Н. П. Майлис, так как предмет экспертизы, по нашему мнению, это конкретные обстоятельства и факты, на основании которых и формируется система судебных экспертиз. А. М. Зинин и Н. П. Майлис указывают, что предметом конкретной экспертизы являются задачи, которые решает эксперт, применяя специальные знания в области науки, техники, ремесла и искусства с использованием апробированных и рекомендованных средств и методов [6, с. 20].

На основе мнений А. М. Зинина и Н. П. Майлис не составляет труда определить предмет конкретной судебной экспертизы. При этом необходимо уяснить задачи, стоящие перед экспертом при проведении исследования. Как известно, задачи, которые решает конкретная судебная экспертиза, установлены утвержденной методикой проведения данной экспертизы.

В результате анализа вопросов, касающихся классификации судебных экспертиз, приведенных в специальной литературе, нормативной правовой базе [9], а также методик проведения судебных экспертиз в части решаемых задач, сущности и объектов исследования мы пришли к следующим заключениям:

1. Наиболее схожие предмет и объект имеет портретная экспертиза. Предметом конкретной портретной экспертизы, исходя из поставленной задачи, является идентификация личности по признакам внешности. Объектами исследования являются отображения внешнего облика, запечатленные на различных носителях информации [10, с. 293]. Однако, несмотря на то что признаки внешности подразделяются на анатомические и функциональные, в методике проведения портретной экспертизы «Идентификация личности по признакам внешнего облика (прижизненные изображения)» указывается, что первостепенную роль при идентификации играют именно анатомические признаки. Специфика же предлагаемой судебной экспертизы идентификации личности по функциональным признакам заключается в том, что первостепенную роль играют функциональные (динамические) признаки внешности. Указанная особенность связана с характером объекта исследования – отображением внешнего облика

человека в динамике. Как правило, такое отображение непригодно для идентификации лица по анатомическим признакам.

2. Предмет конкретной фототехнической экспертизы обширен. Стоит обратить внимание на такую задачу, как определение роста человека по фото-, видеоизображению. Одним из этапов проведения идентификационного исследования личности по функциональным признакам предполагается определение группового сходства идентифицируемых лиц. Наиболее важным и устойчивым групповым признаком тела человека является рост. Нет необходимости проводить дальнейшее исследование в целях идентификации, если рост изучаемых лиц различен. Исследование роста и объяснение его различия или сходства у сравниваемых лиц тесно связаны с исследованием осанки человека, тяжести переносимых грузов, используемой обуви и поведения неизвестного лица. Данный факт отличает предварительное исследование предлагаемой судебной экспертизы идентификации личности по функциональным признакам от предмета конкретной фототехнической экспертизы «Определение роста лиц, запечатленных в архивных изображениях из систем охранного телевидения».

3. Одной из решаемых задач при проведении криминалистического исследования цифровых видеogramм является определение средней скорости движения объекта, зафиксированного в видеogramме, содержащейся на носителе в видеофайле [11]. Важнейшей частью исследования функциональных (динамических) признаков в предлагаемой судебной экспертизе идентификации личности по функциональным признакам является определение скорости перемещения конечностей тела человека. Для достижения указанной цели могут быть использованы методы и средства, описанные в методике проведения криминалистического исследования цифровых видеogramм.

Отметим также, что предлагаемая судебная экспертиза идентификации личности по функциональным признакам включает в себя способы и средства исследования двигательного аппарата человека, используемые в биомеханике.

При исследовании динамических характеристик неизвестного лица, запечатленного на видеозаписи, необходимо ее предварительное исследование на предмет монтажа.

Обобщая сказанное, приведем следующие результаты:

- судебная экспертиза идентификации личности по функциональным признакам основывается на теоретической базе габитоскопии и биомеханики;
- синтез методов и средств из разных областей науки, а также использование методов различных родов судебных экспертиз позволяет использовать доказательственную информацию о функциональных (динамических) признаках человека;
- предмет (задачи) предлагаемой судебной экспертизы идентификации личности по функциональным признакам имеет преемственность с предметом судебной портретной экспертизы;
- при проведении предлагаемой экспертизы необходимо исследование характеристик и признаков неизвестного лица одним экспертом в целях увеличения объема и значимости комплекса выявленных признаков;

– для выполнения полного и всестороннего исследования эксперт должен обладать знаниями в области биомеханики, габитоскопии, фототехники (в вопросах определения роста) и «видеотехники» (в вопросах определения скорости объекта) ввиду увеличения объема и значимости комплекса выявленных признаков;

– предварительное исследование видеозаписи на предмет монтажа обязательно должно предшествовать судебной экспертизе идентификации личности по функциональным признакам и может выполняться «другим» экспертом, так как нет необходимости в наделении эксперта, производящего экспертизу по идентификации личности по функциональным признакам, такими знаниями и навыками.

Учитывая то, что:

предметы существующих судебных экспертиз не включают в себя предмет предлагаемой экспертизы полностью;

предмет указанных выше экспертиз включает часть задач предлагаемой экспертизы;

в большей степени предмет предлагаемой экспертизы коррелирует с предметом портретной экспертизы –

предлагаем определить место судебной экспертизы идентификации личности по функциональным признакам в системе судебных экспертиз:

класс «Криминалистические экспертизы»;

род «Портретные экспертизы»;

вид «Идентификация личности по функциональным признакам».

Результаты проведенных теоретических и экспериментальных исследований позволяют сделать следующие выводы:

1. В настоящее время назрела необходимость разработки методических рекомендаций и дополнений к действующей методике проведения судебной портретной экспертизы в целях устранения пробелов, возникающих при их производстве, а именно: установление факта монтажа, объективное определение качества представленного материала, определение криминалистической значимости выявленных признаков при низком качестве видеозаписей.

2. Развитие криминалистической науки диктует необходимость становления новой криминалистической экспертизы, основной задачей которой является идентификация лица, запечатленного на видеозаписи, по функциональным (динамическим) признакам. В результате анализа предмета и задач существующих судебных экспертиз определено место идентификации неустановленного лица по функционально-двигательным навыкам в системе судебных экспертиз.

3. Ввиду актуальности данного направления исследований необходимо провести широкие теоретические и экспериментальные исследования в указанном направлении для получения доказательственной информации по нераскрытым преступлениям прошлых лет.

1. Ильин Н. Н. Судебно-портретная идентификация человека по видеоизображениям. Методические основы: моногр. М.: РГ-Пресс, 2018.
2. Шендеров В. А., Китаев Н. Н., Негреева М. Б. Биомеханическая экспертиза: выявление индивидуальных особенностей походки и осанки при идентификации личности // Российский журнал биомеханики. 2007. Т. 11. № 2. С. 75–78.
3. Чулахов Л. В. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Юрлитинформ, 2007.
4. Булгаков В. Г. Использование криминалистически значимой информации о динамических признаках человека в раскрытии и расследовании преступлений: моногр. / под ред. А. М. Зинина. М.: Юрлитинформ, 2013.
5. Булгаков В. Г. Методические основы криминалистической идентификации и диагностики человека по его динамическим признакам: моногр. / под ред. А. М. Зинина. М.: Юрлитинформ, 2014.
6. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон: Юрайт-Издат, 2002.
7. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.
8. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М.: Право и Закон, 1996.
9. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010.
11. Криминалистическое исследование цифровых видеogramм: типовая экспертная методика / Ю. А. Кулаковский [и др.]. М.: ЭКЦ МВД России, 2017.

© Курин А. А., Рыжков И. В., 2019

References

1. Ilyin N. N. Forensic-portrayal identification of a person by video. Methodical basis: monograph. Moscow: RG-Press; 2018.
2. Shenderov V. A., Kitaev N. N., Negreeva M. B. Biomechanical examination: identification of individual characteristics of gait and posture in the identification of a person. Russian Journal of Biomechanics, 2007; V. 11; 2: 75–78.

3. Chulakhov L. V. Forensic doctrine of human skills and habits / Ed. prof. E. R. Rossinsky. Moscow: Publishing house "Yurlitinform"; 2007.
4. Bulgakov V. G. Using forensic information on the dynamic characteristics of a person in the disclosure and investigation of crimes. Monograph / ed. Doct. legal sciences, prof. A. M. Zinina. Moscow: Yurlitinform; 2013.
5. Bulgakov V. G. Methodological basis of forensic identification and diagnosis of a person according to its dynamic characteristics: monograph / ed. Doct. legal sciences, prof. A. M. Zinina. Moscow: Yurlitinform; 2014.
6. Zinin A. M., Mailis N. P. Forensic examination. Textbook. Moscow: Pravo i zakon: YUrajt-Izdat; 2002.
7. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A. M. Theory of forensic science (Forensic expertology). Textbook / Ed. E. R. Rossinsky. 2nd ed., Revised. And add. Moscow: Norma: INFRA-M; 2016.
8. Rossinskaya E. R. Forensic examination in criminal, civil, arbitration. Moscow: Pravo i zakon; 1996.
9. Order of the Ministry of Interior of Russia dated No. 511 of 29 June 2005. Issues of organizing the production of forensic examinations in the forensic departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Available from: reference and legal system ConsultantPlus.
10. Typical expert research methods of material evidence. Part I / Ed. Cand. Tech. Science Yu. M. Dildin. General edition of Cand. Tech. Science V. V. Martynova. Moscow: INTERKRIM-PRESS, 2010.
11. Kulakovskiy Yu. A., Vashko P. I., Samokhvalov A. V., Hunters A. A. Forensic researching of digital videos: Typical expert methodology. Moscow: EKC MVD Rossii; 2017.

© Kurin A. A., Ryzhkov I. V., 2019

* * *

D. V. Kotelnikova,

Associate Professor of the Chair of Expert-Criminalistic Activity Fundamentals of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law);

G. G. Konovalov,

Associate Professor of the Chair of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor

A HISTORICAL VIEW OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROVISIONS OF FORENSICS AND FORENSIC EXAMINATION

The article focuses on historical and methodological aspects of development of forensics and forensic examination. The authors describe the main stages of development of forensics as an independent science. Taking account of the polymorphic nature of forensic science the authors analyze the formation of its methodology from purely analytical to modern methods, techniques and forms of research.

The retrospective analysis of historical aspects conducted by the authors allowed revealing a series of controversial features characterizing the development of forensics in the USSR period and at the current stage. As a result, the authors suppose that the development of forensics, despite the change of stages of our country's state system, is carried out in its own way regardless of international research networks. However, at the present time there is an obvious necessity to exchange advanced experience with foreign colleagues in the format of trainings on the basis of foreign scientific institutions, joint participation in scientific events and cooperation in the sphere of scientific research.

The authors determine the prospective directions of development of forensics and forensic examination taking account of the foreign countries' experience within the framework of Russian forensic experts' participation in the activities of international forensic organizations.

Key words: forensics, science, history, methods and means, crime, forensic examination.

* * *

В настоящее время принято считать, что криминалистику можно определить как науку о раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Исторически криминалистика и судебная экспертиза находились и находятся в сфере действия общих законов развития познания, науки и техники, определяемых и устанавливаемых архитектурой процесса человеческого познания. Генеральный вектор развития данных институтов также задают этапы научно-

технической революции, при этом границы периодов определяются здесь достаточно условно, что объясняется, в первую очередь, социальными причинами, а во вторую – экономическими, правовыми, политическими, географическими.

Криминалистические (говоря современным языком) знания развивались и накапливались веками разными народами в разных странах, однако впервые термин «криминалистика» был употреблен только в конце XIX в. Г. Гроссом [1].

Криминалистика – полиморфная наука. Ее нельзя свести к какому-либо отдельно взятому конкретному исследованию: приему, способу, методу, техническому средству и полученным в итоге результатам. Как и любая другая наука, она представляет собой своеобразную объективную матрицу представлений, знаний о явлении: деянии, преступлении, правонарушении. На определенных этапах цивилизационного развития в разных государствах сами эти понятия имеют разный объем, различные граничные интервалы от «+» до «-». Можно сказать, что в достаточной степени это зависит и от развития других наук.

Если сегодня невозможно представить себе процесс корректного судопроизводства без повседневного и повсеместного использования данных естественных и технических наук, то в недалеком прошлом для него были характерны эпизодичность и проблематичность. Главным в системе доказательств с незапамятных времен считалось признательное показание – признание вины. В те времена недостаточная развитость и высокая стоимость использования естественнонаучных и технических методов для установления истины диктовали необходимость применения более приемлемых и привычных «психофизических» методов добывания доказательств, что достаточно подробно освещено в известной работе «Молот ведьм» [2].

Исторически прослеживается, что, наряду с «психофизическими» методами, в ходе расследования преступлений для установления истины с незапамятных времен применяли аналитические методы. Общеизвестны примеры из прошлого: упоминание в Ветхом Завете фальшивомонетничества, и выступление Архимеда экспертом для решения задачи о количестве золота, пошедшего на изготовление короны правителю Сиракуз Гиреону II, и занятие специальной службой римского императора Александра Севера разоблачением фальшивомонетничества, в том числе определением использовавшихся в этих целях металлов.

По мере становления и развития естественнонаучных методов их применение определялось и закреплялось на уровне нормативных актов. Так, французским королем Филиппом IV в 1303 г. был издан указ, утверждавший методику определения чистоты благородных металлов [3, с. 14–15].

С давних времен другими достаточно значимыми естественнонаучными направлениями исследований были судебно-медицинские исследования трупов и живых лиц. Началом отсчета функционирования данного вида экспертизы некоторые считают 1209 г. – год выхода постановления римского папы Иннокентия III, которое предписывало врачебное определение причин наступления смерти [3, с. 15].

Совершенно новые возможности для изучения окружающего мира открыло применение микроскопа, изобретенного на рубеже XVI и XVII вв. [4, с. 7–39]. В XVII–XVIII вв. на науку оказали решающее влияние философские учения Р. Декарта и Ф. Бекона, экспериментальные исследования Г. Галилея, И. Ньютона, М. Мальпиги, М. В. Ломоносова, развитие естественнонаучных методов.

Осознание достоверности и значимости результатов естественнонаучных исследований закономерно привело к повышению их статуса. Так, в России в 1725–1762 гг. государственные учреждения – Медицинская канцелярия и Медицинская коллегия – целенаправленно занимались решением ряда задач, относящихся к области судебно-медицинской экспертизы [3, с. 19].

С середины XVIII в. стали происходить изменения в сфере методов регистрации. Если ранее в борьбе с преступностью чаще всего использовались различные примитивные, но действенные методы и средства, как, например, клеймение и нанесение увечий, то теперь начали применять алфавитный учет подследственных и осужденных лиц (Франция).

В дальнейшем в разных странах стали активно проводить описание и фотографирование преступников. Впервые целенаправленно и систематически этим начали заниматься в основанной Э. Ф. Видоком в 1809 г. французской уголовной полиции Сюртэ (фр. *sûreté* – безопасность). И именно во Франции впервые в мире была введена антропометрическая система А. Бертильона (1883 г.). В дальнейшем она получила признание в большинстве развитых стран. Так, в 1896 г. антропометрия была внедрена в работу полиции Германской империи.

Регистрация всех рецидивистов с обязательным фотографированием, «парады» заключенных проводились в Великобритании.

В России методы судебной фотографии для регистрации опознания преступников применяли с 1862 г., письменную регистрацию проводили с 1870 г. Централизованную антропометрическую систему в России стали использовать с 1908 г.

Следует отметить, что значительные успехи российской полиции в борьбе с преступностью в те годы связаны с именем А. Ф. Кошко, назначенного в 1908 г. начальником сыскной полиции Москвы. Благодаря ему в полиции были введены жесткая дисциплина, систематизация всех данных о преступности, повышена оперативность реагирования на сообщения о преступлениях. С помощью новейших для того времени научных криминалистических разработок (идентификация личности с использованием дактилоскопии, антропометрии, криминалистической фотографии), передовых технологий судебной экспертизы, создания подробных и точнейших учетов – картотек преступного мира и совмещения этого с методами сыска преступников российской полиции удалось добиться неслыханных ранее результатов. Достаточно сказать, что в 1912 г. во время проведения праздника Пасхи в Москве не было зарегистрировано ни одной крупной кражи, тогда как в другие годы на этот праздник приходился пик краж. Нарботки А. Ф. Кошко в области дактилоскопии, антропометрии использовались английской полицией. На Международном съезде криминалистов в 1913 г. Московская сыскная полиция, возглавляемая А. Ф. Кошко, была признана лучшей в ми-

шей в мире по раскрываемости преступлений. Зарубежная пресса назвала Аркадия Францевича русским Шерлоком Холмсом.

Следующими вехами в развитии и применении, говоря современным языком, криминалистической техники стали отмена бертильонажа и введение дактилоскопии в Британской Индии, введение комбинированной системы (дактилоскопирование, антропометрирование, фотосъемка и письменное описание) в Англии. А уже через несколько лет комиссия под руководством лорда Белпера, заседавшая в течение пяти месяцев в Лондоне, в ноябре 1900 г. рекомендовала отменить в Англии бертильонаж и перевести всю систему регистрации на дактилоскопию [5, с. 69–90].

В США дактилоскопирование стало применяться с 1903 г., когда начальник тюрьмы в Ливенуорте Мак-Клауди был вынужден полностью отказаться от бертильонажа из-за истории с «двумя Уэстами» – преступниками, похожими друг на друга, как близнецы, имеющими одинаковые имена и фамилии [5, с. 96–98].

В России к 1914 г. начали применять комплексную регистрацию преступников, а дактилоскопирование стало основным методом для регистрации.

Параллельно с методами регистрации шло развитие и других методов, используемых в криминалистике, в частности химических. К концу XIX в. завершилась разработка классических химических методов исследования веществ и материалов. Это было связано с тем, что во второй половине XIX в. произошла дифференциация химической науки на ряд областей с определенным кругом объектов, методов исследований: органическую, неорганическую, физическую химию. На рубеже XIX и XX вв. выделились в самостоятельные направления химия комплексных соединений, химия металлических систем, химия растворов электролитов и неэлектролитов, химия неопределенных соединений, а в XX в. возникли последовательно стыковые науки: геохимия, биохимия, биоорганическая химия, биоэлектрохимия, космохимия и ряд других [6, с. 13–14]. Позже, в 1930-е гг., «аналитическая химия вступила в новый этап своего развития, связанный с внедрением инструментальных методов анализа» [7, с. 28–29]. В химических лабораториях появились физические приборы, которые позволили регистрировать весьма малые концентрации веществ, отслеживать протекание химических реакций. Примерно с 60-х гг. XX в. при исследовании химических процессов стали применять электронно-вычислительные машины, что дало возможность строго контролировать процессы измерения, повысить результативность экспериментов и достоверность результатов исследований. В связи с этим сегодня вполне возможно определять вещества, содержание которых не превышает в образце $\approx 1 \times 10^{-12} \div 1 \times 10^{-16}$ г [7, с. 30].

Криминалистика как наука начала формироваться только на рубеже XIX–XX вв. До этого не существовало достаточно полно разработанных естественнонаучных теорий, в том числе криминалистической теории. В России, например, как отмечает Р. С. Белкин, криминалистические рекомендации рассматривались тогда только в работах уголовно-процессуального характера: «Опыт краткого руководства для произведения следствий» Н. М. Орлова (1833), «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству»

производству» Я. Баршева (1841), «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г.» А. А. Квачевского (1867), «Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах» П. В. Макалинского (1901) [8, с. 9–15].

Примерно с 1890-х гг. начался переход от «младенческой» криминалистики к уровню криминалистики зрелой – классической [9, с. 5]. Об этом свидетельствуют и зарубежные, и российские публикации того времени: «Что такое криминалистика» К. Штосса (1900); «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею» Е. Ф. Бурина (1903). В 1909 г. в России было опубликовано в трех выпусках «Искусство раскрытия преступлений» («Дактилоскопия», «Антропометрия», «Судебно-полицейская фотография») В. И. Лебедева. Особо следует отметить также работу «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» Г. Гросса (1898).

На этом уровне развития криминалистики возможно определить несколько этапов. В таких работах, как «Основы уголовной техники» С. Н. Трегубова (1915) и «Очерки по следственной части. История. Практика» Б. Л. Бразоля (1916), прослеживаются два криминалистических направления – криминалистическая техника и криминалистическая тактика. В работах 1920–1930-х гг. («Дактилоскопия как метод регистрации» П. С. Семеновского (1923), «Практическое руководство к расследованию преступлений» И. Н. Якимова (1924), «Техника расследования преступлений» Н. П. Макаренко (1925), «Судебная фотография» С. М. Потапова (1926), «Методика расследования преступлений» В. Я. Громова (1929), «Криминалистика. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений» (1935), «Криминалистика. Кн. 2. Методика расследования отдельных видов преступлений» (1936)) получают развитие и другие разделы и направления криминалистики. Наряду с практическими положениями, в них рассматриваются некоторые теоретические вопросы: о предмете криминалистики, ее целях, задачах и системе – технике, тактике и методике.

Как отмечает Р. С. Белкин, «отечественная криминалистика восприняла у русской дореволюционной криминалистики идею самостоятельного существования этой науки. Уже в первые годы своего становления криминалистика выступала как специфическая область научного знания со своим предметом и методами... Становление криминалистики после революции проходило в условиях, с одной стороны, накопления эмпирического материала, а с другой стороны – распространения накопленных знаний среди работников следствия, уголовного розыска, экспертных учреждений... Но даже в эти годы в криминалистических работах уже имелся ряд оригинальных теоретических положений» [8, с. 20–21].

Впоследствии, по мере накопления и обобщения эмпирического материала, как положительного, так и отрицательного опыта применения в борьбе с преступностью криминалистических методов и средств, после разработки философских проблем криминалистической науки в конце 60-х гг. XX в. в советской криминалистике стали формироваться частные криминалистические теории. Естественно, начался переход на следующий этап развития нашей классической криминалистики – формирование общей теории криминалистики, когда

«в полном объеме проявились общие законы развития научного знания, испытывающие определяющее влияние научно-технического прогресса, и в первую очередь дифференциации и интеграции научного знания, взаимопроникновение методов научного исследования, синтеза понятий и комплексности усилий представителей разных наук в решении общих задач» [8, с. 41].

Об этом свидетельствуют развитие используемых на практике приемов, способов, методов и средств исследования криминалистических объектов и нарастающий объем публикаций, посвященных исследованиям в области теории, методологии криминалистики и освещающих историю криминалистики и судебной экспертизы как в России, так и за рубежом: «Следы на месте преступления» (1961), «Судебная экспертиза в уголовном процессе» (1963), «Очерки истории криминалистики и судебной экспертизы» (1975) И. Ф. Крылова; «Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека» В. Е. Корноухова (1982); «Следы в пыли. Развитие судебной химии и биологии» (1982) и «Век криминалистики» (1984) Ю. Торнвальда; «Были и легенды криминалистики» (1987) и «В мире криминалистики» (1989) И. Ф. Крылова; «Курс криминалистики» в трех томах Р. С. Белкина (1997); «Судебная экспертиза. Курс общей теории» Т. В. Аверьяновой (2006); «Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе» Е. Р. Россинской (2008); «Теория судебной экспертизы» Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной, А. М. Зинина (2009); «Криминалистика» Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, Ю. Г. Корухова, Е. Р. Россинской (2010).

В очень небольшом промежутке с 60-х гг. прошлого века до сегодняшних дней уместилось несколько уровней и вех развития криминалистики в России: «классическая», «неклассическая», «постнеклассическая» – «синтетическая» криминалистика [10, с. 280–288]. Сущностью синтетического понимания и реализации на практике криминалистических знаний является установление связей одного объекта с другими, его окружающими. Это позволяет с наибольшей достоверностью определить его характеристики: свойства, качества, состояние и функционирование.

«Раскрыть преступление» означает, помимо прочего, установить лицо, его совершившее. И правильно отмечено, что «свойства человека, являющиеся объектом отдельных экспертиз, не существуют изолированно, а находятся во взаимосвязи, взаимообусловленности, что позволяет использовать в процессе расследования не только информацию, содержащуюся в следах, но и опосредованную внутренними связями. Данный подход весьма важен для следственной и экспертной практики, потому что характеризует качественно новый уровень в возможности судебной экспертизы, а именно – возможность прогностических исследований» [11, с. 5].

Синтетический подход позволяет предпринять попытки определения и установления характеристик личности преступника по оставляемым им следам совершения преступления.

Остановимся на некоторых противоречивых моментах, характеризующих развитие криминалистики в СССР и в дальнейшем – в России.

1. Ученые отмечают, что основные криминалистические школы – австро-германская, советская (социалистическая), романская и англосаксонская – сформировались на основе существующих правовых систем под влиянием преимущественно национальных условий и традиций. Исторически прослеживается, что австро-германская школа криминалистики на начальном этапе оказала наибольшее влияние на формирование дореволюционной российской и, соответственно, советской криминалистики, поэтому некоторые исследователи обращают внимание на близость германской и российской криминалистических моделей [8, с. 15–19].

2. Противоречивость воззрений на криминалистику как науку в советский период объясняется, в частности, рядом идеологических установок. На первый план советскими (российскими) учеными-криминалистами выдвигался тезис о реакционной сущности буржуазной криминалистики. Соответственно, неоспоримым было и утверждение об особом статусе, «уникальности» социалистической криминалистики: советская криминалистика – это норма, буржуазная – отклонение от нормы, аномалия (по крайней мере можно смело утверждать о недостаточной развитости западных криминалистических школ и моделей). Из всего этого следовал «логичный» вывод о невозможности их применения на местном, российском уровне [12; 13]. Однако видными советскими криминалистами не отвергались возможности изучения и применения передового опыта использования зарубежных криминалистических средств и методов борьбы с преступностью [13].

До настоящего времени криминалистика в России, как бы она ни называлась (советская, социалистическая, российская), развивается по своему особому пути, в отрыве от интернациональных исследовательских сетей. Это негативно сказывается на развитии криминалистической теории: затрудняет процесс сближения различных криминалистических школ, разработку единой общей теории и методологии криминалистики и применения на практике современных криминалистических приемов, способов, методов и средств в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений и правонарушений, разрешения гражданских споров.

Применительно к судебной экспертизе сегодня ряд исследователей особо отмечают, что, к сожалению, постоянная совместная работа в области международной экспертной науки и практики пока не ведется и на государственном уровне не планируется [14].

Между тем представляются вполне определенными и предлагаемые криминалистами основные направления изучения и применения зарубежного опыта в области судебной экспертизы:

- 1) использование зарубежных технических средств исследования;
- 2) применение зарубежных методов и методик исследования;

- 3) обеспечение сотрудников экспертно-криминалистических подразделений России научно-методическими материалами, разработанными за рубежом;
- 4) организация представительства российских экспертов на международных конференциях и в сообществах экспертов;
- 5) организация стажировок российских экспертов на базе зарубежных научно-практических учреждений;
- 6) совместная с зарубежными экспертами научно-исследовательская деятельность [15, с. 35–37].

Считаем, что все это уместно распространить на работу в области криминалистической теории и практики. Очевидно, что первоочередными мерами на данном пути должны стать действия по активизации участия российских криминалистов в одной из наиболее крупных международных судебно-экспертных организаций – Европейской сети судебно-экспертных учреждений ENFSI (European Network of Forensic Science Institutes).

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб.: Н. К. Мартынов, 1908.
2. Шпренгер Я., Инститориус Г. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветков. 2-е изд. М.: Интербук, 1990.
3. Основы естественно-научных знаний для юристов: учеб. для вузов по курсу «Концепции современного естествознания» / под ред. Е. Р. Россинской. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
4. Кацнельсон З. С. Клеточная теория в ее историческом развитии. Л.: Гос. изд-во мед. лит., 1963.
5. Проскуряков В. А., Макареня А. А., Авербух А. Я. Химические школы Петербурга – Ленинграда. Л.: Знание, 1976.
6. Лейстнер Л., Буйташ П. Химия в криминалистике: пер. с венг. М.: Мир, 1990.
7. Торвальд Ю. Век криминалистики. М.: Прогресс, 1984.
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997.
9. Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
10. Коновалов Г. Г., Кайргалиев Д. В. Взаимосвязь естественных наук с криминалистикой: исторический аспект // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113).
11. Корноухов В. Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1982.
12. Волынский А. Ф. Криминалистика в зарубежных странах // Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. А. Ф. Волынского. М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАТА, 2000.

13. Винберг А. И. Криминалистика. Раздел I. Введение в науку: учеб. пособие. М.: Юрид. лит., 1962.
14. Сокол В. Ю. Глобализация и интернационализация криминалистики // Общество и право. 2010. № 3.
15. Пахомов А. В. О проблемах изучения и использования зарубежного опыта в области судебной экспертизы // Рос. следователь. 2008. № 18. С. 35–38.

© Котельникова Д. В., Коновалов Г. Г., 2019

References

1. Gross G. The guidelines for forensic investigators as the system of forensics. Saint Petersburg: N.K. Martynov; 1908.
2. Sprenger J., Institoris H. The hammer of witches. Transl. from Latin by N. Tsvetkov. 2nd ed. Moscow: Interbook; 1990.
3. Basics of natural science studies for lawyers. Textbook for higher education institutions in Concepts of Modern Natural Science / Ed. By E. R. Rossinskaia. Moscow: NORMA-INFRA-M; 1999.
4. Katsnelson Z. S. The cell theory in its historical development. Leningrad: Gos. izd-vo med. lit.; 1963.
5. Proscuriakov V. A., Makarenia A. A., Averbukh A. I. Chemical schools of Saint Petersburg/Leningrad. Leningrad: Znanie; 1976.
6. Leistner L., Buitash P. Chemistry in forensics. Transl. from Hungarian. Moscow: Mir; 1990.
7. Torvald I. The century of forensics. Moscow: Progress; 1984.
8. Belkin R. S. Forensics course. 3 v. V. 1. The general theory of forensics. Moscow: Iurist; 1997.
9. Krylov I. F. In the world of forensics. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta; 1989.
10. Konovalov G. G., Kaigaliev D. V. The interconnection between natural sciences and forensics: the historical aspect. Eurasian Law Journal. 2017; 113 (10).
11. Kornoukhov V. E. The comprehensive forensic expert examination of human qualities. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta; 1982.
12. Volynskii A. F. Forensics in foreign countries. Forensics. Textbook for higher education institutions / Ed. by A. F. Volynskii. Moscow: Zakon i Pravo; IUNITI-DATA; 2000.
13. Vinberg A. I. Forensics. Section 1. Introduction into science. Study guide. Moscow: Iurid. Lit; 1962.
14. Sokol V. I. Globalization and internationalization of forensics. Society and Law. 2010; 3.
15. Pakhomov A. V. Concerning the problems of studying and using foreign experience in the sphere of forensic examination. Russian Investigator. 2008; 18: 35–38.

© Kotelnikova D. V., Konovalov G. G., 2019

* * *

ББК 67.521.5
УДК 343.982.4

DOI 10.25724/VAMVD.KHIJ

.....,
главный специалист по экспертизе
службы безопасности ПАО «МТС-Банк»

Статья открывает цикл работ, посвященных возможностям использования программно-аппаратного комплекса «Эксперт-К» для решения задачи по установлению последовательности выполнения реквизитов документов, выполненных «жидкими» материалами письма.

В настоящей публикации рассмотрен потенциал исследования пересекающихся штрихов, нанесенных штемпельными красками, в различных режимах освещения, включая исследование в проходящем видимом свете (на просвет). Отмечается, что выбор метода исследования для указанных материалов письма определяется их свойствами. Не исключается возможность исследования подобных пар пересекающихся штрихов с использованием как микроскопа с коаксиальным освещением, так и обычного стереомикроскопа с набором светофильтров.

Подчеркивается, что для получения достоверного результата экспертизе необходимо иметь аналоги тех материалов письма, которыми выполнены исследуемые пересечения. Целью выполнения экспериментальных пересечений с помощью материалов-аналогов является подбор оптимальных условий и методов исследования для однозначного определения последовательности нанесения исследуемых реквизитов. Автором исследованы различные режимы съемки участков пересечений штрихов, образованных штемпельными красками, с использованием программно-аппаратного комплекса «Эксперт-К», что позволило прийти к выводу о сопоставимости полученных результатов с результатами применения зарубежных аналогов видеоспектральных систем.

.....: пересекающиеся штрихи, материалы письма, аналоги материалов письма, штемпельные краски, программно-аппаратный комплекс, исследование в проходящем видимом свете, подбор условий и методов исследования.

.....
*Статья первая из цикла «Исследование пересекающихся штрихов с использованием программно-аппаратного комплекса «Эксперт-К».

V. B. Danilovich,
Chief Forensic Expert,
Security Service, PJSC «MTS Bank»

STUDY OF CROSSING STROKES, MADE WITH STAMP INK

This article starts the series of articles covering the study of crossing strokes made with colored fluid in requisites of documents. The underlying study was made with hardware-software television system "Expert-K".

The article shows potential to study crossings made with stamp ink in different lighting regimes including study in transient visible light. It is noted that the features of the underlying writing materials determine choice of research approach. Potential to study similar pairs of crossing strokes both with coaxial microscope and with stereoscopic microscope having set of light filters is not eliminated as well.

It is stressed that in order to get authentic results, any expert should have similar writing materials to those with which the studying crossings have been made. The objective to make experimental crossings with similar writing materials is to find matching research conditions and to determine appropriate research approach in order to determine the sequence of strokes made in requisites of documents. The author studied different shooting modes for crossing strokes with hardware-software television system "Expert-K" and the outcome is that the obtained findings are comparable with ones obtained by similar foreign video spectral systems.

Key words: crossing strokes, writing materials, similar writing materials, stamp ink, hardware-software television system, study in transient visible light, matching research conditions and approach.

* * *

Решение задачи по установлению последовательности выполнения реквизитов документов по-прежнему остается одной из актуальных проблем судебно-экспертной практики, различные способы решения которой предлагались в специальной литературе разных лет [1; 2; 3; 4, с. 70–90]. Однако на сегодняшний день остаются некоторые вопросы методического обеспечения данного вида экспертных исследований, в частности в отношении реквизитов документов, нанесенных различными «жидкими» материалами письма – разнообразными штемпельными красками, предназначенными для нанесения оттисков печатей и штампов в документах.

В опубликованной ранее работе [2, с. 113–119] автором описан случай из практики, когда после исследования в проходящем свете двух оттисков штампа, имеющих участки пересечения, были получены результаты, наглядно демонстрирующие их взаиморасположение по отношению друг к другу. В целях

* This is the first article out of series of articles devoted to «The study held with hardware-software television system «Expert-K».

уточнения возможности применения метода исследования в проходящем свете для реквизитов, нанесенных современными штемпельными красками, было проведено углубленное экспериментальное исследование модельных пересечений с использованием программно-аппаратного комплекса «Эксперт-К», выпускаемого ООО «ЭВС» (г. Санкт-Петербург, Россия) (рис. 1, 2).

. 1. Общий вид программно-аппаратного комплекса «Эксперт-К»

. 2. Общий вид панели прибора с обозначением режимов освещения

В приборе реализованы режимы освещения, с помощью которых можно получить изображения объектов в отраженном, косопадющем, проходящем видимом и инфракрасном свете. Управление прибором позволяет выполнить ручную и автоматическую фокусировку изображений, выбрать необходимый масштаб изображения, а также получить информацию о работе подключаемых к прибору дополнительных приспособлений.

Видеоблок прибора снабжен 25 светофильтрами, применяемыми для наблюдения в отраженном видимом свете, на просвет и в косопадющем ос-

вещении, УФ-люминесценции, в отраженном ультрафиолетовом свете и для спектроскопических исследований.

Опыт работы автора на указанном приборе позволяет считать его технические характеристики вполне сопоставимыми с аналогичными характеристиками видеоспектральных систем (компараторов), выпускаемых зарубежными производителями: Projectina (Швейцария) и Foster&Freeman (Великобритания).

Для проведения эксперимента были выбраны в качестве наиболее распространенных следующие штемпельные краски: синего цвета немецкой фирмы Stangler, фиолетового цвета австрийской фирмы Trodat, синего и фиолетового цветов фирмы Horse (Тайланд).

На стандартных листах бумаги формата А4 в двух заведомо известных вариантах их взаиморасположения выбранными «жидкими» материалами письма были изготовлены экспериментальные пересечения, которые впоследствии исследовались в проходящем видимом свете (на просвет), отраженном и косопадющем видимом свете и ультрафиолетовой зоне спектра.

Работа на приборе проводилась следующим образом: выбирался конкретный режим освещения, и исследуемые экспериментальные участки пересечения изучались с помощью всех имеющихся в видеоблоке светофильтров в целях получения однозначного результата, соответствующего истинному взаиморасположению пересекающихся штрихов.

Рассмотрим на конкретных примерах результаты исследования пересекающихся штрихов в зависимости от материалов письма, которыми они выполнены, и режимов их освещения.

В качестве первой группы экспериментальных объектов были выбраны штрихи оттисков, нанесенные штемпельной краской (ШК) синего цвета Stangler (Германия), которые пересекаются со штрихами, нанесенными штемпельной краской фиолетового цвета Horse (Тайланд). Продемонстрируем результаты съемки указанных штрихов в отраженном видимом свете в режимах F01 ($\lambda=300-750$ нм) (рис. 3, 4) и F04 ($\lambda=350-1000$ нм) (рис. 5, 6).

3. ШК фиолетового цвета сверху, ШК синего цвета снизу

4. ШК синего цвета сверху, ШК фиолетового цвета снизу

. 5. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

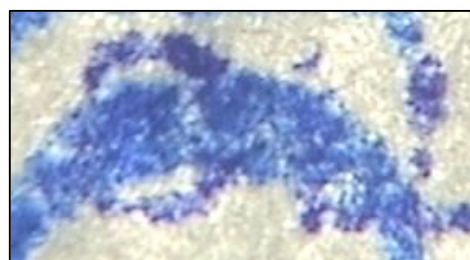
. 6. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

Полученные результаты позволяют утверждать, что при исследовании участков пересечения в указанном выше режиме освещения последовательность нанесения реквизитов не дифференцируется.

Далее проводилась съемка указанных штрихов в проходящем видимом свете в режимах F01($\lambda=300-750$ нм) (рис. 7, 8), F05 ($\lambda=470-1\ 100$ нм) (рис. 9, 10), F06 ($\lambda=400-800$ нм) (рис. 11, 12), а также в ультрафиолетовой зоне спектра в режимах F01 ($\lambda=300-750$ нм) (рис. 13, 14) и F06 ($\lambda=400-800$ нм) (рис. 15, 16).

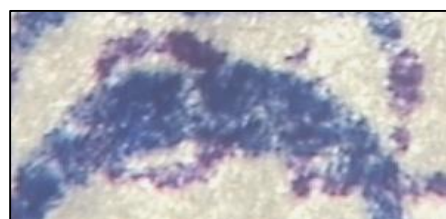
. 7. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 8. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

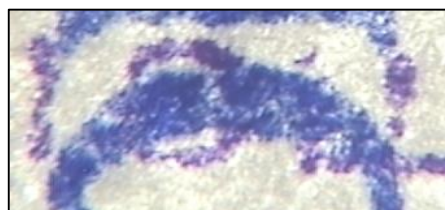
. 9. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 10. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

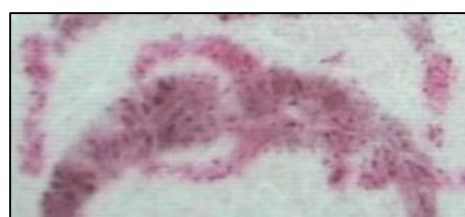
. 11. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 12. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

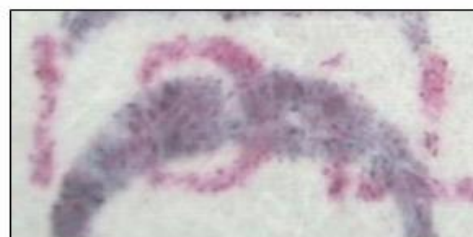
. 13. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 14. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

. 15. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 16. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

Приведенные выше иллюстрации применения режимов изучения штрихов в проходящем свете и ультрафиолетовой зоне спектра наглядно демонстрируют однозначную картину последовательности нанесения реквизитов документов, что позволяет успешно использовать указанные методы для решения данной экспертной задачи.

Отдельно отметим особый режим освещения «Спектр» программно-аппаратного комплекса «Эксперт-К», который позволяет проводить спектрональные исследования в узкополосных поддиапазонах длин волн 570, 610, 645, 695, 780, 850 и 950 нм, а также с помощью 11 отрезающих светофильтров. На рис. 17, 18 приведены примеры использования данного режима для исследования известной нам пары пересекающихся штрихов.

. 17. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 18. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

Очевидно, что для представленной пары пересекающихся штрихов не все режимы освещения пригодны для установления последовательности их нанесения. Наиболее результативными оказались режимы съемки в проходящем видимом свете, в ультрафиолетовой зоне спектра и режим освещения «Спектр». При выборе экспертом одного из указанных режимов результат исследования будет одинаков, поэтому возможно иллюстрировать результаты, полученные при исследовании во всех режимах освещения, либо остановиться на результатах исследования с использованием какого-то одного режима освещения. Главное, чтобы снимки были наглядными, информативными и не вызывали сомнений.

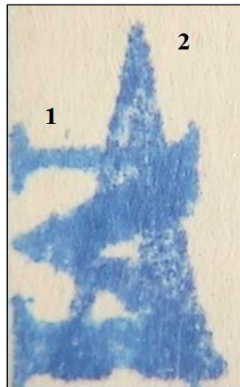
В качестве второй группы экспериментальных объектов были выбраны штрихи оттисков, нанесенные штемпельной краской синего цвета Stangler (Германия), которые пересекаются со штрихами, нанесенными штемпельной краской синего цвета Horse (Тайланд).

Продемонстрируем результаты съемки указанных штрихов в отраженном видимом свете в режимах F01 ($\lambda=300-750$ нм) (рис. 19, 20) и F04 ($\lambda=350-1100$ нм) (рис. 21, 22).

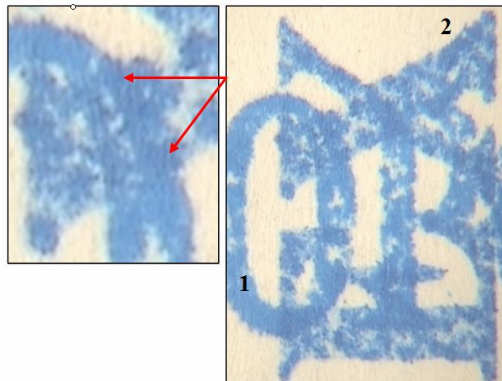
На увеличенном фрагменте, прилагаемом к рис. 20, четко видна граница штриха, лежащего сверху (границы ШК синего цвета Horse отмечены стрелками красного цвета).

Полученные результаты позволяют утверждать, что в режиме отраженного видимого света четко наблюдается дифференциация последовательности нанесения реквизитов документов.

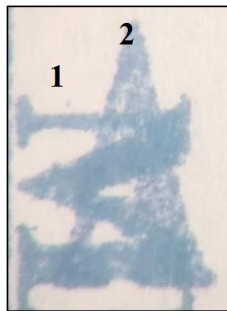
Далее проводилась съемка в проходящем видимом свете в режимах F01 ($\lambda=300-750$ нм) (рис. 23, 24), F06 ($\lambda=400-800$ нм) (рис. 25, 26).

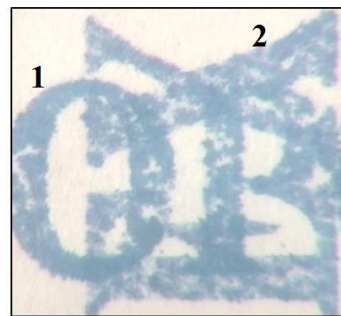
. 19. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse (2) снизу

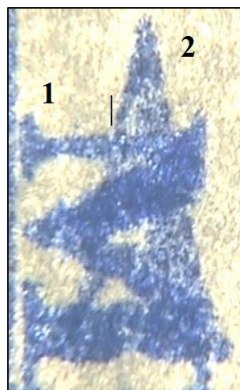
. 20. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

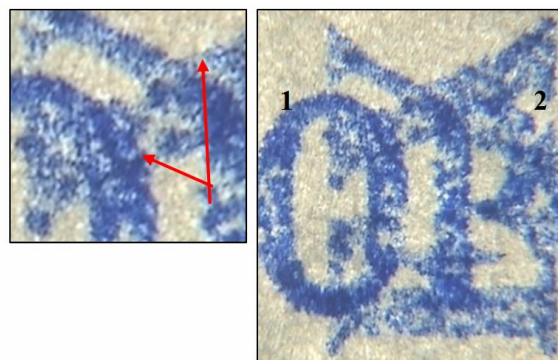
. 21. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse (2) снизу

. 22. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

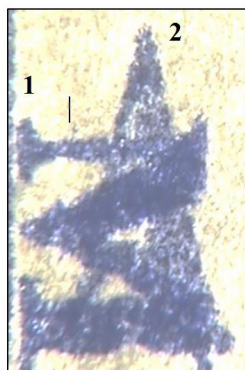
. 23. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse(2) снизу

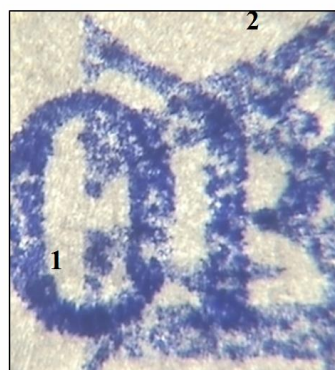
. 24. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

На увеличенном фрагменте, прилагаемом к рис. 24, четко видна граница штриха, лежащего сверху (границы ШК синего цвета Horse отмечены стрелками красного цвета).

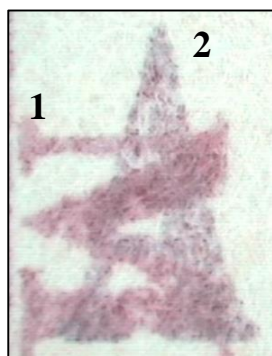

. 25. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse (2) снизу

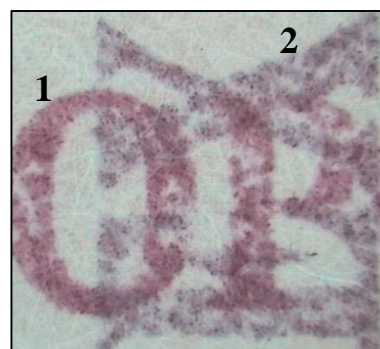

. 26. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

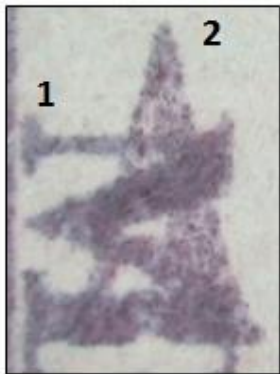
Приведенные выше иллюстрации применения режима изучения штрихов в проходящем видимом свете однозначно показывают последовательность нанесения реквизитов документов. Указанные штрихи изучались также в ультрафиолетовой зоне спектра в режимах F01 ($\lambda=300-750$ нм) (рис. 27, 28), F04 ($\lambda=350-1100$ нм) (рис. 29, 30), F15 ($\lambda=570-1100$ нм) (рис. 31, 32), F16 ($\lambda=610-1100$ нм) (рис. 33, 34) и режиме освещения «Спектр» в положении F01 ($\lambda=300-750$ нм) (рис. 35, 36).

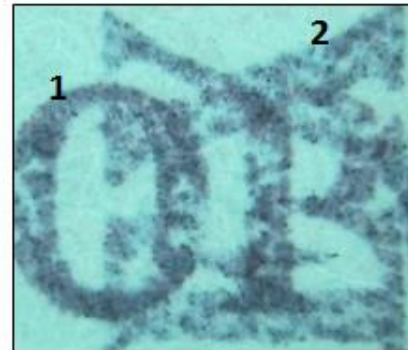
. 27. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse (2) снизу

. 28. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

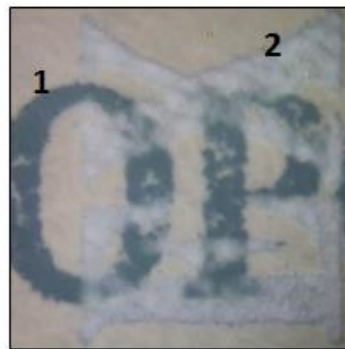
. 29. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse (2) снизу

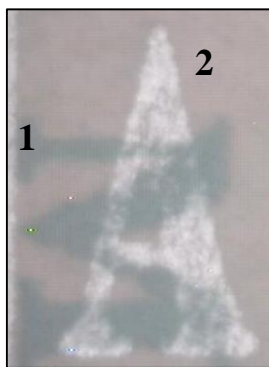
. 30. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

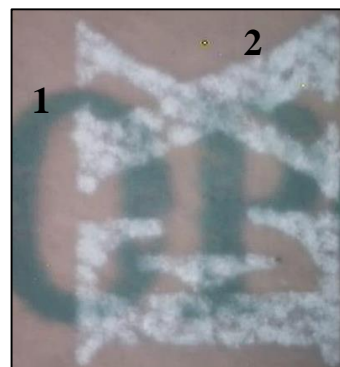
. 31. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse (2) снизу

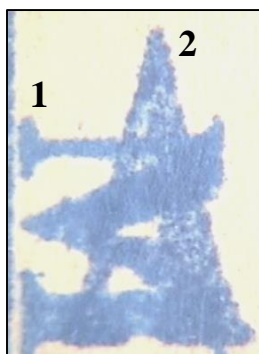
. 32. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

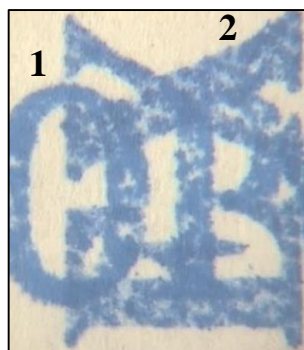
. 33. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse (2) снизу

. 34. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

. 35. ШК Stangler (1) сверху,
ШК Horse (2) снизу

. 36. ШК Horse (2) сверху,
ШК Stangler (1) снизу

Очевидно, что для этой пары пересекающихся штрихов полноценными режимами освещения, наглядно показывающими однозначную картину последовательности нанесения реквизитов документов, являются: отраженный видимый, проходящий видимый (на просвет) и режим исследования в ультрафиолетовой зоне спектра.

Следующей группой экспериментальных объектов исследования были выбраны штрихи оттисков, нанесенные штемпельной краской синего цвета Stangler (Германия), которые пересекаются со штрихами, нанесенными штемпельной краской фиолетового цвета Trodat (Австрия).

Продемонстрируем результаты съемки указанных штрихов в каждом из четырех режимов освещения: отраженном видимом свете (рис. 37–40), проходящем видимом свете (рис. 41–44), в ультрафиолетовой зоне спектра (рис. 45–48) и режиме освещения «Спектр» (рис. 49–52). Для всех этих видов съемки применялись одни и те же условия: режимы F04 ($\lambda=300-750$ нм) и F06 ($\lambda=350-1100$ нм).

. 37. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

. 38. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 39. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

. 40. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 41. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

. 42. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

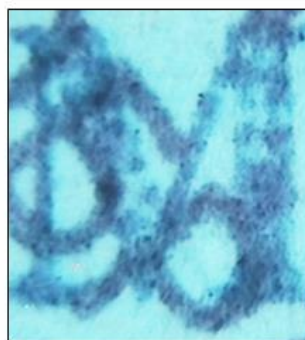
. 43. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

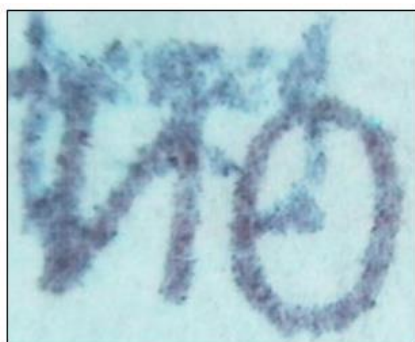
. 44. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 45. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

. 46. ЦК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 47. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

. 48. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 49. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

. 50. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

. 51. ШК синего цвета сверху,
ШК фиолетового цвета снизу

. 52. ШК фиолетового цвета сверху,
ШК синего цвета снизу

Полученные результаты позволяют утверждать, что при исследовании пересекающихся штрихов, выполненных штемпельными красками синего (Stangler, Германия) и фиолетового (Trodat, Австрия) цветов, при одинаковых условиях съемки в различных режимах освещения, вопрос о последовательности выполнения реквизитов документа решается в категорической форме.

В следующей статье автором будет рассмотрена возможность использования программно-аппаратного комплекса «Эксперт-К» для решения вопроса о последовательности выполнения реквизитов документа, нанесенных такими «жидкими» материалами письма, как штемпельная краска (синего и фиолетового цветов) и чернила черного цвета для струйного принтера.

1. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документовъ, производство ея и пользование ею: репринт. изд. М., 2002.
2. Данилович В. Б. Методика исследования пересекающихся штрихов: миф или реальность? // Судебная экспертиза. 2018. № 1 (53). С. 113–121.
3. Потапов С. М. Техника исследования документов / пер. с нем. работы А. Ш. Осборна. М., 1932.
4. Шведова Н. Н. Оптическая микроскопия как метод исследования реквизитов документов: возможности и пределы применения // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 79–90.

© Данилович В. Б., 2019

References

1. Burinsky Ye. F. Forensic Examination of Documents, its Execution and Usage. Reprintpublication, Moscow; 2002.

2. Danilovich V. B. Research Techniques for Crossing Strokes: Myth or Reality? Forensic Examination. 2018; 52 (1): 113–121.

3. Potapov S. M. Documents' Study Technics. Translated from german Albert S. Osborn's works. Moscow; 1932.

4. Shvedova N. N. Optical Microscopyas Research Method for Requisites of Documents: Resources and Limits. Forensic Examination. 2016; 46 (2): 79–90.

© Danilovich V. B., 2019

* * *

CONTACT INFORMATION

Alekseeva Anna Pavlovna
annavolg@yandex.ru

Bobovkin Mikhail Victorovich
mbobovkin@yandex.ru

Bozhchenko Alexander Petrovich
bozhchenko@mail.ru

Volynsky Alexander Fomich
svetzhavoron@yandex.ru

Danilovich Vladimir Borisovich
dzb@mtsbank.ru

Didenko Olga Alexandrovna
diola4@mail.ru

Kolotushkin Sergey Mikhailovich
kolotushkinsm@mail.ru

Konovalov Gennady Georgievich
+7-904-421-26-31

Kotelnikova Dina Valerievna
va-dina@mail.ru

Kochubey Andrey Vladislavovich
krimtehnika@mail.ru

Kurin Alexey Alexandrovich
aakyrin@mail.ru

Nalgiev Ruslan Kureishevich
so-sar@mail.ru

Nurushev Arstangali Amangalievich
nurushev_a@mail.ru

Popov Andrey Igorevich
popovded@rambler.ru

Printseva Maria Yuryevna
ficentre@igps.ru

Provich Vladimir Antonovich
kse60@mail.ru

Ryzhkov Ivan Victorovich
van-astra.net@list.ru

Solodova Tatyana Anatolyevna
tatyana.solodova@mail.ru

Tumanovskiy Arthur Alexandrovich
ficentre@igps.ru

Khrystalev Vitaliy Nikolaevich
khrustaluov@yandex.ru

Cheshko Ilya Danilovich
ficentre@igps.ru

Chulkov Igor Aleksandrovich
chulkov09.02@mail.ru

Yurin Vladimir Mikhailovich
yurin55@list.ru

« »,

Журнал «Судебная экспертиза» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре – ПИ № ФС77-47195.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – 46462.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию: педагогических работников, адъюнктов, аспирантов, курсантов и слушателей ВА МВД России и других образовательных организаций, сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, работников суда, прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатов.

:

– ознакомление научной общественности, практических работников, адъюнктов, аспирантов с новыми научными разработками в области судебно-экспертной деятельности;

– анализ актуальных проблем теории и практики судебных экспертиз и исследований;

– представление результатов научной деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров по специальности «Судебная экспертиза»;

– организация открытой научной дискуссии и обмена передовым опытом судебно-экспертной деятельности, осуществление профессиональной подготовки судебных экспертов.

:

– соответствовать по своему содержанию приоритетному направлению журнала;

– содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

– предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для судебно-экспертной деятельности, профессио-

нальной подготовки судебных экспертов, экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку (рецензирование) по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

По запросу экспертного совета рецензия может быть направлена в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

Объем рукописи не должен превышать десяти машинописных страниц – для аспирантов и соискателей; до пятнадцати страниц – для имеющих степень кандидата или доктора наук. Рукопись, подготовленная автором иностранного государства, представляется и издается на английском языке.

Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

Каждая статья должна содержать:

1. Заголовок на русском и английском языке.
2. Аннотацию¹ на русском и английском языке (от 120 до 250 слов). Аннотация должна содержать следующие аспекты содержания статьи:
 - 2.1. Предмет, цель работы.
 - 2.2. Метод или методологию проведения работы.
 - 2.3. Результаты работы.
 - 2.4. Область применения результатов.
 - 2.5. Выводы.
3. Ключевые слова² на русском и английском языке.
4. Сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты – данные сведения будут опубликованы).
5. Пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТа Р 7.0.5–2008, на русском и английском языках.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее дата, ФИО руководителя, его подпись.

Вместе с рукописью статьи в редакцию журнала направляется заполненная и подписанная заявка (бланк на сайте журнала: www.va-mvd.ru/sudek/).

¹ – краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям ориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5–15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД – это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Электронный вариант рукописи статьи в формате .doc и скан-копия заявки направляются на адрес редакции журнала: ***c-expertisa@yandex.ru***.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на оригинальность на сайте *www.antiplagiat.ru*.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

В случае возникновения вопросов обращаться по телефонам:
(8442) 24-83-64, (8442) 24-83-62.